

№.

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

2006

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

1

2006

ЯНВАРЬ •

ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Искендеров П.А.* (Москва). Албанский вопрос: от войн Балканских к Первой мировой войне 3
- Вишняков Я.В.* (Москва). Внеконституционные факторы в развитии сербской государственности 15
- Ямбаев М.Л.* (Москва). Четыре Внутренней македонской революционной организации на начальном этапе деятельности 22
- Михутина И.В.* (Москва). Западно-Украинская народная республика 29
- Старикова Н.Н.* (Москва). Исторический роман в словенской литературе межвоенного периода. Генезис жанра 39
- Семенова А.В.* (Москва). К вопросу о составлении идеографического фразеологического диалектного словаря (на материале фразеологии кочевских и кашубских говоров польского языка) 50

СООБЩЕНИЯ

- Винокуров В.С.* (Москва). Политическая активность офицерства в Сербии в начале XX века 65
- Комиссарова Е.В.* (Санкт-Петербург). Проблемы алфавитной нормы в славянском книгоиздании XIX–XX веков (по материалам Библиотеки РАН) 72
- Иванова Е.Ю.* (Санкт-Петербург). Артиклевая маркированность предикативной именной группы в болгарском предложении: грамматика и семантика 86

ПУБЛИКАЦИИ

- Соколовская О.В.* (Москва). Письма капитана 1-го ранга М.Ю. Гаршина к королеве эллинов Ольге Константиновне Романовой в годы Первой мировой войны 92

<i>Задорожник И.Е.</i> А. де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество.....	120
<i>Белов М.В.</i> М. Јовановић. Језик и друштвена историја. Друштвеноисторијски оквири полемике о српском књижевном језику.....	122
От редакции Института славяноведения РАН и редколлегии и редакции журнала "Славяноведение".....	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.В. Болдов (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Якушкина В.И.* (отдел лингвистики),
Стькалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20

E-mail: jurslav@rambler.ru

© 2006 г. П. А. ИСКЕНДЕРОВ

АЛБАНСКИЙ ВОПРОС: ОТ ВОЙН БАЛКАНСКИХ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

При всем многообразии проблем и противоречий, исторически присущих балканскому региону, пожалуй, именно в албанском вопросе нагляднее всего воплотились те стремительные и противоречивые процессы, которые происходили и сегодня продолжают происходить на Балканах. Откуда, кстати, вести его, так сказать, “родословную”; когда впервые показались ростки тех его особенностей и компонентов – как внутривалканских, так и общеевропейских – которые столь зримо заявили о себе в 1912–1914 гг.? Пожалуй, первым фактом, нашедшим отражение в дипломатических документах, когда албанскому вопросу в начале XX в. было придано ясное международное звучание – причем по инициативе Сербии – стали события сентября 1907 г. В Македонии вовсю хозяйничали болгарские, греческие и сербские то ли четы, то ли банды. В воздухе явно ощущался запах возможной очередной сербо-болгарской войны, причем Белград в этом конфликте вполне могли поддержать не только Греция, но и Османская империя. В европейских столицах всерьез обсуждался вопрос о возможности заключения между Белградом и Константинополем (Стамбулом) совместной военной конвенции, направленной против Болгарии, к которой могли присоединиться Афины. Невероятная комбинация с точки зрения событий, разыгравшихся пять лет спустя – осенью 1912 г.!

Зачастую принято считать, что вплоть до аннексионного кризиса 1908–1909 гг. великие державы не уделяли значительного внимания Балканам. Однако именно Франция приняла в начале 1907 г. самое деятельное участие в организации антиболгарского балканского блока.

Опасаясь возможного столкновения с Болгарией, султан через турецкого посла в Париже Мюнир-пашу решил привлечь к балканским делам Францию. И по указанию французского министра иностранных дел С. Пишона Мюнир-паша провел соответствующие переговоры в Белграде и Бухаресте.

14 января 1907 г. в Константинополе была получена телеграмма от турецкого поверенного в делах в Париже Наби-бея, в которой отмечалось, что глава французского внешнеполитического ведомства “как нельзя более доволен тем, что сделанное им Мюнир-паше заявление относительно грозных последствий, которые может повлечь за собой настоящее положение дел на Балканском по-

луострове, было принято в соображение. Напомнив о своих предыдущих советах, министр иностранных дел заявил, что, по его мнению, побудить Болгарию терпеливо выжидать осуществления предпринятых в Македонии реформ возможно лишь в том случае, если удастся отнять у нее всякую надежду на содействие других балканских государств". При этом Пишон прямо заявил Наби-бею, что он "всеми зависящими от него средствами готов содействовать Турции в видах осуществления этой комбинации" [1. Д. 515. Л. 10].

И уже на следующий день в Париж из Константинополя полетела восторженная телеграмма, в которой сообщалось, что "возложенная на Мюнир-пашу миссия увенчалась полным успехом в Белграде. Черногория равным образом вошла в комбинацию и, по-видимому, одна Румыния склонна занять враждебное положение". Далее в телеграмме подчеркивалось, что "мы вновь благодарим французского министра иностранных дел, как за сведения сообщенные им Мюнир-паше и за *внушенную* (курсив мой. – П.И.) ему комбинацию, так и за козвенное содействие, оказанное им осуществлению этой комбинации, насколько она касается Сербии" [1. Д. 515. Л. 10].

Тем временем Франция продолжала наращивать активность в деле сколачивания столько своеобразно понимаемого ею балканского союза. 18, 23 и 25 января турецкий поверенный в делах в Париже направил в Константинополь три телеграммы, касающиеся рассматриваемого вопроса и последовательно содержавшие следующую информацию:

1) Г. Пишон обещал Наби-бею передать румынскому правительству надлежащие советы через прибывших в Париж для переговоров о торговом трактате румынских делегатов.

2) Г. Пишон передал означенные советы румынским делегатам, которые не ожидали этого сообщения и не имели возможности что-либо ответить. Вследствие этого французский министр иностранных дел заявил Наби-бею, что при условии прекращения деятельности греческих банд, для Порты было бы выгодно обеспечить себе содействие Греции. Из этого Наби-бей выводит заключение, что объяснение Г. Пишона с румынскими делегатами произвело на него не особенно благоприятное впечатление, и

3) Г. Пишон сообщил Наби-бею, что Румыния затрудняется присоединиться к комбинации, в которую уже вошли Сербия и Черногория. В виду этого французский министр иностранных дел находит, что со стороны Порты было бы не политично слишком настаивать в Бухаресте.

Принимая в соображение невозможность вовлечь одновременно как Румынию, так и Грецию в комбинацию, о которой идет речь, Г. Пишон полагает, что включение в эту комбинацию Греции было бы весьма выгодно, как с политической, так и с военной точки зрения. В таком случае исчезло бы нерасположение, которое Черногория питает против Греции, и три балканские государства образовали бы группу, между членами которой не существовало бы ни соперничества, ни недоверия, чего едва ли было бы возможно достигнуть, если бы в предполагаемой комбинации место Греции заступила Румыния. В заключение Г. Пишон сообщил Наби-бею, что взгляд этот разделяется Г. Клемансо (премьер-министром Франции. – П.И.), сочувствие коего к Греции хорошо известно" [1. Д. 515. Л. 10–11].

Действительно, французская дипломатия развернула нешуточную активность в Афинах. Здешний французский дипломатический представитель откровенно дал понять своему турецкому коллеге, что он "придает серьезное значе-

ние желанию Греции войти в соглашение с Портой”. Сообщившему об этом 27 января 1907 г. в Константинополь турецкому дипломату, в свою очередь, поручалось “разузнать, существует ли ныне между Грецией и Сербией обмен мыслей в виду положения, которое Болгария готовится создать в Македонии, а также доносить нам (турецкому руководству. – П.И.) обо всех заявлениях и намеках, которые будут Вам сделаны представителем Франции” [1. Д. 515. Л. 11].

Неудивительно, что подобная активность, да еще в одностороннем плане поддерживаемая Францией, была с настороженностью встречена в Санкт-Петербурге. Свое нелицеприятное мнение высказал, в частности, российский дипломатический представитель в Османской империи Зиновьев. “Непосредственное вмешательство в балканские дела помимо нас, – указывал он в весьма секретной депеше, отправленной из Перы 2 февраля 1907 г., – составляет, насколько мне известно, отступление от давно усвоенных парижским кабинетом приемов. Если бы Г. Пишон лучше знал Турцию и Балканский полуостров, то как мне кажется, он понял бы, что игра в сближение шатких балканских государств весьма рискованна и что во всяком случае, она неизбежно вызовет противодействие Австрии” [1. Д. 515. Л. 11]. Со своей стороны, министр иностранных дел России А.П. Извольский направил 14 февраля 1907 г. весьма секретное сообщение российским представителям в Софии, Белграде, Цетинье, Бухаресте и Афинах, в котором следующим образом подытожил всю вышеизложенную информацию: “Данные, уже имеющиеся в министерстве иностранных дел, приводят к заключению о том, что Турция, на случай предполагаемого ею столкновения с Болгарией, стремится изолировать последнюю, обеспечив себе сочувствие Греции, Румынии, Сербии и Черногории... упомянутое выше стремление Турции, по-видимому, принимает ныне уже вполне конкретную форму соглашений с балканскими государствами, и что в этом деле Турция встречает поддержку со стороны Франции” [1. Д. 515. Л. 13].

В качестве способа успокоить страсти великие державы, и, прежде всего, особо заинтересованные в балканских делах Россия и Австро-Венгрия решили представить сербскому правительству разъяснение третьего пункта российско-австрийского Мюрцштегского соглашения о проведении реформ в Македонии от 1904 г. Соответствующее разъяснение было передано министру иностранных дел Сербии Н. Пашичу Сергеевым и графом Форгачем 30 сентября 1907 г. Позднее этот шаг поддержали посланники Франции, Италии и Англии, а также поверенный в делах Германии [1. Д. 514. Л. 55].

Реакция официального Белграда оказалась весьма взвешенной. И, пожалуй, наиболее показательным среди положений ответной сербской ноты, перечисленных Н. Пашичем российскому дипломатическому представителю в Белграде Сергееву, стал пункт, в котором совершенно обоснованно говорилось о том, что великие державы, взявшие на себя ответственность за урегулирование обстановки в одной части Османской империи, не должны упускать из виду другой ее кризисный район – а именно, Старую Сербию. Как указывал Пашич, запланированные македонские реформы должны быть распространены на все вилайеты, до сих пор находившиеся вне сферы деятельности великих держав. “Сербское население в них страдает от арнаутов, безжалостно его уничтожающих. Промедление в распространении программы великими державами может повести к полному исчезновению понятия о Старо-Сербии” – таким была основной вывод Пашича [1. Д. 514. Л. 55].

Но вернемся в 1913–1914 гг. Албанский вопрос накануне Первой мировой войны – это и следствие возросшего национального самосознания и успешного национально-освободительного движения албанцев, и наглядная демонстрация того вавилонского смешения и столпотворения народов, которое не позволяет провести четкие границы и фактически превращает в бессмыслицу опробованный в других частях Европы принцип создания этнических однородных государств и чисто национальных границ. Это и, к сожалению, укоренившаяся в балканских столицах практика взаимной подозрительности и, как следствие, стремление использовать в своих целях любые неурядицы у соседей или даже спровоцировать их искусственно. Это и противоречивая роль великих держав. Насколько последние были, казалось бы, заинтересованы в стабильности на Балканах, настолько же часто они именно в этом регионе с успехом осуществляли древнеримский принцип “разделяй и властвуй” – в том числе и применительно к албанским сюжетам. Наибольшей активностью в этом плане отличались Италия и особенно Австро-Венгрия, для которой активная балканская политика без преувеличения являлась одним из важных факторов собственного выживания как многонациональной империи. Пожалуй, наиболее образно и точно о данной особенности монархии Габсбургов сказал однажды российский поверенный в делах в Вене князь Кудашев: “Внутренние дела Австро-Венгрии так тесно связаны с ее внешней политикой, что весьма трудно обходить молчанием такие факты, которые в любом другом государстве не заслуживали бы быть отмеченными в дипломатических донесениях” [2. Д. 73. Л. 7].

Стратегические приоритеты Вены на Балканах требовали от нее с максимальным подозрением относиться ко всему, что происходило в Сербии. И естественно, территориальное расширение Сербского княжества никак не входило в планы Бальплатца. Отсюда и стремление Австро-Венгрии максимально расширить пределы Албании, создать из “новорожденного” княжества противовес Сербии, а заодно попытаться укрепить в нем собственные военно-политические и финансово-экономические позиции, столь явно проявившееся в период работы Лондонского совещания послов в 1913 г.

11 августа основное направление границ было определено, однако их конкретизация должна была стать предметом работы международных разграничительных комиссий, что означало, что “дипломатическая борьба из здания Форейн офис, где заседала Лондонская конференция, переносится в палатки международных комиссий в Албанских горах” [3. С. 235].

Предложения Австро-Венгрии фактически полностью соответствовали устремлениям лидеров албанского движения, мечтавших о включении в албанские пределы, Печи, Митровицы, Приштины, Скопье, Битоли и даже берегов озера Преспа [4. Р. 78]. Понятно, что подобный проект никак не соответствовал коренным изменениям в настроениях сербов, происшедшим под влиянием военных успехов на балканских фронтах. Еще 2 ноября 1912 г. российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг направил в Санкт-Петербург телеграмму, в которое поделился собственным анализом ситуации на театре военных действий и теми перспективными планами и расчетами, которые существовали в балканских столицах: “Прежде всего есть основание думать, что балканские государства, по крайней мере Сербия и Болгария, твердо решили продолжать военные действия до полного сокрушения Турции; а посему медиация явится возможной лишь после того, как балканская (так в тексте; очевидно “болгарская”. – П.И.) армия, разбившая сегодня турок у Лулэ-Бургаса, займет Адрианополь и подступит к

стенам Константинополя, а сербские войска, занявшие сегодня же Призрен, овладеют Митровицей, Ипеком и, в союзе с отдельным болгарским отрядом, захватят Салоники. Само собою разумеется, что в случае успеха и осуществления такого плана – а это более чем вероятно – по мнению сербов и болгар Европа уже не решится настаивать на сохранении статус-кво и силою вещей вынуждена будет признать за ними право на территориальное расширение. Никто, конечно, и мысли не допускает, чтобы Россия потребовала возвращения Турции земель напоенных славянской кровью. Таким образом медиация в их глазах должна принести с собою не запоздавшие реформы в различных вилайетах, а коренное изменение карты Европейской Турции” [1. Д. 529. Л. 65].

Дополнительную твердость позиции сербского руководства, несомненно, придавали сведения и слухи, поступавшие из других балканских столиц и подчас трактовавшиеся ими весьма расширительно. Об этом также сообщал российский посланник в Белграде. Речь шла, в частности, о том, что Англия и Германия “непрестанно поощряют и сербов и болгар к дальнейшим завоеваниям”, включая даже занятие Константинополя, с тем, “чтобы в Европе не осталось следов от Турции” [1. Д. 529. Л. 76].

28 декабря 1912 г. российский посланник в Белграде с тревогой телеграфировал из сербской столицы в Санкт-Петербург: “Сообщение Новаковича о том, что, по словам графа Бенкендорфа, совещание примет границей Албании Черный Дрин, и одновременно полученное через Вену известие, что Германия и Австрия потребуют присоединения к Албании Дибры, Ипека, Дьяковицы (Джаковицы. – П.И.) и даже Призрена, произвели здесь удручающее впечатление. Сербьы говорят: мы проявили благоразумие и умеренность, подчинившись настоятельным советам России и Тройственного Соглашения, мы отказались от завоеванных земель на Адриатике и от приобретения территориального порта, составлявшего для нас вопрос жизни. Вся Европа признает услугу, оказанную Сербией делу сохранения мира: мы питаем посему твердую уверенность, что Державы, благожелательно расположенные к Сербии, никогда не допустят лишить ее плодов побед, сопряженных с неисчислимыми жертвами. Сербьы рискуя своим существованием выступили на защиту своих единоплеменников-братьев и, если бы войска их не подоспели своевременно к Ипеку, Призрену и Дибре, то все славянское население этих округов подверглось бы поголовной резне со стороны албанцев. Между тем ныне Австрия требует передачи этого населения в руки фанатичных арнаутов. Высказываясь в том же смысле Пашич добавил, что решение пограничного албанского вопроса в вышеупомянутом направлении неминуемо поведет к внутренней катастрофе ибо он сомневается, чтобы сербские войска согласились эвакуировать те земли, где население включительно до мусульман встретило их как избавителей”. Далее тогда уже глава сербского правительства Н. Пашич изложил российскому дипломату результаты своих консультаций по албанскому вопросу с представителями великих держав, заключавшиеся, по его словам, в следующем: “...французский, английский и итальянский посланники телеграфировали своим представителям в сочувственном смысле и выразили надежду, что законным притязаниям Сербии будет оказана поддержка. Австрийский сказал, что насколько ему известно, правительство его намерено руководствоваться следующим принципом: селения и города, где смешанное население, отойдут к Сербии; земли же с чисто албанским элементом должны войти в пределы Албании. Таким образом, добавил он, Ипек, Дьяковица и Дибра естественно примкнут к новой автономной провинции. На воз-

ражение Пашича, что Ипек – старый сербский патриарший город, что там имеются церкви и школы для православного населения, что сербов много и в Дьяковице и в Дибре, как равно и в прилегающих деревнях, Угрон заметил: если это действительно так, то по указанному выше принципу названные пункты отойдут к Сербии”. Вслед за Пашичем Гартвига посетил сам Ринелла, который сообщил, что “дважды телеграфировал в Рим, указывая на желаемую сербами границу по водоразделу, и думает, что правительство его отнесется сочувственно к принципу” [1. Д. 529. Л. 121].

8 февраля 1913 г. Гартвиг сообщал в российский МИД о ситуации, сложившейся в белградских правительственных кругах и сербском общественном мнении, следующее: “По полученным сербским правительством известиям Австрия на конференции в Лондоне требует присоединения к будущей автономной Албании Дьяковского и Дибрского округов. Вместе с тем доверительным путем Пашичу сообщают, будто Франция и Англия противятся своекорыстным требованиям Австрии, направленным явно в ущерб жизненным интересам сербов. Однако отстоять с успехом сербский проект разграничения они могли бы только при более решительном и энергичном воздействии русского представителя на совещаниях. В виду сего Пашич, крайне встревоженный означенными известиями, вновь усердно ходатайствует о мощной поддержке Императорским правительством проекта албанского разграничения по водоразделу во избежание крайне опасных для Сербии внутренних и внешних осложнений. По словам Пашича, ни армия, ни сербский народ никогда не согласятся очистить земли, занятые ценою неисчислимо тяжелых жертв, и ни одно правительство не в силах будет противиться патриотическому народному движению. Со своей стороны считаю долгом добавить: как я уже доносил, и в армии, и в политических кругах все более сказывается недовольство правительством из-за его уступчивости. Удержаться оно может только в случае благоприятного решения пограничного вопроса. Иначе следует ожидать серьезных внутренних потрясений. Радикалы уступят место военной партии, которая будет силою сопротивляться постановлениям Держав, несогласным с сербскими национальными вожделениями” [2. Д. 113. Л. 9]. Спустя несколько дней Гартвиг имел еще одну встречу с Пашичем, по результатам которой телеграфировал 14 февраля, что “в случае отторжения в пользу Албании Дибрского и Дьяковского округов в Сербии действительно следует ожидать народного возмущения при участии армии, которая откажется эвакуировать названные местности. Те же впечатления вынес и мой английский коллега, который уже несколько дней тому назад телеграфировал Грею” [2. Д. 113. Л. 12].

Впрочем, отнюдь не одна только Австрия выступала за расширение границ Албании в ущерб Сербии. Германский статс-секретарь лично заявил сербскому поверенному в делах в Берлине (очевидно, не в последнюю очередь стремясь заступиться за ближайшую союзницу), что присоединить Джаковицу к Албании настоятельно требует не Австрия, а Италия, и главным образом лично глава ее дипломатии маркиз ди Сан-Джулиано, который лично был в этом городе и считает его чисто албанским [2. Д. 113. Л. 13].

Впрочем, сам руководитель итальянской внешней политики категорически отвергал подобные утверждения. В своей беседе 24 февраля 1913 г. с российским послом в Риме Крупенским он нашел нужным особо коснуться вопроса о работе Лондонского совещания и определения границ Албании. Вот что мы читаем в донесении посла: “Маркиз ди Сан Джулиано сказал мне, что, ввиду обо-

юдных уступок России и Австрии относительно Скутари и Ипека (Печ – П.И.), спорным остается только вопрос о принадлежности Дьякова. Министр думает, что будет очень трудно убедить Австрию согласиться на присоединение Дьякова к Сербии, но все-таки надеется, что, в конце концов, Австрия уступит, особенно если Державы, чтобы покончить со всеми вопросами, согласятся потребовать от союзных государств подчинения Лондонским решениям... под непременным условием, однако, чтобы Державы не принимали относительно балканских народов насильственных мер. Если же, как опасается маркиз ди Сан-Джулиано, это условие показалось бы Австрии неприемлемым, ввиду того, что балканские государства, зная что сила не будет к ним применена, могли бы не подчиниться требованиям Держав, то маркиз ди Сан Джулиано считал бы целесообразным не заглядывать так далеко и ограничиться пока соглашением всех Держав не признавать никаких территориальных изменений, противных постановлениям Лондонского совещания. Если Скутари не будет взят черногорцами, то это облегчит, как мне сказал министр, разрешение вопроса. С своей стороны, поздравляя маркиза ди Сан Джулиано с успехом его речи (в парламенте. – П.И.), я воспользовался его заявлениями о посредничестве между нами и Австрией, чтобы указать ему на ту услугу, которую он действительно оказал бы делу мира, убедив Австрию не настаивать на включении Дьякова в пределы Албании. Министр мне ответил, что усилия его направлены к этому” [2. Д. 68. Л. 3–4].

В результате ожесточенной дипломатической борьбы в Лондоне и за его пределами австрийская дипломатия в итоге была вынуждена пойти на уступки согласившись, в частности, на передачу Сербии городов Печ, Призрен, Приштина, Джаковица и Дибра. Тем не менее, вопрос о границах Албании был решен таким образом, что они, по справедливым словам британской исследовательницы Миранды Виккерс, “не удовлетворили ни албанцев, ни их балканских соседей” [4. Р. 80], – в том числе и Сербию, как и не получившую столь необходимой ей выход на Адриатическое море.

Албанский вопрос накануне Первой мировой войны – это еще и демонстрация относительности и спорности применения к Балканам международных принципов и норм, вроде бы устоявшихся, но не учитывающих местной специфики.

Наглядный пример – попытки великих держав урегулировать комплекс вопросов, оставшихся после двух Балканских войн и напрямую связанных с ситуацией в Албании. Как оказалось, европейским столицам было намного проще “принудить к миру” балканских союзников и провести границы на бумаге, сидя в удобных креслах в столице доброй старой Англии, нежели добиться реализации этих решений на балканской земле – решений, изначально являвшихся половинчатыми и во многом контрпродуктивными – несмотря на свою выверенность с классической международно-правовой точки зрения.

В соответствии с постановлениями Лондонской конференции, представители великих держав направили правительствам балканских государств коллективное обращение, в котором подчеркивалась необходимость принятия ими всех надлежащих мер к ограждению прав и интересов национальных меньшинств в присоединенных к ним новых областях. В том, что касается Сербии, дипломатические представители великих держав в Белграде сделали 17 августа 1913 г. официальные представления в вышеуказанном смысле, а также особо подчерк-

нули факт продолжавшегося нахождения сербских войск на албанской территории, вопреки соответствующим постановлениям Лондонской конференции.

Однако у сербского правительства были серьезные основания предвидеть, что немедленная реализация данного требования великих держав вкупе с неспособностью или нежеланием последних реализовать другие собственные решения – относительно обеспечения порядка в самой Албании – будет иметь крайне тяжелые последствия.

Одновременно, как телеграфировал 17 августа 1913 г. из Белграда российский посланник Гартвиг, “сербское правительство обращает внимание на то, что по самым доверительным сведениям после недавнего посещения Вены Иссой Болетинацем и другими албанскими главарями, австрийские и итальянские агенты организуют албанские шайки в 30–40 человек, раздают им оружие и деньги. Шайки эти должны производить нападения на новую сербскую границу, вызвав волнения среди албанцев будто бы в доказательство недовольства их сербским режимом. При таких условиях, по мнению Пашича, отзывание последнего сербского отряда с пограничных мест послужит сигналом к возбуждению крайне опасных осложнений” [2. Д. 113. Л. 337].

На экстренном заседании совета министров было принято решение о частичном отводе сербских войск с албанской территории, с сохранением, однако, позиций, преграждавших албанцам доступ на сербскую территорию, вплоть до нормализации положения внутри Албании. Пашич обратился к поверенному в делах России в Белграде Штрандтману с просьбой довести до сведения министерства иностранных дел России следующее заявление кабинета – что было сделано в секретной телеграмме от 15 сентября 1913 г.: “Сербское правительство, желая, в согласии с дружественными указаниями России, избежать нареkania со стороны держав, выражает готовность отозвать свои войска из Албании, в каковом смысле завтра будут отданы соответствующие приказания. Вместе с тем оно однако не может еще раз не отметить то состояние анархии, которое ныне царит в Албании и следствием коего, по всей вероятности, явится возникновение новых беспорядков с уходом сербских войск, а равно вынуждено предвидеть необходимость для последних, в видах обеспечения сербской окраины от нападений, принимать и в будущем обусловливаемые обстоятельствами меры. Поэтому сербское правительство искренне надеется, что к водворению в Албании надежных административных и полицейских властей будет приступлено возможно скоро, ибо до осуществления этого условия ему крайне трудно совмещать обязанности по охране жизни и имущества своих подданных с желанием строго уважать пограничную линию, пока еще только намеченную” [1. Д. 531. Л. 343].

Пессимистические прогнозы сербского руководства, как известно, полностью оправдались. Именно приграничные с Сербией районы Албании послужили плацдармом для крупномасштабного вторжения албанских отрядов уже в международно-признанные пределы Сербии. Для урегулирования возникшего кризиса международное сообщество вновь прибегло к традиционным мерам в виде угроз, ультиматумов и военных демонстраций – которые максимум на что были способны, так это снять внешнюю остроту проблемы, но никак не ликвидировать ее корни.

А вот каким сложным переплетением отличалась ситуация на албанской военно-политической сцене – где и Австро-Венгрия, и Италия, и Турция, и Сербия имели своих, как мы бы выразились сегодня, “агентов влияния”, чья лояльность

в основном обеспечивалась политическими посулами и финансовой подпиткой. Опять же обратимся к документам. Беседа с Штрандтманом, управляющий министерством иностранных дел Сербии Спалайкович сообщил, что по полученным в Белграде сведениям, “Эссад Паша вошел в сношения с Портою и по-видимому работает в пользу Сербии. Со стороны Турции кандидатом в албанские князья выставляют Абдул Межеда, брата наследника. Доверенное лицо, посланное Черногорией в Дураццо к Эссаду сообщило, что последний находится в смертельной вражде с Валонским правительством, которое, равно как и дибрские албанцы, настаивает на выступлении Эссада против Сербии. Он от этого уклоняется, надеясь, что Сербия займет часть албанской территории, ему же предоставит роль спасителя Албании” [2. Д. 113. Л. 385].

Ну и наконец, для реального понимания, насколько непростым оказался албанский вопрос на фоне других проблем, вызванных к жизни Балканскими войнами, сошлемся на еще одно авторитетное мнение человека, которого вряд ли можно заподозрить в просербских или проалбанских симпатиях. В ответ на запрос министерства иностранных дел России, российский генеральный консул во Влере – занявший пост представителя России в Международной контрольной комиссии в Албании – А.М. Петряев представил свои соображения относительно выдвинутых сербским правительством предложений, касавшихся мероприятий, которые, по его мнению, должны быть реализованы европейскими государствами в целях предотвращения дальнейших нападений албанских вооруженных отрядов на Сербию. Данные меры включали в себя оккупацию Албании международными войсками и организацию в этой стране, силами великих держав, местной администрации и жандармерии. В своей депеше от 7 ноября 1913 г. Петряев подчеркнул, что предлагаемая в качестве первоначальной меры международная оккупация Албании представляет собой чрезвычайно сложную и на деле трудновыполнимую задачу, и что державы могут решиться на осуществление подобной операции «в самом крайнем случае и не столько для ограждения сербской границы, сколько по соображениям “высшей политики”» [1. Д. 2908. Л. 15]. При этом, по его оценкам, оккупация реально достижима лишь в узкой прибрежной полосе албанской территории, и в связи с этим она не принесет Сербии никаких выгод.

Организация администрации и жандармерии, по мнению Петряева, являются действенным средством установления порядка в пограничных с Сербией албанских областях, но фактически едва ли возможно в ближайшем будущем надеяться на установление прочной власти среди албанских племен, проживающих в труднодоступных горных местностях, прилегающих к новой сербской границе.

В силу указанных топографических и этнографических особенностей Албании, установление в ней политической стабильности и нейтрализация многочисленных вооруженных группировок, по мнению комиссара, могут начаться лишь от адриатического побережья и распространяться вглубь страны исключительно медленными темпами, и займут в конечном итоге несколько лет, несмотря на все усилия Контрольной комиссии и иностранных инструкторов жандармского корпуса.

По его словам, в данных условиях сербское правительство должно само предпринять необходимые усилия для нормализации сербо-албанских отношений и поставить дело охраны своих границ на сугубо практическую почву. По мнению Петряева, Сербия должна извлечь для себя уроки из того обстоятельства, что последнее восстание албанцев было во многом подготовлено извне при

помощи специально направленных к албанцам профессиональных агитаторов и выделенных им значительных денежных средств. В связи с этим сербское правительство могло бы немедленно попытаться установить доброжелательные отношения с приграничными албанскими племенами. В этих целях ему необходимо вступить в тайные сношения с влиятельными албанскими байрактарами и за известную плату поручить им охрану сербо-албанской границы. По словам российского представителя, этот метод уже был опробован в находившихся под турецкой властью областях Старой Сербии для обеспечения охраны монастырей и сел и принес там успешные результаты. Что же касается предъявления сербской стороной денежных претензий, то, по мнению Петряева, белградское правительство могло бы немедленно оговорить для себя данное право, передав впоследствии указанный вопрос на рассмотрение Международного суда в Гааге, как только в Албании будет образовано единое и признанное европейскими державами правительство [1. Д. 2908. Л. 15].

О том, с чем конкретно столкнулись великие державы, взявшие на себя труд попытаться навести порядок в автономной Албании, могут свидетельствовать трудности с организацией вышеуказанной жандармерии – которая была поручена голландским офицерам. Вот что, к примеру, сообщал российский комиссар в Албании министру иностранных дел 21 декабря 1913 г.: “Нельзя не признать, что начало организации здесь жандармерии является одним из реформенных мероприятий, имеющих действительно практическую цену. Существовавшие до сих пор кадры жандармов представляли из себя какой-то сброд разбойников под командою известных разбойников вроде Хусни Тоски и Салих Мурада, которые при турецком управлении были приговорены даже к смертной казни за убийства и разбои. На наши замечания председателю правительства, что жандармерия из бывших разбойников не может внушать большого доверия населению, Измаил Кемаль Бей обыкновенно отвечал нам, что он нарочно привлек их на службу, чтобы не давать им возможности образовывать шайки и скрываться в горах, где преследование их было бы вне сил администрации...” [1. Д. 2113. Л. 52–52об.].

Однако албанский вопрос на Балканах накануне Первой мировой войны – это не только попытки великих держав установить в Албании хотя бы подобие порядка и административного управления, проблемы сербо-албанского разграничения, операции сербских войск и октябрьский 1913 г. ультиматум Австро-Венгрии. Это еще и сложный комплекс греко-албанских отношений. Не случайно именно в Афинах находили понимание действия Сербии, вынужденной обеспечивать свои национально-государственные интересы, находясь фактически во враждебном окружении. Вчитаемся в секретную телеграмму российского поверенного в делах в Белграде Штрандтмана от 25 сентября 1913 г. – напрямую посвященную данному вопросу:

“Сербский поверенный в делах в Афинах сообщает, что Венизелос (глава греческого правительства. – *П.И.*) весьма озабочен ходом переговоров с Турцией об островах, известиями о мобилизации в Малой Азии и выговоренным себе Турцией правом оккупировать еще в течение двух месяцев отходящие к Болгарии территории, чтобы иметь непосредственный доступ к греческой границе. Объявленная в Греции приостановка демобилизации вызвала сильное неудовольствие населения. Венизелос поэтому обращает внимание сербского правительства на желательность соблюдения осторожности в албанском деле, но с своей стороны принимает меры к отпору албанцев в случае их движения на юг и

разрешил перевозку сербских войск по железной дороге чрез Салоники на Битоли” [2. Д. 113. Л. 373].

Военные операции, осуществлявшиеся греческими отрядами в Южной Албании, традиционно резко негативно оцениваются в албанской историографии. Но вот что сообщал в своей секретной телеграмме от 14 декабря 1913 г. русский делегат в Комиссии по разграничению Южной Албании полковник Гудим-Левкович: “Мое глубокое убеждение, что порядок может быть поддержан исключительно присутствием греческих войск. Эвакуация ими территории вызовет неминуемо кровопролитие. Нет сомнения в том, что повсеместно уже организованы священные легионы. С уходом греческих войск, ввиду возбуждения населения, милиция не будет в состоянии удержать жителей от схваток или сама примет участие, особенно если придут албанские банды с Севера. В предложении австрийского поверенного в делах можно видеть уловку удалить войска и в последующем затем кровопролитии и анархии найти предлог к оккупации, прикрываясь гуманною целью. В протоколе последнего заседания французский представитель и я высказали пожелание, во имя гуманности оставить греческие войска, пока не организуются Албанское государство и регулярные силы, и заставили коллег, отказавшись обсуждать иначе границы, высказаться о необходимости присутствия регулярных сил” [2. Д. 19. Л. 86].

А вот высказывание премьер-министра временного албанского правительства Турхан-паши – чьи оценки также не вписываются в классические формулы об иностранных оккупантах, стремившихся исключительно к порабощению албанцев. Комментируя по просьбе иностранных журналистов подписанный в мае 1914 г. на острове Корфу протокол о предоставлении ограниченной автономии двум южноалбанским округам – Корча и Гирокастра, Турхан-паша заявил, что “теперь он спокоен; поскольку эпироты, которые получили удовлетворение по всем своим требованиям, образуют область наиболее гомогенную и наиболее развитую во всей Албании и смогут также послужить на пользу стране, так как греческий элемент, составляющий большинство, отличается высокой степенью образованности” [5. Р. 66].

Конечно, и в балканских столицах, как уже отмечалось выше, существовали далеко идущие планы поставить албанский фактор себе на службу. Н. Пашич в беседе с иностранными дипломатами не упускал возможности подчеркнуть, что албанцы – это сербы по крови, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Болгарское правительство строило планы использования албанских отрядов для грядущего антисербского реванша. Согласно секретным сведениям, полученным сербским правительством на рубеже 1913–1914 гг., болгарский кабинет предпринимал усилия, направленные на подготовку антисербского восстания в Западной Македонии при непосредственном участии в нем албанцев, в связи с чем в декабре 1913 г. усилился приток болгарских эmissаров в крупнейшие центры Албании, и в особенности в Дуррес, куда прибыл, в частности, майор болгарской армии Дмитрий Атанасов (под видом корреспондента софийской газеты “Вечерняя почта”). Он имел несколько встреч с Эссад-пашой, которому предложил для обсуждения следующую программу.

Военные действия должны быть начаты не позднее, чем через шесть месяцев, по сигналу Австро-Венгрии. Болгария к этому времени успеет предпринять дипломатическое сближение с Румынией. Албанцы, со своей стороны, должны поставить под ружье не менее 30 000 человек, причем Болгария обязуется предоставить им необходимое оружие, боеприпасы и другие военные материалы.

Тем не менее, Атанасову не удалось в полной мере убедить в необходимости реализации указанного плана Эссад-пашу, который, правда, дал понять болгарскому представителю, что албанцы примут предложения Болгарии, если та предварительно сумеет заключить соглашения с Румынией и Турцией [1. Д. 2908. Л. 56].

Черногорское руководство и, в первую очередь, король Никола продолжали разрабатывать собственные планы установления своей юрисдикции над албанскими племенами, причем, если в предыдущие годы речь, как правило, шла о приграничных районах, то теперь интересы Черногории распространялись на всю Албанию. Так, в беседе с российским посланником в Цетинье Гирсом, состоявшейся в ноябре 1912 г., черногорский монарх прямо заявил, что “простейшим выходом” из сложившейся ситуации вокруг продолжавшейся осады Шкодера, обеспечения сербского выхода на Адриатическое море и определения государственно-политического статуса албанских земель явилось бы “признание короля Черногории суверенным Государем автономной Албании”, причем, как указывал дипломат, он “подробно перечислил мне все имеющиеся у него документальные и иные данные, свидетельствующие, по его мнению, о том, что албанцы охотно признают его своим королем” [1. Д. 2086. Л. 77].

Албанский вопрос накануне Первой мировой войны – это зримое воплощение, или, как модно сейчас говорить, квинтэссенция ряда объективных и субъективных факторов, зачастую действующих супротив друг друга – чаяний албанского национального движения, национально-государственных интересов балканских стран, геостратегических расчетов и неприкрытого вмешательства великих держав, рассматривавших Балканы как один из важнейших театров своей борьбы, политического и финансового торга, подкупов, шантажа. Пытаясь урегулировать албанский вопрос, не особо считаясь с подлинными интересами балканских стран, великие державы – в первую очередь, Австро-Венгрия и Италия – содействовали превращению Албании в долговременный очаг анархии и беззакония.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1913. Оп. 470.
3. История дипломатии. М., 1945. Т. 2.
4. *Vickers M. The Albanians. A Modern History.* London, New York, 1995.
5. *Borchgrave Bon de. Albanie et Albanais // La Revue Generale.* 1914. Juillet.

© 2006 г. Я. В. ВИШНЯКОВ

ВНЕКОНСТИТУЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ В РАЗВИТИИ СЕРБСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В развитии сербской государственности XIX – начала XX в. можно выделить три основных этапа:

1. Начало борьбы за национальную независимость в 1804 г., что было тесно связано с процессом замены турецкого аппарата управления сербским. В 1835 г. была обнародована конституция, в 1838 г. принята так называемая “турецкая” конституция, а в 1869 г. – новая конституция. В 1878 г. Берлинский конгресс подтвердил государственный суверенитет сербского княжества, а его территория расширилась за счет присоединения четырех новых округов: Нишского, Пиротского, Враньского и Топлицкого.

2. 80–90 годы XIX в. характеризуются становлением и развитием трех основных политических партий страны (радикальная, напредняцкая и либеральная), провозглашением в 1882 г. Милана Обреновича королем Сербии и принятием в 1888 г. новой сербской конституции.

3. Начало XX в. знаменовалось принятием новой сербской конституции 1901 г., введившей двухпалатный парламент, состоящий из Скупщины и Сената; одновременно происходит нарастание внутрисербского конфликта, вылившегося в убийство короля Александра Обреновича 29 мая 1903 г., что привело к приходу к власти Петра Карагеоргиевича (1903–1921). Тогда же с небольшими изменениями была восстановлена конституция 1888 г., формально превратившая страну в конституционную парламентскую монархию.

Таким образом, можно говорить о том, что с начала XIX в. в Сербии шел достаточно сложный процесс становления государства и его институтов, тесно связанный с развитием национально-освободительного движения. Это естественным образом наложило определенный отпечаток на характер развития сербского государства и на его особенности. Как справедливо в этой связи заметил английский исследователь Эйзенштадт, “для всех революционных обществ были характерны попытки выдвинуть новые цели, символы и центры; учредить новый политический и культурный порядок, расширить, по крайней мере в символическом плане, участие широких слоев в этих порядках и включить политический и культурный порядки в новую институциональную деятельность” [1. С. 288]. Для молодого сербского государства выдвижение “новых символов” имело свои специфические последствия: так, например, исчезновение прежнего

правлящего османского класса, поставило на повестку дня вопрос о переустройстве всех общественных отношений и утверждении новых гражданских и политических структур, а провозглашение в 1878 г. государственного суверенитета кроме всего прочего внесло вопрос о способе включения сербского общества в новую европейскую систему. В этой связи отметим, что одним из важных факторов, влияющих на характер изменения любого общества, является степень развитости государственных элит, их взаимосвязь как с другими элитами, так и с широкими слоями населения. Сербия же, однако, к началу XX в. представляла собой совершенно патриархальную аграрную страну, где крестьянство составляло более 80% населения. Это была единственная в Европе страна, где практически отсутствовали железные дороги, а промышленность состояла всего из 28 предприятий, на которых было занято около 2 тыс. рабочих. “По роду занятий население современного сербского государства представляет картину весьма слабой дифференциации: земледелием и скотоводством занято свыше 84 процентов жителей, фабричная же промышленность находится в зародыше, интеллигенции мало, и почти вся она состоит на государственной службе, причем в силу парламентского строя, связанного с обычаем менять вместе с кабинетом министров и весь состав бюрократии, в зависимости от принадлежности к той или другой партии, весьма много лиц находится в отставке, получает сравнительно большие пенсии и этим сильно отягощает народный бюджет” [2. С. 205] – отмечал историк А.Л. Погодин. Все это накладывало глубокий отпечаток как на характер власти и бюрократии, так и на отношение общества к формирующимся властным структурам. “Консервативная крестьянская сила, возможно, придавала Сербии, несмотря на все политические катаклизмы, большую устойчивость, но, сохраняя традиционный уклад жизни, она, естественно мешала более быстрой модернизации страны” [3. С. 8–9]. В этой связи проблема функционирования сербской политической системы, влияния на нее “внешних” сил представляется нам весьма интересной. Не претендуя на комплексное исследование этой, далеко не простой и во многом дискуссионной проблемы, постараемся вычлнить лишь отдельные тенденции политического развития Сербии и влияния на них “внеконституционных” факторов.

Провозглашение независимости Сербии естественным образом поставило задачу формирования правящей элиты и политических партий. Однако специфика Сербии как раз и состояла в том, что условия ее развития не создавали возможности для формирования управленческого слоя. “Ведь у нас полковники – министры юстиции, философы – министры полиции, таможенные чиновники – министры строительства. Разве тут нужны знания? Нет, для того чтобы быть министром, достаточно иметь свою программу”, – заметил классик сербской литературы Бронислав Нушич [4. С. 24]. А сербский историк П. Сречкович – приверженец идей либеральной партии, в письме вице-директору Азиатского департамента МИД России прямо указывал, что чиновники набирались прямо с улицы: «На упреки новому министру внутренних дел г-ну Рибарацу (министр внутренних дел в 1892–1893 гг. – член либеральной партии. – Я.В.), зачем он увольняет подобных чиновников, он отвечал: “Я никого не гоню, а только каждого возвращаю к его ремеслу. Кто был мясником, пускай снова им будет, кто был сапожником, пускай снова тем же занимается”» [5. Л. Зоб.].

“Иметь свою программу” – вот, что определяло политическую жизнь Сербии в конце XIX – начале XX в. Именно в этот период Сербия вступила в новый этап своего политического развития, характеризующийся обострением борьбы

различных политических сил – радикалов с Николой Пашичем во главе, борющихся за усиление роли Скупщины, напредняков (М. Пирочанац), выступавших за сильную королевскую власть, и либералов (Й. Ристич). Зарождалось и социалистическое движение. Отметим в этой связи, что после Берлинского конгресса 1878 г. на Балканах значительно усилились позиции Австро-Венгрии, особенно после оккупации Боснии и Герцеговины, что естественным образом привело к усилению политического и экономического давления Вены, а в 1880 г. сербский князь Милан Обренович окончательно связал будущее своего государства с австрийскими интересами. Однако это событие имело более глубокие последствия, чем просто смена внешнеполитических приоритетов. А.Л. Шемякин в ряде своих работ (см., например: [6]), анализируя деятельность, как правящих кругов Сербии того периода, так и их оппонентов, сделал интересный вывод о том, что в «основе внутрисербского конфликта как раз и лежало отношение к Европе, ее ценностям и образцам». При этом именно Австро-Венгрия и олицетворяла собой европейские ценности и должна была «стать для Белграда “окном” в Старый Свет» [7. С. 230]. Такую политику после 1880 г. и стали проводить напредняки, пытаясь превратить Сербию в государство «централизованное, основанное на власти закона, с парламентской системой (но ограниченной ровно настолько, насколько она могла бы обеспечивать законодательную гегемонию новой интеллектуальной олигархии), сильным аппаратом (как бы проводником реформ сверху) и исключительно политическими функциями. Внутренняя индустриализация, для проведения которой правительство активно привлекало иностранный капитал, становилась основой его экономической стратегии, а свобода личности и этика индивидуализма объявлялись высшими общественными добродетелями» [7. С. 230–231]. Основным противником нового режима стала сербская радикальная партия во главе с Н. Пашичем. «Рассматривая сербский народ как единый социальный и национальный организм, они полагали, что посредством системы тотального самоуправления снизу доверху, он, как таковой сможет сам непосредственно осуществлять свою волю, т.е. осуществлять свой суверенитет» [7. С. 233]. Особо при этом следует подчеркнуть, что в данной ситуации королю не удалось встать над партийной борьбой, выступить гарантом сохранения прав и свобод граждан. «Вместо того чтобы стать инициатором “рационализации конфликта” и взять в свои руки процесс гармонизации опасно разошедшихся интересов, монарх открыто выступил на стороне сербских ультралибералов (напредняков)» [7. С. 247]. Причем политические столкновения происходили не только на страницах газет или заседаниях Скупщины. Осенью 1883 г. в восточных районах Сербии вспыхнуло восстание, получившее название Тимокское (по р. Тимок). Это выступление было использовано Миланом для удара по лидерам радикальной партии, которая перешла на нелегальное положение, а ее лидер Н. Пашич вынужден был уехать за границу. Дальнейшее развитие событий только усугубило внутренний структурный кризис в сербском обществе, и привело к кризису режима Милана Обреновича. В 1885 г. Сербия напала на Болгарское княжество. Через месяц война закончилась ее поражением. В этой ситуации Милан вынужден был пойти на компромисс с оппозицией. В 1888 г. в Сербии была принята новая конституция, провозглашавшая страну наследственной конституционной монархией, а Скупщине была предоставлена законодательная инициатива.

Однако в этом, на первый взгляд вполне естественном для формирующегося государства процессе, вполне ясно угадывается противоречие: в Сербии конца

XIX в. не было политических партий как выразителей настроений определенной части или слоя общества, но зато были политики, каждый из которых выступал со своим видением будущего развития страны. Конечно, становление любого общества немислимо без развития личности и появления социальных лидеров. Политология, однако, знает два типа общественного лидерства. Есть собственно социальные лидеры, которые четко и понятно формулируют интересы определенных социальных групп и ведут эти группы за собой. Такие лидеры появляются на сравнительно поздних этапах общественного развития. Ранним этапам более свойственны так называемые “сильные персоны”. Это заметные люди, которых игра случая вознесла выше их собратьев и дала им на время возможность распоряжаться судьбой других людей. В отличие от настоящих социальных лидеров “сильная персона” озабочена более всего своей личной судьбой, но она может случайно или осознано “обслуживать” и часть социальных интересов. Иногда эта фигура является яркой, харизматической личностью, но может быть и человеком, случайно обласканным фортуной. Сербия достаточно долго не имела истинных социальных лидеров, зато суррогатных вождей в лице “сильных персон” в период борьбы за независимость появилось великое множество. Все они были далеки от мысли сделать строящееся государство выразителем социальных интересов, их деятельность свелась к стремлению “приватизировать” de facto часть государственной власти. Яркой иллюстрацией этому является пребывание у власти радикального кабинета (1889–1892). “За четыре года своего правления радикальное министерство ничего не сделало для облегчения участи низших классов населения, несмотря на все свои обещания. Бюджет с 40 млн вырос до 60. В обществе повсюду воцарилась настоящая анархия. Общинная власть перешла в руки дурных людей. Администрация состояла только из приверженцев радикальной партии. Государственный долг вырос еще на 140 миллионов”, – отмечал тот же Сречкович [5. Л. 1об.–2].

Это привело к противоречию политической жизни Сербии: с одной стороны, отсутствие авторитета или сакральности королевской власти, а с другой – отсутствие консолидированной и образованной политической элиты, способной сплотить общество, а также традиций парламентаризма западноевропейского образца и культуры политической борьбы. Достаточно указать на типичный для Сербии институт регентства, прошедший через всю историю существования двух сербских династий (см., например [8]), а также на то, что в течение XIX в. насильственное смещение монарха было скорее правилом, чем исключением. Да и сам факт, что с 1878 по 1903 г. в Сербии сменилось 20 кабинетов министров, говорит о многом. Многочисленные исследования как российских, так и сербских ученых блестяще это подтверждают.

На этом фоне политическую активность начинает проявлять армия, ставшая к началу XX в. еще одной реальной политической силой. Отметим, что одной из особенностей национального движения в Сербии было его зарождение задолго до того, как сформировались гражданское общество или какой-либо конституционный порядок. Османское завоевание не только отразилось на социально-экономическом и политическом развитии Сербии, но и немало способствовало становлению особого “военного” (“четнического”) сознания сербского народа, что привело к формированию в обществе конфронтационной психологии, вполне естественной для постоянно воюющей страны. В начале XX в. она получила новое преломление, вступив в конфликт с формирующимися новыми государственными институтами, что усилило внутривнутриполитическую нестабильность.

В то же время сербские правители прекрасно понимали роль армии в формирующемся государстве. И именно в 80-е годы XIX в., на фоне сближения с Австро-Венгрией, произошло становление сербской армии как политической опоры власти. Милан Обренович провел в конце 80-х годов XIX в. комплексную реорганизацию вооруженных сил страны, сделав г. Ниш военным центром Сербии. В 1882 г. была введена всеобщая воинская повинность, армия перешла на новую организационно-штатную структуру, появились новые рода войск, в том числе и жандармерия. В 1884 г. были открыты “Курсы генерального штаба”. В 1896 г. был принят закон об устройстве армии, а Милан стал ее фактическим главнокомандующим. Тем самым к началу XX в. сербская армия, по справедливому замечанию С.И. Данченко, превратившись в один из “важных компонентов государственности” [9. С. 397–398], стала реальной политической силой, способной влиять на развитие страны. Режим Обреновичей во многом зависел от ее лояльности. При этом уровень политической культуры сербского офицерства отражал реалии трансформирующегося традиционного сербского общества. Вот, например, как описывает российский военный агент в Белграде Леонтович причины отставки в апреле 1901 г. военного министра М. Васича: “Застав неожиданно у себя Маринковича в положении, не оставляющем сомнений в близких отношениях с m-me Васич, военный министр тут же, при пособии своего адъютанта, избил министра народного просвещения и выбросил его буквально из окна” [10. Л. 1 – 1 об]. А Б. Нушич весьма тонко подметил: “если бы меня назначили военным министром, я ввел бы в армии новый головной убор” [4. С. 27].

На этом фоне развитие политического кризиса конце XIX – начале XX в. было неизбежно. Решение Александра Обреновича жениться на своей фаворитке Драге – вдове инженера Машина (в девичестве Луневца) и бывшей фрейлине королевы Натальи (жены Милана), женщине значительно его старше, и к тому же имевшей весьма сомнительную репутацию, только способствовало его углублению. Этот шаг Александра отвернул от него значительную часть сербского общества, вызвал в 1900 г. отставку кабинета Владана Джорджевича. Даже Милан Обренович отвернулся от собственного сына. Вскоре после объявления помолвки он порвал с ним и уехал за границу, где и умер в январе 1901 г. В апреле 1901 г. Александр провозгласил новую конституцию, введшую двухпалатный парламент – Скупщину и Сенат, которую можно рассматривать как последнюю попытку компромисса лидеров основных политических партий Сербии и Александра. Однако этот акт не снял внутренней напряженности в стране. Сербский король усиливал личный деспотический режим, сформировав в ноябре 1902 г. новое “нейтральное” правительство генерала Цинцар-Марковича, начав проводить при этом политику, направленную на дальнейшее сближение с Австро-Венгрией¹. Оппозицию режиму Обреновичей составила радикальная партия.

¹ В начале XX в. взаимоотношения России и Сербии значительно улучшились. Стали расширяться не только политические, но и экономические связи. Но женитьба короля Александра не могла не отразиться и на российско-сербских отношениях. Весной 1901 г. предполагалось посещение Александра и Драги С.-Петербургом. Однако этот визит неоднократно откладывался, и в конце концов, сербская королевская чета так и не была принята российским императорским двором, что еще больше уронило авторитет сербского короля в глазах общества и способствовало активизации деятельности заговорщиков – сторонников провозглашения королем Сербии Петра Карагеоргиевича. Стремясь укрепить свое положение, король Александр пытался переориентировать свою политику в сторону Австро-Венгрии.

Политизированные сербские офицеры не могли остаться в стороне от происходящих в стране событий, однако, не имели своей четкой политической платформы и программы, и именно поэтому использовались оппозицией режиму Александра Обреновича как преторианская сила. Их поднимали и вели “сильные персоны” оппозиции (прежде всего радикалы во главе с Н. Пашичем), о целях которых рядовые военные были часто слабо информированы. Неизбежность переворота была очевидна. В ночь на 29 мая (11 июня) 1903 г. офицерами шестого пехотного полка, расквартированного в Белграде, король Александр Обренович и его жена Драга были убиты, а престол достался Петру Карагеоргиевичу. Переворот 1903 г. был одним из редких случаев, когда вместо установления военной диктатуры, власть была передана демократически избранным государственным структурам [3]. Сразу же после осуществления переворота была созвана Скупщина, с небольшими изменениями восстановлена конституция 1888 г., заметим, кстати, одна из самых демократических европейских конституций.

Так можно ли смотреть на Сербию после 1903 г. как на новое молодое демократическое государство западноевропейского типа? На наш взгляд скорее нет, чем да. Попытка Обреновичей через Австро-Венгрию “втянуть” Сербию в Европу окончилась провалом, что уже само по себе означало победу сил сохранения традиционного уклада, да и “самая демократическая” сербская конституция являлась больше документом политическим, нежели реально отражала потребности традиционного общества и патриархального сербского крестьянства.

1903 год принес в политическую жизнь страны новые черты. Наряду с “сильными персонами” сформировались подлинно социальные государственные лидеры, где главную роль на себя взяли Н. Пашич и руководимая им радикальная партия. И именно радикалы возглавили борьбу с офицерами-заговорщиками, занявшими влиятельные посты в военном ведомстве. Конфликт перешел в новую стадию, грозя материализоваться во вполне конкретных политических событиях. Депутаты Скупщины, печать, да и сами военные требовали скорейшего удаления заговорщиков из армии, ставя им в вину попрание всех моральных норм. Центрами борьбы против “заговорщиков” стали города Ниш и Крагуевац, где оппозиционное движение возглавил капитан Милан Новакович. С другой стороны, часть “заговорщиков”, руководимых Д. Димитриевичем, также встала в оппозицию к своим бывшим товарищам, которые искали в перевороте только личную выгоду, создав новое тайное общество – “Объединение или смерть”, более известное как “Черная Рука”. Этому способствовал аннексионный кризис 1908–1909 гг., рассматриваемый сербами как национальное унижение. Само название организации говорит за себя – объединение славян под властью сербского монарха. Революционизации сербской армии способствовали омоложение офицерского корпуса и внедрение нового оружия – пулемета, что кардинально изменило тактику и стратегию войны. В этой связи молодые офицеры, конфликтуя со своими командирами – приверженцами старой тактики ведения боя, вступали в ряды “Черной Руки”. С данной организацией были связаны многие государственные чиновники королевства, в частности М. Милованович – министр иностранных дел и премьер-министр страны, а военный министр (1911–1912) генерал С. Степанович был прямым ее ставленником. Королевской власти не удалось взять ситуацию под контроль, выступить надпартийной силой, консолидирующей общество. К тому же и вокруг престолонаследника Александра Карагеоргиевича сложилась еще одна преторианская офицерская

группа, соответственно и названная – “Белая Рука”. Во главе ее стоял П. Живкович – также участник майского переворота 1903 г. Внутрисербский конфликт нарастал.

В заключение отметим, что среди других “внеконституционных” факторов можно также выделить влияние на внутривосточный курс Сербии других государств – прежде всего России и Австро-Венгрии, которые пытались вмешиваться в политику страны через своих дипломатических и военных агентов. Большую роль в этой связи, играло новое развитие балканского кризиса, который усугубила аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908–1909 гг. Однако эти вопросы являются темой специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М, 1999.
2. *Погодин А.Л.* История Сербии // История Сербии и Черногории. М, 2002.
3. *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3.
4. *Нушич Б.* Из записок // Избранные сочинения. Белград, 1968. Т. 4.
5. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 340. Оп. 584. Д. 32.
6. *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998
7. *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000.
8. *Никифоров К.В.* Четыре этапа сербской истории // Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М, 2002.
9. *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 822.

© 2006 г. М. Л. ЯМБАЕВ

ЧЕТЫ ВНУТРЕННЕЙ МАКЕДОНСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В книге А.В. Амфитеатрова “Страна раздора. Балканские впечатления”, вышедшей в России в 1903 г., есть один занимательный эпизод. Александр Валентинович, очень известный в ту пору литератор, тогда только что вернулся из поездки по Балканам. Сообщая читателю свои впечатления, он приводит и такую сцену. В купе поезда, следовавшего, судя по всему, из Ускюба в Салоники, едут С. Симич, сербский дипломатический представитель в Приштине (и несколько позднее – в Софии, а затем – начальник консульского отдела сербского МИД), некий “высокопоставленный турок Хамди-паша” и сам Амфитеатров. В ходе завязавшейся беседы Хамди-паша заметил, что в Косовском вилайете “теперь... даже тише, чем было раньше” (разговор происходил в 1901 г.)

– Как, тише?! – возопил Симич, – а аресты ваши ужасные?! Кто из славян под турецкой рукой засыпает с уверенностью, что в ночи не отведут его в тюрьму?

Красивое лицо Хамди (кстати, серба по матери. – М.Я.) приняло выражение холодной злобы.

– Позвольте, позвольте! – медленно и полицейски повелительно сказал он. Мы никаких *славян*, никаких *сербов*, никаких *болгар* (выделено в тексте. – М.Я.) не арестуем (sic. – М.Я.), – мы арестуем подданных его величества султана, злоумышляющих против целостности его империи. Если вы покажете нам европейское государство, где политических сепаратистов не арестуют, – мы, пожалуй, даже пустим гулять на свободу всех своих...” [1. С. 31].

И, действительно, с точки зрения не только турецкого правительства и законодательства, но и международного права, действовавшие на территории Османской империи организации, традиционно называемые национально-освободительными, являлись не просто внеконституционными, а антиконституционными, и Высокая Порта юридически имела все законные основания для их уничтожения.

Ямбаев Михаил Леонидович – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

После основания в 1893 г. ВМРО¹ ее структуры в течение ближайших лет были созданы по всей территории Македонии. После своего Салоникского съезда в 1896 г. ВМРО начала деятельность по вооружению населения Македонии. Изначально, по вполне понятным причинам, ВМРО не имела постоянно действующих чет (вооруженных отрядов). Первые устав и регламент организации даже не предусматривали их создания. Были созданы курьерская служба и временные четы, распускавшиеся после выполнения поставленной задачи. Они формировались по мере необходимости из деятелей организации, постоянно имевших при себе оружие, – из курьеров и террористов. Для этой цели привлекались также и македонские разбойники – так называемые харамии². Создаваемые четы перевозили оружие, совершали “эзекуции” (карательные акции), добывали средства на нужды ВМРО, но после выполнения задач четники расходились по домам, вновь становясь внешне лояльными подданными Султана.

Созданные позднее постоянные четы болгарский историк Т. Петров называет “вооруженными силами организации, выполнявшими... роль национально-освободительной армии, которая хотя и была нерегулярной и нелегальной, успешно осуществляла против поработителей политику ВМРО с помощью оружия, и, по существу, представляла собой армию болгарского населения в Македонии и Адрианопольской Фракии”. По словам того же историка, в процессе образования ЦК, окружных, городских и сельских комитетов ВМРО оформились и руководящие органы нелегальной болгарской власти на территории поработанных болгарских земель [2. С. 3–4, 9, 10]. Через собственные, “неформальные” органы правосудия Организация стремилась ослабить связи крестьян с турецкими властями, прежде всего в интересах собственной безопасности. В отдельных районах жителям сел запрещалось контактировать с турецким населением, покупать у него что бы то ни было и работать по найму. Крестьяне были обязаны полностью содержать находящихся в их селе четников [3. С. 100–101].

И действительно, в архивах русских консульств находим тому яркие подтверждения. Консул в Битоли сообщал в ноябре 1901 г.: “Все учителя народных школ назначаются по указанию революционного комитета, которому удалось недавно добиться от экзарха предписания здешним архиереям защищать все прежние привилегии церкви и не позволять турецким властям отстранять учи-

¹ В октябре 1893 г. в Салониках (Солуни) были заложены основы Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). После долгих дискуссий целью организации было провозглашено “осуществление Берлинского договора”, т.е. реализация его 23-й статьи. В первые месяцы 1894 г. цель была конкретизирована – достижение автономии Македонии. Один из основателей Организации Х. Татарчев вспоминал, что они не могли провозгласить ее целью “непосредственное присоединение Македонии к Болгарии”, так как осознавали, что это вызовет множество дополнительных осложнений из-за противодействия великих держав и амбиций соседних государств. Они решили, что автономной Македонии в будущем будет проще объединиться с Болгарией, а если это станет недостижимым, то Македония “может послужить объединительным звеном федерации балканских народов”. До 1896 г. организация, созданная в Солуни, носила название Македонской революционной организации, затем, по 1902 г., называлась Болгарские македонско-одринские (т.е. Адрианопольские, по названию Адрианопольского вилайета (провинции) в Турции) революционные комитеты (БМОПК), с 1902 г. по 1905 г. – Тайная македонско-одринская революционная организация (ТМОРО), а в 1905 г. получила название Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО).

² Харамия – во всех южнославянских языках обозначает грабителя, разбойника. Человек, занимавшийся грабежами богатых турок.

телей от преподавания по неблагонадежности” [4. Д. 1453. Л. 72–74]. В октябре 1902 г. он писал: “Комитеты не позволяют селянам обращаться к властям с жалобами, а заставляют прибегать к суду инсургентов для разбора взаимных претензий” [4. Д. 1454. Л. 94об.]. Генеральный консул в Салониках в феврале 1903 г. сообщал: “Во всем здешнем округе (разумею не один Солунский вилайет) едва ли найдется селение покрупнее, в котором не гнездилась бы чета повстанцев. Личный состав этих чет селянам известен. Последние находятся поэтому с ними в постоянном общении и настолько подчиняются их влиянию и власти, что были случаи обращения, всегда успешного, крестьян к четникам за помощью в деле обнаружения виновных в разных преступлениях, обычных в сельской жизни, таких как конокрадство, воровство...” Селения обложены “натуральной и денежной повинностью” для заготовки разного рода запасов [4. Д. 2289. Л. 23об.–24, 25об.].

Тот же Амфитеатров писал: “Болгарский агент – священник, учитель, комитаджий, четник – становится негласным правительством страны (Македонии. – М.Я.) и как бы ее душой” [5. С. 246].

Вернемся к истории создания “боевых единиц” Организации. Как указывает Т. Петров, первые террористические группы “для наказания изобличенных шпионов” были созданы по решению ЦК в конце 1895 г. Опираясь на накопленный опыт, принимая во внимание значение террористических групп и необходимость увеличения их количества, ЦК ВМРО на Салоникском съезде 1896 г., обратил на них особое внимание и официально классифицировал их как тайную полицию Организации. Задачи, структура и состав полиции были подробно изложены и определены в уставе и регламенте ВМРО, выработанных на основе состоявшихся на съезде обсуждений. Согласно ст. 10 устава, каждый комитет имел свою тайную полицию, цель которой состояла в том, чтобы следить “за делами внутренних и внешних врагов” и защищать от них подразделения Организации. В зависимости от задач, которые необходимо было выполнять, тайная полиция подразделялась на сыскную и карательную или уголовную. Сыскная полиция выполняла разведывательные функции. Уголовная приводила в исполнение приговоры местных комитетов или ЦК в отношении лиц, “провинившихся по делу” Организации. Террористы карательной полиции были обязаны всегда иметь при себе револьвер и кинжал, а во время “акций” – два револьвера. Террористические группы ВМРО по состоянию на октябрь 1899 г. функционировали не менее чем в 12 околиях Македонии [2. С. 12–14]. Тогда же, в 1899 г. эти группы были формально распущены, и их функции перешли к создаваемым постоянно действующим четам. Но все-таки отдельные группы продолжали существовать. Так, например, в 1902 г. в Скопской околии действовали три такие группы (болг. – “дружинки”), уничтожавшие “шпионов” и собиравшие деньги для организации [2. С. 28, 64].

В 1897–1899 гг. в Македонии действовали более 20 чет под руководством нелегалов (т.е. профессиональных революционеров), или же бывших харамий, “завербованных” организацией. Это были малочисленные вооруженные формирования в составе 3–4 человек (редко их численность доходила до десяти), что в значительной степени предопределялось необходимостью большей мобильности и маневренности. В этот период они, главным образом, пропагандировали цели организации среди населения Македонии, реорганизовывали и укрепляли ряды организации после провалов, наказывали “провинившихся”, добывали средства, при этом старательно избегали столкновений с турецкими

отрядами [2. С. 26]. Четы формировались преимущественно в Болгарии, где македонской эмиграции удавалось поддерживать практически непрерывное политическое напряжение.

Четы как постоянно действующие отряды из нелегалов стали создаваться весной 1898 г. Участники таких чет рекрутировались из лиц, преследуемых турецкими властями, и не могли после исполнения конкретной задачи “возвратиться к мирной жизни” до следующего задания, как было ранее. То есть новые четы брали на себя функции существовавшей до этого “тайной полиции” Организации [2. С. 16–17].

В 1899 г. ЦК ВМРО направил всем районным руководителям поручение доложить о состоянии революционной деятельности и потребностях районов. На основе полученных до середины октября 1899 г. сведений, и опираясь на двухлетний опыт деятельности чет Внутренней организации, ЦК издал циркуляр о создании таковых из нелегальных деятелей организации во всех околиях Македонии [2. С. 25; 3, С. 94]. Основная и важнейшая задача чет, согласно нормативным документам, состояла в ведении постоянной агитационно-организаторской работы среди населения Македонии, организации и укреплении дисциплины среди членов ВМРО, приеме новых членов, расширении революционной сети. Характер реализуемых четами задач – агитационных и организаторских – определил их название – агитационно-организаторские. Произошедшие в этот период изменения в развитии четнического института были регламентированы рядом нормативных документов – циркуляров и регламентов (или инструкций). В 1900 г. Г. Делчев и Г. Петров (представлявшие Организацию в Софии) при содействии болгарских военных переработали циркуляр 1899 г. (из 14 пунктов) в проект регламента из 44 статей. В конце 1900 или в начале 1901 г. он был направлен в Салоники, где располагался ЦК, для ознакомления и дополнения, а затем для его гектографирования и распространения [2. С. 27, 28, 32, 67; 6, С. 231].

В связи с арестом членов ЦК в январе 1901 г. эти планы сорвались, а выработка и издание регламента были отложены на неопределенное время. Спустя несколько месяцев главный инспектор чет Г. Делчев отправился в поездку по Македонии. Предположительно именно он поручил члену комитета Битольско-го революционного округа Г. Пешкову написать регламент для чет.

Вскоре после своего возвращения из Македонии Г. Делчев вместе с Г. Петровым в марте 1902 г. вновь переработал проект регламента для чет от 1900 г.

В начале мая 1903 г. регламент (или инструкции) для чет, устав и регламент ВМРО были обнаружены в архиве воеводы П. Цветкова, убитого в стычке с турецким армейским отрядом, а через двадцать дней и у погибшего при тех же обстоятельствах воеводы Г. Папанчева.

Копии этих документов были переданы и русским консулам. Самые одиозные их пункты приведены непосредственно в консульских донесениях. Консул в Ускюбе Машков писал в июне 1903 г.: “Один из документов обязывает селян коллективно жаловаться консулам и властям на турецкие насилия”. (Имеются в виду параграфы 2 и 12, вменявшие в обязанность четам принуждать селян жаловаться на истязания, которым они подверглись при преследовании турецкими отрядами четников. – М.Я.) Параграф 4, как пишет Машков, “с удивительным цинизмом рекомендует убивать бесполезных для идеи людей, обвиняя затем через подставных свидетелей в убийстве самих турок”. Машков дословно цитирует: “Даже нарочно следует убивать вредных и бесполезных христиан в каком

бы то ни было селе для того, чтобы можно было обвинить перед судебными властями бекчи (полевого сторожа. – *М.Я.*), кехая (управляющего земельным владением, чифтлик. – *М.Я.*) и спаи (откупщика податей. – *М.Я.*) или деребея (знатного турка. – *М.Я.*), причем заставляя двух христиан сообразно с законом свидетельствовать, что убийство совершено одним из перечисленных мучителей”.

Под именем вредных христиан, комментирует Машков, комитет подразумевает доносчиков, а бесполезными лицами называет несочувствующих и непомогающих хотя бы деньгами революционному движению. Параграф 7 «советует преимущественно рекрутировать четы из “разбойников”, скомпрометировавших себя политическими убийствами, как “представляющих собой наиболее надежный для критической минуты элемент”». Даются указания для насильственных денежных поборов. В параграфах 8, 9, 17 и 23 говорится о смертных казнях провинившихся и просто неудобных людей. Параграф 10 предписывает “политические поборы... и грабежи” [4. Д. 2021. Л. 189об.–190; Д. 1455а. Л. 139–143об.; 7. С. 272].

Одной из основных задач, стоявших перед четой согласно документам, было вооружение населения. Для покупки оружия каждая чета должна была иметь наготове собранную сумму денег с 3–4 сел [2. С. 39]. В докладе русского консула из Битоли в декабре 1902 г. сообщается: “...Инсургентские банды смело обходят села и заставляют селян под угрозой смерти приобретать у них ружья и готовиться на весну к восстанию” [4. Д. 1454. Л. 117об.]. Аналогичные данные и в трех документах за две недели марта того же года: “Болгарские революционные комитеты, недовольные проектом новых реформ, прилагают все свои старания, чтобы помешать приведению их в исполнение. С этой целью они убеждают сельское население покупать ружья и присоединяться к бандам, угрожая ему в противном случае смертной казнью. В консульство постоянно являются депутаты сел за советом, что им делать – исполнять ли приказания инсургентов или нет. Выслушав от меня советы не принимать никакого участия в предполагаемом восстании, эти депутаты начинают просить меня защитить их от инсургентов, так как те угрожают убить того, кто не будет с ними”. “...Комитеты, не делая никаких различий, притягивают всех к своему делу, заставляя богатых помогать деньгами, а бедных вступать в банды”. “В последние дни участились убийства, совершенные по приказанию революционных комитетов. Ежедневно до меня доходят сведения, что то в том, то в другом селе зарезаны сербы или мусульмане. Хотя болгары и уверяют, что они непричастны к убийству сербов и что это дело турецких рук, но я не доверяю их версии, так как всякий раз перед убийством сербов в их село являлась одна из инсургентских банд и настаивала, чтобы селяне вооружились и примкнули к восставшим. Получив категорический отказ, банда удалялась, грозя ослушникам мщением”. “Все население чересчур напугано бывшими расправами со шпионами и потому молчит и не дает сведений ни греческому консулу, ни греческим митрополитам, помогавшим ранее туркам в преследовании болгар”. “Не ограничиваясь... убийствами, комитеты приказывают селянам не платить никаких налогов ни за освобождение от воинской обязанности, ни за недвижимость, уверяя их, что по требованию России и Австрии эти сборы отменены в Македонии...” [4. Д. 1454. Л. 117об.; Д. 1455а. Л. 43–43об., 57–57об., 59, 67].

Преобладание в четах бывших разбойников (харамий) было основной причиной того, что в большинстве случаев они (четы) ориентировались на исполне-

ние террористических задач, по своей сути очень близких недавней деятельности этих гайдуков, а агитационно-организаторские задачи оставались второстепенными [2. С. 51].

Если обратиться к статистике, то к концу 1899 г. агитационно-организаторские четы были созданы и действовали приблизительно в одной трети революционных околий Македонии. За небольшим исключением, в течение 1901 г. такие четы ВМРО были сформированы почти во всех революционных околиях. Но, например, в Скопском санджаке до конца 1902 г. чет не было. В Скопской околии первая постоянная чета появилась только в марте 1903 г. В период с начала 1900 г. до начала 1903 г. на территории Македонии и Адрианопольской Фракии действовало более 120 чет ВМРО [2. С. 50–64].

Хорошо известно о той поддержке четам, которую им оказывал из Софии Верховный Македонский Комитет. Прежде всего, это выражалось в выделении денег на вооружение, амуницию и одежду. Несмотря на предписание ЦК ВМРО конца 1899 г. о том, чтобы формирование чет происходило исключительно внутри Македонии, из-за недостатка кадров на местах продолжала осуществляться организация чет на территории Болгарии [2. С. 52, 62.].

Сравнив деятельность революционной организации в Македонии и революционеров в европейских странах, Амфитеатров более чем скептически оценивает деятельность ВМРО: “Основная причина неудач македонской революционной организации заключается в том, что она пытается средствами, исторически доказавшими свою разрушительность против государственного порядка на европейский лад, ниспровергнуть систему и власть, ничего общего с европейским порядком не имеющие: что тактикой, которая рушила много европейских правительств, она думает уничтожить военное иго, длящееся в Македонии и Старой Сербии вот уже пять веков; что орудия, победоносные в войне гражданской, междоусобной, применяются к войне внешней, потому что турок – не согражданин и не согосударственник славянина, а был, есть и будет его внешний враг ...

Нельзя разрушить того, что никогда не существовало, – поэтому нельзя и разрушить “существующего порядка” в христианских областях Оттоманской империи”.

“Турецкая система длящейся военной оккупации не выработала под Балканами отношений государства к гражданину, гражданина к государству: существуют только отношения завоеванных к завоевателям...” [1. С. 238, 239, 242, 246–247].

Для того, чтобы в полной мере оценить расхождение программных лозунгов ВМРО и ее реальных целей, достаточно сравнить два документа. Две редакции устава и общий план восстания 1903 г.

Глава 1, статья 1 устава БМОРК (1896 г.): “Цель БМОРК – достижение полной политической автономии Македонии и Адрианопольской Фракии”. Статья 2: “Для достижения этой цели, они (БМОРК. – М.Я.) должны пробудить сознание самозащиты у болгарского населения указанных в статье 1 областей, распространять среди населения революционные идеи через печать или устно, подготовить и поднять повсеместное восстание” [7. С. 245–274. С. 249]. Устав ТМОРО (1902 г.). Глава 1, статья 1: “ТМОРО имеет целью сплотить в одно целое все недовольные элементы в Македонии и Адрианопольской Фракии, вне зависимости от народности, для завоевания через революцию полной политической автономии для этих двух областей” [7. С. 257].

В мае 1903 г. в Софии был выработан документ, направленный в Македонию, под названием “Общий план и цель восстания”. Составители документа отмечали, что цель повстанцев не состоит в том, чтобы своими силами победить Турцию. В плане указывалось на то, что восстание должно выразиться в партизанских действиях. А для того, чтобы вызвать эффективное европейское вмешательство, на которое рассчитывает Организация, борьба должна быть насколько возможно более длительной [6. С. 231–238, 254].

Еще раз расхождение программных целей Организации и ее тактики признали в 1925 г. новые лидеры ВМОРО: “Даже Ильинденское восстание в 1903 г., самое большое и массовое восстание, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос” [8. С. 272].

Заложенные при формировании боевых единиц ВМОРО принципы (в первую очередь, “кадровая политика”) предопределили судьбу этой организации. Сразу после так называемого Ильинденского восстания внутри нее началась самая настоящая безжалостная междоусобная война, а самым известным ее делом впоследствии стало участие в марсельском убийстве 1934 г. короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Л. Барту.

Организация, неспособная к существованию в мирных условиях, была запрещена и разогнана болгарским правительством в 1934 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амфитеатров А.* Страна раздора. СПб., 1907.
2. *Петров Т.* Нелегалната армия на ВМОРО в Македония и Одринско (1899–1908). София, 1993.
3. *Пандев К.* Гоце Делчев и четническият институт на ВМОРО // Военно исторически сборник. 1980. № 2.
4. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 180 (Посольство в Константинополе).
5. *Амфитеатров А.* Славянское горе. М., 19.
6. *Пандев К.* Четническият институт ВМОРО до 1912 г. // България 1300. Институции и държавна традиция. София, 1983. Т. 3.
7. *Пандев К.* Уставы и правилници на ВМОРО преди Илинденско-Преображенското въстание // Известия на Института за история. София, 1970. Т. 21.
8. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. М., 2000. Ч. 1.

© 2006 г. *И. В. МИХУТИНА*

ЗАПАДНО-УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Национальная проблематика играла существенную роль в идеологической и политической подготовке Первой мировой войны. Одной из точек, в которой скрещивались цели враждующих сторон, явился так называемый украинский вопрос.

Австрийское правительство со времени национального пробуждения восточных славян Дунайской монархии – русин по самоназванию, населявших Восточную Галицию, Северную Буковину и Подкарпатскую Русь (Закарпатье) – поддерживало их этнокультурное самоопределение, когда это было политически выгодно, например, для острастки восставших поляков и венгров во время революции 1848 г. Однако процесс самоопределения русин оказался внутренне осложненным тем, что не удавалось восстановить давно прерванную местную традицию высокой культуры. Оставалось обратиться к родственным образцам в России, где в свою очередь наряду с общерусской тенденцией происходила кристаллизация этнонационального самосознания юго-западной ветви восточного славянства – малороссов-украинцев. Выбор национального развития разделил русин Австро-Венгрии на сторонников формирования литературного языка и высокой культуры в общерусском потоке – так называемых русофилов или москвофилов, и народовцев-укаинофилов. Последние считали себя этнически едиными лишь с малороссами-украинцами. Во второй половине XIX в. австрийское правительство по внешнеполитическим мотивам стало поощрять национальную идентификацию русин в качестве украинцев. Это в немалой мере способствовало выходу народовцев в 1880-е годы на доминирующие позиции в национальном движении русин. Вена поддерживала идею формирования у себя “украинского Пьемонта”, посылая разного рода сепаратистские импульсы украинскому течению в России. Свой интерес в украинском вопросе имела и Германия.

Во главе обоих направлений национального движения русин стояли люди умеренных и консервативных взглядов, часто – священники. Их политические требования шли не дальше выделения восточнославянских этнических территорий Австро-Венгрии “в одну национальную провинцию” со своей русинской администрацией, чему Вена молчаливо, но последовательно противилась, предпочитая править, прибегая к игре на противоречиях разноплеменного населения в

Михутина Ирина Васильевна д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

том числе провинции Галиция, объединявшей части польских и русинских этнических земель. Причем поляки, составлявшие в большинстве высшие и средние слои, экономически и политически доминировали над преимущественно крестьянским русинским населением¹.

Тем не менее русинские лидеры не форсировали своих политических требований и никогда не допускали конфронтации с центральным правительством, оставаясь “лояльными подданными короля”. Главными видами их деятельности сделались просветительство и организационно-хозяйственная работа среди крестьян. Москвофилы открывали сельские читальни и внешкольные образовательные учреждения, пропагандировали через свои издания организацию касс взаимопомощи, общественных зернохранилищ, кружков ремесленников, обществ трезвости. Народовцы со временем еще шире, в силу более благоприятных для них политических условий, обеспечивали сельских жителей литературой по агрономии, сельскохозяйственной технике, основам кооперации, создали целую сеть кредитных и страховых товариществ, оказывали юридическую помощь крестьянам и их хозяйственным учреждениям, с разрешения правительства шаг за шагом расширяли систему образования на национальной основе, добившись кроме начальных школ открытия украинских гимназий, реального училища и женского лицея (подробнее см.: [1–5]).

В целом такого рода деятельность обеспечивала национально-культурное и социально-экономическое развитие края. Более того, при отсутствии у крестьянского населения собственно политической традиции не столько умозрительная политическая агитация и прямые идеологические “прививки” или даже парламентская деятельность (на этом поприще русинам никак не удавалось добиться пропорционального своей численности представительства), сколько стратегия “малых дел”, каждодневная и ощутимо полезная простым людям работа оказалась наиболее эффективным способом сплочения народа, формирования его в гражданское общество, готовое в нужный момент сделать осознанный политический выбор.

Первая мировая война принесла русинам тяжкие испытания и в бытовом, и в общественно-политическом отношении. Партии украинского направления заранее выступили на стороне правительства Австро-Венгрии, объявив Россию “историческим врагом Украины” в расчете если не на объединение под эгидой Австрии украинских земель до Днестра, а может быть и восточнее, то на осуществление своей программы-минимум – создания из имевшихся земель отдельного коронного края [6. С. 212].

Начало войны не благоприятствовало подобным планам. После занятия Восточной Галиции русскими войсками в 1914 г. российская администрация, опираясь на москвофилов, начала перестраивать культурно-образовательную систему по российскому образцу, обращать в православие русин греко-католиков, одновременно остановив работу украинских школ, издательств, библиотек, многих кооперативов и т. д. [7. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 6–8]. Однако еще больше в конечном счете пострадали москвофилы. С началом войны это направление, и раньше притеснявшееся австро-венгерскими властями (невозможность открытия школ москвофильской ориентации, юридические затруднения в хозяйственной деятельности, судебные процессы над активистами по обвинению в измене

¹ Им в конце 1860-х годов для укрепления восточных рубежей страны вновь была передана вся власть в провинции.

и т.д.), подверглось форменному разгрому, а его сторонники – физическому уничтожению: тысячи гражданских лиц, в основном сельских жителей, включая женщин и православных священников, были казнены часто без судебных приговоров по подозрению в измене и пособничестве врагу, десятки тысяч заключены в концентрационные лагеря, запрещены все москвофильские организации, их средства и имущество переданы народовским-украинским [8. С. 25].

Народовство осталось, таким образом, после отступления русских войск практически единственным общественно-политическим течением русин, и еще нагляднее, чем прежде, стало демонстрировать приверженность австрийскому правительству в его военной политике. Украинствующие лидеры русин в новом обращении “ко всем народам цивилизованного мира” подтвердили, что своей целью считают разрушение Российской империи и образование украинского государства, а в пределах Австро-Венгрии – по-прежнему лишь осуществление национально-территориальной автономии русинских земель с присоединением к ним еще Холмщины и Волыни [9. С. 157].

Последующие события остудили энтузиазм русин-украинцев. Знаменитый Брусиловский прорыв вновь отрезал в пользу России широкую полосу территории Буковины, Галиции и Волыни. В полный голос зазвучали претензии румын на Буковину. Но главное разочарование принесла декларация германского и австрийского императоров от 5 ноября 1916 г. об образовании Королевства Польского из губерний русской Польши под австро-германской оккупацией, без определенных границ и собственных органов власти. Параллельно Вена пообещала автономию Галиции целиком, не разделив ее по национальному признаку, как того хотели украинцы, то есть по-прежнему под польской гегемонией. Украинские депутаты в венском парламенте тщетно протестовали против этого решения и, не добившись удовлетворения, объявили, что поведут самостоятельную политику.

Провозглашение в России в ходе революции 1917 г. Украинской народной республики (УНР), казалось, приблизило русин-украинцев Австро-Венгрии к их целям. Делегация УНР при подписании в Брест-Литовске сепаратного мирного договора с государствами Четверного союза (9 февраля 1918 г.) добилась секретного дополнения, по которому австрийское правительство обязалось к 20 июля 1918 г. разработать проект закона о коронном крае, в который должны были войти Восточная Галиция и Северная Буковина. Однако накануне назначенного срока по требованию австрийской стороны, обвинившей дипломатов УНР в нарушении секретности достигнутого соглашения, этот документ, помещенный на хранение в германский МИД, был там уничтожен [10. С. 318–319; 11].

Проблема потребовала незамедлительного решения осенью 1918 г. в связи с приближавшимся военным поражением держав Четверного союза и внутренней катастрофой Австро-Венгрии. Для украинского населения Восточной Галиции было абсолютно неприемлемо включение его земель в состав восстанавливаемого Польского государства, которому и галицийские польские лидеры, и деятели Королевства Польского хотели обеспечить “стратегические” границы, выходящие далеко за пределы польской этнической территории. Потому украинские депутаты австрийского парламента, опираясь на завоевавшую популярность идею самоопределения народов, осенью 1918 г. вновь заговорили об административном выделении своих этнических областей и даже о соединении с Украинской державой, в которую была преобразована УНР после государст-

венного переворота, поставившего у власти в апреле 1918 г. гетмана П.П. Скоропадского. “Наша дорога ведет не в Варшаву, а в Киев, а если кто захочет соединить нас с поляками, то разве что по нашим трупам”, говорилось в заявлении украинского представительства в австрийском парламенте от 9 октября 1918 г., на следующий день постановившего созвать во Львове Конституционную комиссию [3. С. 174].

Правительство в Вене не спешило с рассмотрением украинского требования. Но ради предотвращения распада многонационального государства император Карл 16 октября выступил с манифестом о преобразовании монархии “в одно федеративное государство, в котором каждая нация образует свое краевое государство” [12. С. 305–306]. Этот манифест поставил в рамки законности решение о созыве украинской Конституционной комиссии. Она заседала 18–19 октября в украинском Народном доме. Ее участниками были украинские депутаты австрийского парламента, члены палаты господ, представители епископата, украинцы-депутаты галицийского и буковинского сеймов, делегаты от каждой политической партии. Они избрали временный представительный орган – Украинскую национальную раду под председательством лидера украинской фракции австрийского парламента Е. Петрушевича. Рада в своем манифесте объявила о намерении образовать на русинских этнических территориях Галиции, Буковины и Подкарпатской Руси украинское государство в пределах Австро-Венгрии, которое примет в свои органы управления и представителей национальных меньшинств, а также образует собственную делегацию для участия в будущей мирной конференции.

20 октября, после воскресного богослужения на львовской площади Святого Юра, у кафедрального собора греко-католиков при огромном стечении горожан украинские лидеры объявили об образовании государства, названного вскоре Западно-Украинской народной республикой (ЗУНР) [13. С. 28–29].

31 октября Совет министров Австрии обсуждал вопрос о передаче власти в Восточной Галиции Украинской национальной раде, но не принял окончательного решения. Между тем 28 октября по инициативе польских депутатов венского парламента в Кракове была образована Ликвидационная комиссия, заявившая, что перенимает у австрийской администрации власть над всей Галицией. Одновременно стало известно, что с той же целью 1 ноября направит своего комиссара из Варшавы во Львов регентский совет Королевства Польского [14. S. 182–187; 15. S. 421–424]. И если некоторые члены Украинской национальной рады еще склонны были искать решение вопроса с агонизировавшим венским правительством, то Генеральный войсковой комитет, тайно готовивший в составе австрийской армии украинские вооруженные силы, решил не теряя времени овладеть ключевыми объектами во Львове, что и было сделано при участии около 1.5 тыс. добровольцев в ночь на 1 ноября. Одновременно курьеры – в основном студенты и школьники – доставили в города и поветы Восточной Галиции приказ национальной рады установить на местах украинскую администрацию [13. С. 32–37].

Представители Буковины участвовали в образовании Украинской национальной рады. Но румынская часть населения этого края поспешила объявить всю Буковину “румынской землей”, стремясь к ее объединению с Банатом и Трансильванией. Тогда украинские организации 3 ноября создали в Черновцах 10-тысячное Краевое вече украинцев с участием представителей от каждого населенного пункта украинской части Буковины. На нем большинство участников

одобрило провозглашение западноукраинского государства, считая это начальным этапом на пути к “соборной” Украине. Причем были среди делегатов веча и сторонники большевистских взглядов, высказавшиеся за союз с Украинской советской республикой (она образовалась в Харькове в декабре 1917 г., в течение ближайшего месяца распространила свою власть на большую часть Приднепровья, включая Киев, куда правительство УНР смогло вернуться лишь в марте 1918 г. благодаря Брестскому миру и последовавшей за ним австро-германской оккупации Украины). Решения веча позволили Украинскому краевому комитету Буковины перенять власть у австрийской администрации. Однако 11 ноября украинская часть Буковины, включая Черновцы, была занята румынскими войсками, осуществлявшими с одобрения Антанты проект “Великой Румынии” [16. С. 8–13; 13. С. 68–70].

Между тем австрийский наместник во Львове официально передал власть Украинской национальной раде, которая пополнившись делегатами с мест, приняв регламент работы временной администрации и правила судопроизводства, сформировала 9 ноября первое правительство ЗУНР – Державный секретариат. Однако во Львове уже 1 ноября военные и полувойсковые формирования поляков (первоначально около 700 человек) при поддержке многочисленного в городе польского гражданского населения оказали украинской власти сопротивление. Завязались уличные бои [13. С. 45–67].

Вскоре в борьбу за Восточную Галицию включились и поляки из центральной Польши. После прекращения там германской оккупации и передачи власти Регентским советом Ю. Пилсудскому (11 ноября 1918 г.) Варшава начала вооруженную борьбу за “стратегические” границы на востоке. Польские части заняли признанную Брестским договором за Украиной Холмщину, повели наступление на Волынь. Подкрепления направились и к галицийским полякам. Последние 11 ноября установили свою власть в Перемышле, 21 ноября в результате жестоких боев овладели Львовом. Но на основной территории Восточной Галиции, защищавшейся хорошо организованной, боеспособной Украинской галицийской армией (УГА), сохранилась украинская власть.

ЗУНР возникла через год после провозглашения украинского государства в Киеве. В свете идеи “соборной” Украины логичным представлялось их слияние. Этот вопрос по предложению западноукраинских социал-демократов обсуждался Конституционной комиссией, но остался открытым. Большинство политиков, полагая, что послевоенный мир будет устраиваться согласно проекту президента США В. Вильсона, предусматривавшему дробление Австро-Венгрии по принципу самоопределения народов, и в то же время сохранение целостности России, опасались тогда быть втянутыми в орбиту российской государственности. К тому же Украинская держава, опиравшаяся в своем существовании на австро-германскую оккупацию, была сильно скомпрометирована в глазах победившей Антанты.

Однако начало войны с поляками в Галиции заставило лидеров ЗУНР искать поддержки Украинской державы. П.П. Скоропадский охотно предложил их посланцам вооружение и военную технику, боеприпасы и обмундирование, денежные средства и продовольствие, а также полк сечевых стрельцов, сформированный из бывших пленных галицийцев и буковинцев. Но обещанная помощь задержалась, так как против самого гетмана назрело восстание, подготовленное Украинским национальным союзом во главе с С.В. Петлюрой, В.К. Винниченко и др., отсоветовавшими галицийским делегатам иметь дело с гетманом. Сече-

вые стрельцы под командованием получивших позже широкую известность националистов Е. Коновальца и А. Мельника, готовясь к восстанию, отказались оставить Приднепровье, решив, что борьба за Киев важнее защиты Львова. Их лидеры предлагали после свержения гетмана вместо восстановления республиканского строя учредить вкупе с Петлюрой военную диктатуру [17. С. 5–15].

Тем не менее 1 декабря между делегатами ЗУНР и руководителями намеченного восстания в Фастове, под Киевом, был подписан предварительный договор об объединении. Пришедшая 14 декабря на смену гетману Директория направила ЗУНР почти все обещанное гетманом. В Восточную Галицию выехали также некоторые офицеры и генералы бывшей русской армии (в их числе – в дальнейшем советский военачальник и крупный военный историк Н.Е. Какурин), занявшие высшие командные должности в УГА.

После оставления Львова органы власти ЗУНР переместились в Тернополь, затем – в Станислав (Ивано-Франковск), где 3 января 1919 г. состоялась сессия Украинской национальной рады, утвердившая новую структуру управления, новый состав правительства, а также одобрявшая предварительный договор об объединении украинских земель. Вслед за этим в Киев направилась многочисленная делегация Украинской национальной рады для участия в акте провозглашения 22 января 1919 г. “соборного” государства, сохранившего название Украинская народная республика. ЗУНР официально стала Западной областью УНР (ЗОУНР), однако до предполагаемого созыва Украинского учредительного собрания сохраняла самостоятельность действий и свою уже сформировавшуюся систему власти, оберегаемую от характерной для того времени социально-политической радикализации. Так, лидерам западноукраинской социал-демократии удалось предотвратить включение в Украинскую национальную раду 61 делегата от Рабоче-крестьянского союза, что было бы, по их представлениям, революционным шагом. Дело ограничилось принятием в апреле 1919 г. закона о земле, подлежавшего реализации по окончании войны. Он предусматривал национализацию помещичьих и церковных владений и распределение наделов через государственный земельный фонд по установленным сверху ценам. Законодательно определилась структура сейма ЗОУНР, выборы в него были назначены на июнь 1919 г., чему по военным обстоятельствам не суждено было исполниться [12. С. 308–310; 13. С. 126–134; 18. С. 185–187].

Отступив из Львова, УГА продолжала ожесточенные бои за возвращение своей столицы. Сделать этого не удалось. И все-таки армия при горячей поддержке украинского населения удерживала за собой большую часть края. Между тем посреднические миссии западных держав, зачавшие в Галицию в период подготовки Парижской мирной конференции, выдвигали разные варианты замирения, как правило, выгодные полякам: французские политики были заинтересованы в усилении Польши, чтобы сделать ее надежным противовесом Германии. Потому посредники предлагали украинцам поступиться своими землями, в том числе Бориславо-Дрогобычским нефтяным районом – главным экономическим ресурсом края, манившим не только поляков, но и западные правительства, у которых даже возник проект его оккупации войсками Антанты, отвергнутый обеими заинтересованными сторонами. Неоднократные прекращение огня в связи с инициативами международных посредников позволяли полякам подтягивать свежие силы. Наконец весной 1919 г., когда военное счастье стало склоняться в их пользу, варшавские политики решили поставить мирную конференцию перед свершившимся фактом и, отклонив дальнейшие пере-

говоры, нацелили свои войска на захват всей Восточной Галиции, используя при этом вопреки запрету западных держав переправленную из Франции хорошо подготовленную польскую армию генерала Ю. Галлера.

Руководители Парижской мирной конференции слабо реагировали на нарастающую воинственность Варшавы. Только британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж еще некоторое время настаивал на ликвидации конфликта путем переговоров [19. S. 219–345]. Французская же и итальянская делегации, ссылаясь на опасность вторжения Красной Армии в Восточную Галицию, фактически поощряли польскую оккупацию края. При этом есть основания предполагать, что не только идеологические мотивы и стратегические соображения побудили лидеров западной демократии к такой политике. Среди польских дипломатов и экспертов по экономическим вопросам по окончании Парижской мирной конференции в ходу были разговоры о том, будто их правительству “за право наступать в Галиции пришлось заплатить Антанте 350 млн франков золотом” [20. S. 56–57].

Как бы там ни было, 25 июня высший орган Парижской мирной конференции Совет четырех все с той же антисоветской мотивировкой “уполномочил вооруженные силы Польской республики продолжать свои операции вплоть до реки Збруч” – восточного рубежа края [19. S. 353]. Это окончательно развязало руки польскому командованию. 15 июля 1919 г. УГА, страдавшая от недостатка боеприпасов, вынуждена была вместе с политическим руководством перебазироваться на территорию Директории, где вместе с войсками последней, действовавшими под командованием С.В. Петлюры, сражалась против армии Советской Украины, а также против наступавших на Волыни поляков. Но осенью 1919 г. Петлюра заключил перемирие, а затем и союз с Польшей, что было неприемлемо для галицийцев.

Одновременно, в ноябре 1919 г. западные лидеры предложили Варшаве 25-летний мандат на управление Восточной Галицией, не принятый польским правительством, желавшим бесповоротного решения галицийского вопроса [19. S. 362–376]. Но и воины УГА не сложили оружия. Их командование вступило во взаимодействие с Добровольческой армией А.И. Деникина, а после поражения последней УГА присоединилась к воевавшей на польском фронте Красной Армии, что было близко не только национальным чаяниям, но в немалой мере отвечало и социальным настроениям радикализировавшегося рядового состава. Однако большевистское руководство распределило по разным участкам фронта три бригады, сформированные из частей УГА. Это вызвало разочарование галицийцев, для которых их армия кроме непосредственно военной силы представлялась важным символом и “носителем государственного суверенитета” [21. Ф. 17. Оп. 61. Д. 215. Л. 12–13]. В результате в апреле 1920 г., накануне похода Ю. Пилсудского на Украину, две галицийские бригады, рассчитывая присоединиться к создававшейся Петлюрой в Польше под вывеской Директории УНР армии, перешли на сторону противника, но вместо борьбы за украинское дело были интернированы поляками. Впрочем и соединение с этой армией, не помешавшее польскому командованию, утратило бы для галицийцев всякий смысл, потому что за два дня до того, как части УГА предательски открыли полякам советский фронт, Петлюра окончательно закрепил свой отказ от идеи “соборной” Украины, заключив 21 апреля 1920 г. союз с Польшей ценой признания за ней среди прочего права на Восточную Галицию [22. Т. II. С. 656–657].

Завоеватели Восточной Галиции оставались в страхе перед ее народом, который пытались подавить дальнейшим насилием. Они держали в неволе не только пленных и интернированных воинов УГА, но превентивно преследовали гражданское население, массово изолируя образованных украинцев, греко-католических священников, а над заподозренными в нелояльности крестьянами чинили кровавый произвол. В 1921 г. к немалому смущению официальной Польши, чьи сыны еще совсем недавно, в пору разделов, призывали другие народы бороться “за нашу и вашу свободу”, в венской печати появилась цифра – свыше 200 тыс. галицийских украинцев, прошедших через польские концлагеря [23. Ф. 308/к. Оп. 10. Д. 272. Л. 23–25].

Незадолго до этого печального финала, в середине 1920 г. надежды западных украинцев оживились в связи с тем, что Красная Армия, отразив удар поляков вглубь Приднепровья, перешла в успешное наступление по всему фронту, что заставило Варшаву просить Запад помешать вступлению советских войск в пределы этнической Польши.

Британский премьер Д. Ллойд Джордж согласился предложить Москве посредничество при условии созыва международной конференции для обсуждения пограничных споров Польши с участием всех заинтересованных сторон, в том числе с приглашением представителей Восточной Галиции, чтобы выслушать их позицию, которую на тот момент он представил следующим образом: “Большевики сейчас продвигаются вглубь Восточной Галиции и не были бы склонны уйти из нее, чтобы отдать ее полякам. Этому воспротивились бы сами жители” [22. Т. III. С. 148, 149]. Более того, в известной британской ноте советскому правительству возможная демаркационная линия в Восточной Галиции описывалась так, будто Львов заранее признавался вне пределов Польши [24. С. 54]. Большевицкое руководство отклонило британское посредничество, но именно по подсказке Лондона сделало взятие Львова, наряду с маршем на Варшаву, важной стратегической целью военных действий 1920 г. Результаты этой кампании известны. И все-таки представители ЗУНР, с пропагандистской целью прибывшие в Ригу, где в сентябре 1920 г. началась советско-польская мирная конференция, установили рабочие контакты с советской делегацией [21. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2001. Л. 30, 57, 61; 25; 26. С. 114–115]. Последняя в своем проекте preliminary мирного договора предусматривала признание независимости Восточной Галиции, а вопрос о форме ее государственности предлагала решить “путем опроса всего местного населения на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования” [22. Т. III. С. 403].

Но Россия проигрывала войну. Польские войска вновь занимали земли Белоруссии, Вольнь и Подолию. 23 сентября руководитель советской делегации получил сообщенную В.И. Лениным директиву пленума ЦК РКП(б) сделать максимальные территориальные уступки, включая признание прежней “государственной границы между Россией и Восточной Галицией”, если удастся заключить перемирие в десятидневный срок [27. Т. 51. С. 286]. Отстоять свою первоначальную идею плебисцита в Восточной Галиции Москве не удалось.

Но западные украинцы при всех военных и внешнеполитических неудачах упорно отказывались признавать суверенитет Польши над своим краем. Они не допустили участия представителей Восточной Галиции в работе избранного в 1919 г. польского законодательного сейма, эффективно бойкотировали и парламентские выборы 1922 г., игнорировали призыв в польскую армию, общегосударственную перепись населения и т.д. Однако столь очевидное неприятие

ими польской власти не помешало Совету послов великих держав 15 марта 1923 г. окончательно признать Восточную Галицию за Польшей, удовлетвовавшись обязательством последней ввести автономию в захваченном крае. Для юридического обоснования принятого решения Совет послов использовал Сен-Жерменский договор, по которому побежденная Австрия вынуждена была отказаться от своих прежних владений, и столь же вынужденные для Советской России условия Рижского мира [15. S. 694]. При этом право западных украинцев на самоопределение во внимание принято не было. “На глазах у всего культурного мира Конференция послов главных государств Антанты не поколебалась предать глумлению и поруганию самые святые чувства украинского народа Галицкой земли – его право на свободную жизнь на своей праведной земле... Нынешняя Польша, которая еще вчера была политическим рабом других стран, не удовлетворилась собственной независимостью, дарованною ей по милости держав Антанты. Она, получив государственную независимость, пошла войной на наше государство”, – писал в своем обращении к украинскому народу глава ЗУНР Е. Петрушевич. Украинцы откликнулись 40-тысячной демонстрацией протеста во Львове, где в то время проживало всего около 200 тыс. человек [13. С. 347].

В западноукраинском национальном движении после описанных неудач возникло два направления. Одно, вдохновляемое эмигрантским правительством ЗУНР, сгруппировалось в Украинском национально-демократическом объединении (УНДО), которое при образовании в 1925 г. засвидетельствовало верность идеалу “соборности и самостийности” и в начальный период рассматривало Советскую Украину как “серьезный и далекоидущий фактор государственности украинского народа”, хотя и не одобряло “временно существующей там диктатуры и строя, обслуживающего один класс” [28. Т. 56. К. 491]. Это течение, полностью не исключая подпольной деятельности, в основном вернулось к традиционной практике “органической” работы, которую теперь приходилось направлять на защиту от полонизации созданной прежде системы украинских школ и других учреждений украинской культуры и духовности. “Органическая” работа, затрагивая все стороны жизни народа, укрепляла инфраструктуру гражданского общества, обеспечивала массовую базу и финансирование политической деятельности западноукраинских партий. В 1930-е годы УНДО отошло от абсолютного непризнания польской власти и приняло формулу “через автономию – к свободе”, так и не реализованную из-за нарушения Варшавой принятого на себя международного обязательства.

Другое течение, сформированное на фоне катастрофы ЗУНР ее комбатантами, полными нереализованных стремлений и привычными к действию силой оружия, избрало путь идеологического и практического экстремизма. В середине 1920 г. они образовали подпольную Украинскую военную организацию (УВО), к которой в 1929 г. добавился политический центр – Организация украинских националистов (ОУН). Приверженцы этого течения отрицали принципы демократии и исповедовали “интегральный” национализм, основанный на иррационализме, волюнтаризме, апофеозе действия, культе насилия, стремлении к цели любыми средствами. Сообразно идеологическим и морально-этическим установкам они практиковали террор – нападения на владения польских помещиков, колонистов, убийство государственных сановников, уничтожение государственного имущества, втягивая в эти действия украинское население [29. S. 251–269].

Изначальное пренебрежение западной демократии к национальным чаяниям западных украинцев толкнуло “интегральных” националистов в стан фашистских государств, с которыми они так или иначе сотрудничали и во время Второй мировой войны. Это предопределило крах “интегральных” националистов, фактически противопоставивших себя в эти годы большинству украинского народа, который в результате победы над фашизмом воплотил в советском варианте идею “соборной” Украины.

Вместе с тем представляется, что опыт западноукраинских национальных демократов, традиционно обеспечивавших себе широкую общественную опору методом “органической” работы, принося простым людям в их труде и других житейских делах пользу “здесь и сейчас”, заслуживает пристального внимания народов, перед которыми и в настоящее время актуальной остается задача формирования гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. Київ, 1918.
2. *Середа О.* Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860–1867 роках // *Россия – Украина: история взаимоотношений.* М., 1997.
3. *Нагаєвський І.* Історія Української держави двадцятого століття. Київ, 1994.
4. *Wasilewski L.* Ukraina i sprawa ukraińska. Kraków, 1911.
5. *Михутин І.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.
6. Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Документи і матеріали. Мюнхен, 1983.
7. Государственный архив Российской Федерации.
8. *Дорошенко Д.* Історія України 1917–1923 рр. Ужгород, 1932. Т. 1.
9. *Левицький К.* Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів, 1930. Ч. 1.
10. Берестейский мир. Спомини та матеріали. Львів, 1928.
11. *Попик С.Д.* Таємниця Брест-Литовська: до питання про австро-український протокол 1918 року // *Питання історії нового та новітнього часу.* Чернівці, 1994. Вип. 3.
12. *Бородайко В.* До 10-річчя Західно-Української республіки // *Літопис революції.* Харків, 1928. № 6.
13. *Литвин М.Р., Науменко К.Е.* Історія ЗУНР. Львів, 1995.
14. *Historia Polski.* Warszawa, 1966. Т. IV. Cz. 1.
15. *Powstanie II Rzeczypospolitej.* Wybór dokumentów. Warszawa, 1984.
16. *Ботушанський В., Макал Ю.* Ухвала Буковинського народного віча 3 листопада 1918 р. – визначний документ українського державотворення // *Перша світова війна: історичні долі народів Центральної та Східної Європи.* Чернівці, 2000.
17. *Назарук О.* Рік на Великій Україні. Конспект споминів з української революції. Відень, 1920.
18. *Мазена І.* Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Прага, 1942. Ч. 1.
19. *Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r.* Dokumenty i materiały. Warszawa, 1967. Т. II. Cz. IV. Galicja Wschodnia.
20. *Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r.* Materiały archiwalne i dokumenty. Warszawa, 1986.
21. Российский государственный архив социально-политической истории.
22. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т. II; 1965. Т. III.
23. Российский государственный военный архив.
24. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. III.
25. *Назарук О.* Галицька делегація в Ризі. 1920 р. Спомини учасника. Львів, 1930.
26. *Павлюк О.В.* Радянофілство Е. Петрушевича: переконання чи вимушеність? // *Український історичний журнал.* 1997. № 3.
27. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч.
28. *Ministerstwo spraw wewnętrznych.* Rusińskie partie polityczne w Polsce (w III-cim kwartale 1925 r.) // *Archiwum państwowe w Krakowie. Urząd wojewódzki Krakowa. Wydział II.*
29. *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989.

© 2006 г. *Н. Н. СТАРИКОВА*

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН В СЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА. ГЕНЕЗИС ЖАНРА

Исторический роман можно отнести к бесспорным художественным достижениям словенской литературы. Развиваясь в общем русле национального литературного процесса, он во многом способствовал обогащению идейно-эстетического контекста литературы, обновляя собственную жанровую поэтику новыми художественными формами, пропагандируя идеи национального единения, политической и социальной консолидации, сопротивления внешней угрозе, патриотизма. Его живучесть и конкурентоспособность (до настоящего времени это один из ведущих жанров словенской прозы) подтверждаются в первую очередь количественно – почти 300 произведений, опубликованных за последние полтора века, особенно впечатляют, принимая во внимание особенности развития словенской литературы. Специфика исторической судьбы словенцев, их национального становления предопределяет особую роль литературы в формировании самосознания и культуры этого славянского народа, лишь в 1991 г. обретшего государственную самостоятельность, обуславливает неравномерность развития культуры в разные периоды истории.

Судьба народа стала первопричиной особой миссии, которую осуществляла литература: через художественное слово шло для него осознание единства словенской нации. На протяжении нескольких веков важнейшей задачей литературы была самоидентификационная, и “вся мощь национальной жизни была сосредоточена в литературе” [1. С. 27]. Бесменно находясь на страже национальных интересов, защищая и культивируя национальные ценности, литература на самых разных этапах словенской истории, и особенно в ее переломные моменты (1848, 1918, 1945, 1991 гг.), с одной стороны, становилась орудием внедрения в общественное сознание различных программ национального возрождения, с другой – стремилась интегрироваться в общеевропейский литературный процесс. В немалой степени благодаря особому положению литературы внутри национальной мифологии, сохранению ею “кода” нации, амортизировался культурный и идеологический прессинг со стороны властей всех государств, в состав которых на протяжении своей истории входила Словения.

Прогрессивные идеи литературы и искусства европейского Запада, попадая на словенскую почву, проходили проверку национальной доминантой, рассмат-

Старикова Надежда Николаевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ривавшей их в первую очередь с точки зрения утилитарных потребностей словесности. Такова была естественная реакция нации, которая из-за изнурительного многовекового гнета была задержана в своем этнокультурном развитии. В конечном итоге это привело к нарушению классической парадигмы литературного процесса: одновременному проявлению разностадиальных признаков, более позднему овладению некоторыми жанровыми формами. Исторический жанр появился в словенской литературе с полувековым опозданием, если за точку отсчета взять первый европейский исторический роман Вальтер Скотта “Уэверли” (1814) – роман Й. Юрчича “Иван Эразм Татенбах” был опубликован лишь в 1873 г. Вслед за ним традицию национальной исторической прозы с успехом развивали А. Царли, А. Лукович, И. Тавчар, А. Кодер, Ф. Детела, М. Плетершник, Ф. Финжгар, М. Маловрх, Ф.К. Мешко, И. Лах, Р. Мурник, И. Шорли, Ф. Говекар и др. Опираясь на события отечественной истории, воссоздавая “местный” колорит и историко-культурную атмосферу, эти авторы через национально окрашенный, часто легендарный материал стремились, каждый на своем уровне, отразить своеобразие национального характера на определенном отрезке исторического времени. И уже тогда произведения исторической тематики становились полем художественных экспериментов.

В XX в. традиция национальной исторической прозы упрочилась. Исторический роман показал себя как один из наиболее новаторских, интенсивно развивающихся, типологически продуктивных. Возникший на пересечении взаимодействующих тенденций литературно-эстетической эволюции и развития общества и общественного сознания, он обладал не только общероманной семантикой, но и собственной, специфической, избирательно актуализировал элементы уже сложившихся в литературе и только складывающихся романских структур.

В данной статье анализируются ключевые, на наш взгляд, произведения исторической прозы, относящиеся к межвоенному периоду, важнейшему стратегическому этапу в становлении жанра, который словенские исследователи с полным правом называют “кульминацией” в развитии исторического романа (см.: [2. S. 117]). Это касается не только количественных, но и качественных характеристик. В период между 1918 и 1940 г. в Словении было опубликовано свыше двадцати исторических романов и почти столько же повестей, многие из которых отличаются значительным художественным своеобразием и новаторством. К исторической прозе обращаются такие крупные прозаики разных поколений и стилевых направлений, как И. Тавчар – “Хроника усадьбы Высокое” (1919), И. Прегель – “Plebanus Joannes” (1920), “Проповедник Ерней” (1923), “Толминцы” (1927), Ф. Говекар – “Рассвет” (1921), И. Лах – “Ангелин Хидар” (1922), “Старокорантанский роман” (1922), Ф. Бевк – “Знаменья на небе” (1927–1930), Я. Кач – “Молох” (1936), Ваште – “Умирающие души” (1929), “Роман о Прешерне” (1938), А. Слодняк – “Нетленное сердце” (1938), В. Бартол – “Аламут” (1938), Й. Пахор – “Матия Горьян” (1940) и др. Авторы этих произведений интересуют не какой-то один этап отечественной истории, но весь исторический срез (от древнейших дохристианских времен до второй половины XIX в.) и даже мировой исторический опыт. При этом, повествуя о событиях национального прошлого, все они стремятся поместить его в европейский контекст, сделать акцент на событиях общеевропейского (общемирового) значения.

Одной из главных предпосылок для активизации жанра стало само межвоенное двадцатилетие – “бурное” затишье между двумя мировыми катастрофами. Оно оказалось для словенской нации, с одной стороны, эпохой тяжелейших ис-

пытаний, с другой – временем новых перспектив, небывалого подъема общественного движения и эстетической мысли. Словения, никогда прежде не имевшая собственной государственности, в декабре 1918 г. добровольно вошла в состав нового многонационального государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев, что было с воодушевлением встречено большей частью населения. Став частью нового государственного объединения, словенцы обрели новый политический статус и частичный суверенитет, получили, наконец, такие важнейшие общенациональные институты, как университет (1919) и Академия наук (1938). Реформа среднего образования привела к практически полной словенизации школ и гимназий (до 1918 г. большинство школ Штирии, Каринтии и Крайны были двуязычными, преподавание велось как на словенском, так и на немецком языке, на территориях словенского Приморья – на итальянском), активизировалась издательская деятельность, росло число периодических изданий. В межвоенное двадцатилетие в Словении вышло в свет свыше 2000 художественных произведений (см.: [3. С. 349]). В то же время монархия с полицейским режимом и идеологией “интегрального югославянства” стремилась ограничить права и свободы субъектов Королевства в политической и социальной сферах, игнорировала решение острых территориальных вопросов, по сути провалила аграрную реформу, используя государственный аппарат, стремилась “превратить остальные земли в свои полуколонии” [4. С. 37]. То есть недемократический путь создания Королевства вел к обострению социальных и национальных противоречий. В Словении дискуссия по вопросу сохранения этнической самобытности словенского народа в условиях новой державы, начатая с резолюции секции культуры национального совета в ноябре 1918 г., к началу 1930-х годов вошла в свой апогей (книга Й. Видмара “Культурные проблемы словенства”, 1932) и далее продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны. Озабоченность национальной проблемой выражали представители практически всех ведущих общественно-политических сил: от коммунистов во главе с Э. Карделем до христианских социалистов в лице Ф. Терсеглава. Трагические события недавнего прошлого Европы также наложили свой отпечаток на атмосферу в словенском обществе. Участие в Первой мировой войне в составе войск Австро-Венгрии и многочисленные потери, экономический упадок, безработица, массовая эмиграция в Северную Америку и Аргентину, наконец, угроза национальной целостности – Словенское Приморье отошло Италии, проигран плебисцит 1920 г., оставивший большую часть исконных земель Каринтии в Австрии¹, – все это будило в обществе настроения протеста, являлось стимулом активной гражданской позиции, подстегивало интерес к отдельным эпизодам “великого” национального прошлого.

¹ Значительная часть словенских земель в Каринтии (бассейн реки Дравы и Караванские горы) оказалась спорной территорией, на которую после окончания Первой мировой войны претендовала как Австрия, так и Королевство СХС. В 1919 г. была проведена демаркационная линия, определяющая зоны А и Б, из которых первая временно отходила Югославии, вторая – Австрии. В результате полугодовых парижских консультаций при содействии США и Франции в зоне А был назначен плебисцит. Если большинство населения выскажется в пользу Югославии, плебисцит должен был состояться и в зоне Б, при победе проавстрийских сил обе зоны автоматически отходили Австрии. За присоединение к Австрии проголосовали 22 тыс. человек, за присоединение к Югославии – 15,3 тыс. Югославия потеряла обе зоны. В ряде словенских городов вспыхнули волнения.

Период между двумя мировыми войнами, справедливо названный Л.Н. Будаговой “благоприятным... в литературной истории славянских народов” [5. С. 352], в словенской литературе характеризуется атмосферой свободного художественного поиска, идейных и философских споров и значительного художественного плюрализма. Это время знакомства широкого круга читателей с переводами важнейших трудов Маркса, Кьеркегора, Ницше, Фрейда, освоения авторами новых литературных направлений, среди которых ведущее место заняли экспрессионизм и социальный реализм. Это время активизации отдельных жанров, обновления их поэтики, “обживания” новых тем и форм. На фоне общего нарастания дифференциации литературного процесса взаимодействие разных идейных, философских, эстетических тенденций происходило как внутри литературного течения или в творчестве отдельного автора, так и на уровне одного произведения. Это характерно для исторического жанра, который, образуя системное целое, трансформирует топику романического, определяющую своеобразие конкретных разновидностей жанра, продуцирует и стимулирует жанровую рефлексию.

Один из ведущих прозаиков конца XIX – начала XX в., видный политический и общественный деятель, лидер радикального крыла либеральной (национально-прогрессивной) партии Иван Тавчар (1851–1923) публикует в 1919 г. в журнале “*Liublanski zvon*” свой новый историко-социальный роман “Хроника усадьбы Высокое”. Основной побудительной причиной обращения к жанру исторической хроники стало желание писателя с позиций опыта выживания нации в годы Первой мировой войны исследовать этапы становления словенского национального характера, формировавшегося в атмосфере феодального господства колонизаторов и конфессиональных противоречий². Одним из первых Тавчар попытался связать особенности внутреннего мира и психологии своих земляков с их исторической судьбой, с тем путем потерь, компромиссов, упорного сопротивления внешней экспансии, который к XX в. прошел его народ. Писатель взялся за хорошо знакомый ему историко-документальный материал архива Шкофьелокского замка (будучи родом из окрестностей Шкофьей Локи, он с 1893 г. владел усадьбой Высокое и имел к нему доступ) для создания эпической панорамы прошлого родных мест – периода Контрреформации, эпохи Марии-Терезии, наполеоновских походов, намереваясь довести действие до первой четверти XIX в. Этот замысел не был реализован, однако даже первая часть несостоявшейся трилогии стала важной вехой не только в творчестве Тавчара, но и в становлении национального исторического жанра в целом. Соединив историю и нравы, романист показал частную жизнь и судьбу как воплощение национальной истории – нравственной и социальной, с документальной точностью воссоздав эпоху Контрреформации второй половины XVII в.

Исторической предысторией романа становится Тридцатилетняя война (1618–1648) с ее религиозным противостоянием и абсолютным равнодушием монархов к скромным интересам своих подданных, и это автоматически помещает действие национальной хроники в широкий европейский исторический контекст. Прозаик ориентируется на реальные исторические вехи – Вестфальский мир 1648 г., пожар в Шкофьей Локе 1660 г. и лица – командующий войска-

² Протестантизм, распространившийся по словенским землям в первой половине XVI в. и давший словенцам письменную традицию, к концу века был полностью вытеснен католичеством. Протестанты преследовались властями.

ми габсбургского блока А. Валленштайн (1583–1634), шведский король Густав II Адольф (1611–1632), епископ Янез Франчишек Эдкер (1695–1727), житель Шкофье Локи, ювелир Юрий Фройбергер, умерший в 1666 г., и др.

“Хроника усадьбы Высокое” – роман в первую очередь социально-исторический, поскольку главное внимание автора сосредоточено на центральной фигуре словенской истории – крестьянине, а главная коллизия произведения связана с вопросом земельной собственности. Условия существования крайнского крестьянина, собственника земли, во второй половине XVII в. были весьма тяжелыми. Он был “дойной коровой” для любой местной власти, в Шкофье Локе – для епископского двора, и при этом вел неравную экономическую борьбу с немецкими переселенцами. Об этой несладкой крестьянской доле рассказывает повествователь и одновременно главный герой романа Изидор Каллан, родившийся в 1664 г. Его записки датированы 1695 г. и снабжены припиской сына Георгиуса Постумуса, из которой следует, что отец его умер 20 декабря 1710 г.

В романе две основные сюжетные линии, тесно связанные между собой: история несправедливой жизни и мученической смерти отца героя Поликарпа Каллана, военного наемника и тайного протестанта, и история взаимоотношений главного героя с семнадцатилетней красавицей Агатой Шварцкоблер. Во время тридцатилетней войны Поликарп, храбрый солдат, воюющий на стороне Габсбургов, и жестокий мародер, совершает преступление: убивает своего товарища Йошта Шварцкоблера, чтобы присвоить себе совместно награбленное. На эти деньги и куплена усадьба Высокое. Перед смертью, мучимый угрызениями совести, старый Каллан приказывает сыну порвать с выбранной им самим для Изидора невестой Маргаритой, найти в Германии дочь Йошта Агату и жениться на ней, тем самым искупив вину семьи Калланов перед семьей Шварцкоблер. Изидор находит девушку и привозит ее домой.

История жизни Изидора Каллана – это рассказ о том, как личность, испытав нравственный катарсис, способна обрести самоуважение и духовную свободу. Психология героя Тавчара сформирована эпохой – феодальным общественным устройством, социальным положением, конфессиональной принадлежностью, всем “богобоязненным духом XVII века” [6. S. 143], наконец, влиянием на него раздираемой противоречиями личности отца-протестанта. Движущей силой этой эпохи писатель видит страх, страх перед Богом, перед общественным мнением, перед самой жизнью, таящей в себе опасности, наконец, страх лишиться земли. Крестьянский быт тяжел и часто безрадостен, наследственные отношения не зависят от желаний, склонностей и талантов детей, система семейных отношений строго иерархическая. Тавчар акцентирует внимание на социальной составляющей национального характера, детерминирующей личность героя. С изменением социального статуса Изидора Каллана (*наследник – хозяин*) меняется и внутреннее состояние героя. Получив в наследство фактически два больших хозяйства и завещание отца найти Агату, он боится и ослушаться воли покойного, и лишиться всего. Духовное перерождение Изидора, повлекшее за собой обретение им внутренней свободы, происходит, по мысли писателя, в тот момент, когда герой находит в себе силы отказаться от земли и ее главенствующей роли в его судьбе и попытаться взять ее (судьбу) в свои руки. Главной причиной такого решения становится желание счастья и благополучия родным людям, т.е. героем движет христианская любовь (“Как только Агата встала после болезни, я открылся ей и Юрию: я отдаю им оба хозяйства, а сам ухожу в солдаты”). Будучи открытым противником политических действий клерикалов и

критиком позиций официальной католической церкви в Словении, Тавчар с глубоким уважением относился к христианской вере, видел в ней одну из важнейших составляющих национального самосознания, был уверен, что в богобоязненности словенского крестьянина заключено и позитивное начало. В то же время проблема религиозного фанатизма в условиях общественных противоречий и политических дебатов первых десятилетий XX в. была необычайно актуальна.

Бытовые детали, описание церковных обрядов и праздников, многочисленные цитаты из Священного писания, даже нарочитую архаичность языка с вкраплением элементов родного локского наречия – все Тавчар подчиняет раскрытию своего понимания мировоззрения человека периода Контрреформации, когда религиозная догма из нравственной жизненной опоры становилась диктатом. Художественная семантика обыденного и “археологический” элемент выступают признаками исторического колорита эпохи и природы противоречия, лежащего в основе романа, – поисков путей выхода из той логики самоуничтожения, социальной детерминированности и религиозной вражды католиков и протестантов, которая тогда в словенском обществе едва ли не перевешивала созидательные тенденции.

Во второй половине 1930-х годов на волне расцвета европейской исторической биографии (С. Цвейг, Р. Роллан, Д.С. Мережковский, А. Моруа и др.) в словенскую литературу входит историко-биографический жанр. В это время главной его темой становится судьба крупнейшего национального поэта первой половины XIX в. Франце Прешерна (1800–1849). По глубине поставленных философских вопросов, по лиризму мироощущения, по выразительности и отточенности формы его поэзия не просто сопоставима с творчеством блистательных европейских романтиков первого ряда, но даже некоторым образом превосходит их в том, что касается ее значения для самого факта существования словенской литературы, литературы народа, веками боровшегося против национальной и культурной дискриминации. Соединив высокий слог европейского романтизма и родной для него гореньский диалект, он создал лирику широчайшего диапазона: от веселого амфибрахия анакреотических стихов до таких изысканных форм мировой поэзии, как сонет и газель, реализовал себя в жанре эпической поэмы, первым начал отстаивать право на свободу творчества и одним из первых не только заговорил о необходимости создания национальной литературы, соответствующей мировым образцам, но и воплотил эти идеи в жизнь.

Даже самые общие факты биографии Прешерна свидетельствуют о силе его характера и одновременно о чрезвычайной неблагосклонности к нему судьбы. Крестьянский мальчик, родившийся среди величественных гор в самом сердце Крайны, он успел глотнуть воздух свободы наполеоновской Иллирии и ощутить вкус родного языка, писать на котором начал учиться в люблянкой гимназии под руководством и по учебнику первого словенского поэта В. Водника. Однако либеральные времена Иллирийских провинций³ быстро закончились, и доучиваться пришлось по-немецки. Продолжать образование в столицу империи молодой человек приезжает уже с вирусом национального вольнодумия в крови. В

³ В 1809–1813 гг. объединение словенских и хорватских земель, отошедших к Франции во время походов Наполеона, “иллиры” или “иллирийцы” – племя, населявшее в древности эти территории.

21 год, отказавшись вопреки родительской воле от прочимой ему сутаны, он поступает в Венский университет и заканчивает его доктором права в 1828 г. Почти двадцать лет потребовалось доктору Прешерну на то, чтобы добиться разрешения на частную адвокатскую практику. Положительный ответ неблагоприятный соискатель, чьи стихи, по мнению властей, подрывали патриотические и нравственные устои монархии, получил лишь в 1846 г., когда здоровье поэта было подорвано и жить оставалось меньше трех лет.

Начав сочинять по-немецки еще в гимназические годы, Прешерн сравнительно поздно, в 1827 г., впервые опубликовал свои стихи. К тридцати годам он становится известен на родине как ведущий автор первого альманаха романтической поэзии на словенском языке “Kranjska čbelica” (1830–1832, 1834, 1848), на страницах которого публикуются его лучшие сочинения. В тридцать четыре года его поэтическая слава из-за сражений с цензурой и издания “Венка сонетов” с посвящением-акростихом влюбленного автора люблянкой барышне Юлии Примец, которое моралисты и духовенство сочли непристойным, становится скандальной. В канун сорокашестилетия выходит в свет первый и единственный прижизненный сборник стихов зрелого мастера “Поэзии”, содержащий все лучшее, что было им написано. Два года спустя поэт будет одиноко и мучительно уходить из жизни в маленьком городке Крань. Архив “нечестивца” будет уничтожен его набожной сестрой сразу после смерти поэта по требованию церкви. Словенцам понадобится более полутора десятков лет, чтобы заново “открыть” гениального поэта: в 1866 г. с переиздания единственной книги стихов начинается его настоящий путь к словенскому читателю. В межвоенный период имя Прешерна в Словении уже прочно ассоциируется не только с литературной классикой, но и с типом национального самосознания. Вышеприведенные вехи биографии поэта и легли в основу романа Илки Ваште “Роман о Прешерне” (1938).

Скромная учительница Клотильда Франя Бургер, в замужестве Ваште (1891–1967), остается в истории словенской литературы первым автором, создавшим крупное прозаическое произведение о главном поэте нации. Образ Прешерна дан ею на основе индивидуального мировосприятия личности поэта и в контексте исторической действительности, с попыткой проследить характерные черты эпохи, его сформировавшей. Автор делает акцент на важнейших событиях европейской истории первой половины XIX в., оказавших влияние на личность героя: наполеоновские походы, провозглашение Иллирийских провинций, Люблянский конгресс 1821 г., Мартовская революция 1848 г.

Прешерн показан в романе прежде всего как представитель культурного поколения, как деятель национального возрождения 1830–1840 гг. При этом, стремясь быть объективной в части последовательного документального подтверждения творческого пути героя, автор позволяет себе использование не всегда достоверных фактов, вымысла-гипотезы, а иногда и весьма субъективную (“женскую”) интерпретацию переживаний поэта. Роман состоит из двадцати глав, в каждой показан конкретный эпизод жизненного пути героя, хронологически построенный сюжет охватывает период с 1812 по 1849 г. Вне поля зрения писательницы остается лишь самый ранний период жизни поэта.

Интуитивно исповедуя тыняновский принцип не отделять жизни героя от его творчества, а творчества – от истории его страны [7. С. 71], Ваште ищет ключ к своему герою в его поэзии, которая развивалась под знаком романтической любви. Ваште стремится показать Прешерна через романтическое мироощу-

щение его эпохи. Становление поэта происходило в условиях сложной, напряженной и увлекательной мировоззренческой и эстетической борьбы. Юная словенская словесность рождалась в азарте, в спорах, энергия которых была унаследована затем последующими поколениями литераторов. Духовная и творческая жизнь поэта полна и разнообразна, бытовая сторона представлена автором как цепь невосполнимых утрат, к которым можно отнести как утрату иллюзий, так и реальные личные потери – ранний и ничем не восполнимый уход из жизни близких друзей Матии Чопа и Андрея Смоле. Творческий дар, спасительно обеспечивающий чувство целостности личности и торжествующий над прозаической повседневностью, – таким писательница видит героя “Романа о Прешерне”.

Появление в скромной по европейским меркам литературе Словении новаторского романа, получившего международное признание, ставшего, хотя и с полувековым опозданием, бестселлером и на родине, и за границей, – факт неординарный. Таким уникальным явлением стал роман Владимира Бартола (1903–1967) “Аламут”, опубликованный в 1938 г. и переживший настоящее второе рождение в канун словенской “бархатной” революции конца 1980-х годов. Только тогда литературная критика (не говоря уже о читателях) смогла наконец по достоинству оценить труд прозаика: “Аламут” был назван предтечей не только словенского модернизма [8. S. 88], но и постмодернизма [9. S. 234].

Интеллектуальный роман Бартола, идейно и тематически на первый взгляд не связанный напрямую с национальной почвой, “выламывавшийся” из стереотипа словенской исторической прозы, опередил свое время, оказался слишком новаторским для восприятия и был весьма прохладно встречен современными читателями и критикой. Однако и при переиздании в 1988 г. он вновь был назван самым “несловенским” [10. S. 5] романом XX в. Вероятно, именно это и стало одной из причин того, что на сегодняшний день “Аламут” – один из самых известных за рубежом словенских романов, еще при жизни автора переведенный на ряд европейских языков.

Внимание прозаика привлекли события восьмисотлетней давности, последствия которых не просто повлияли на всю дальнейшую биографию человечества, но остаются актуальными и в XXI в., а именно – история зарождения терроризма, у истоков которого стоял ислам. Одним из первых в европейской литературе он обратился, с одной стороны, к столь экзотическому для европейской культуры, с другой – абсолютно вневременному, универсальному по своему философскому и этическому смыслу материалу мировой истории, ставшему благодаря общественно-политическим катаклизмам первой половины XX в. необычайно актуальным. Автор, опираясь на античные и европейские философские концепции и учения (материализм, идеализм, релятивизм, субъективизм, скептицизм), через цитаты, парафразы, аллюзии, прямой пересказ ввел в произведение обширный, можно сказать, энциклопедический философский контекст. Его средневековый иранец оперирует понятиями и категориями, сформулированными, главным образом, мыслителями последующих столетий – Декартом, Макиавелли, Ницше, Фрейдом. Центральная фигура “Аламута” – исламский мудрец и глава религиозных фанатиков ибн-Саббах воплощает в романе известную гипотезу о том, что идеи Ницше много старше его самого. Увлечшись ницшеанством и европейским нигилизмом еще в студенческие годы, Бартол в процессе работы с арабскими первоисточниками и книгами немецких востоковедов XIX в. Г. Вайля, Ф. Шпигеля и Г.Т. Флюгеля предположил, что Ницше позаим-

ствовал свою известную формулировку “Ничто не истинно, но все разрешено” из устава ассасинов (наемных убийц) Аламутской крепости, находившейся на территории империи сельджуков, к 80-м годам XI в. завоевавшим большую часть Персии.

“Аламут”, в переводе с фарси “орлиное гнездо”, – средневековая крепость, расположенная на южном побережье Каспия, где на базе шиитской секты исмаилитов на рубеже XI–XII вв. была создана первая школа профессиональных наемных убийц-смертников. Именно о ней упоминает в своей “Книге” (1298) итальянский путешественник Марко Поло. Сделавшись в 1090 г. наместником крепости Хасан-ибн-Саббах, или Сейдуна, объявил себя не только идейным лидером последователей Исмaила, но и его живым пророком на земле. Став во главе одной из двух мощнейших исламских сект, он разработал и воплотил в жизнь систему психологического манипулирования своими духовными детьми, которые, беспрекословно подчиняясь Учителю, несли смерть его врагам: за короткое время от кинжалов учеников Саббаха погибли восемь “первых лиц” империи сельджуков, в том числе три багдадских халифа и сам ее глава Мелик-шах (1055–1092). Чтобы эффективность исполнителя – ассасина – была стопроцентной, чтобы он недрогнувшей рукой совершал убийство, не опасаясь за свое дальнейшее будущее, уверенный, что за “праведный” поступок попадет в рай, ему еще в процессе подготовки к акции этот рай “показывали”. В школу вербовали молодых, физически сильных юношей из хороших семей и учили их не только искусству убивать, но и военной науке, основам философии, риторике, языкам, придворному этикету – словом, всему, что могло бы пригодиться на пути к достижению цели. Перед окончанием “курса” молодому человеку давали наркотик, после чего переносили во внутренний двор крепости, где, на основании довольно скупого описания, даваемого Кораном, были “организованы” райские кущи: били фонтаны, цвели сады, бродили диковинные звери, обитали прелестные “гурии”, которые своим искусством действовали на “избранника Аллаха” еще сильнее, чем гашиш. После этого “урока” ассасин, выполнив миссию, без колебаний шел на смерть, уверенный, что попадет в рай. Таковы исторические факты, взятые автором за основу.

Действие романа развивается через истории двух персонажей: юноши и девушки. Разными путями – он сознательно, она насильно – попадают в крепость Аламут внук одного из лидеров исмаилитского движения, казненного по приказу верховного визиря, Авани-ибн-Тагир и четырнадцатилетняя бухарская красавица Халима. Она попадает в “школу гурий”, где юных девушек со всего Ближнего Востока и из Средней Азии учат искусству не только обольщения, но и интеллектуального общения с противоположным полом, ведь именно им отведена роль “дев рая” – орудия, с помощью которого можно управлять ассасинами. Халима влюбляется в одного из них и, будучи не в силах находиться с ним в разлуке, кончает с собой. Судьба ибн-Тагира является главным сюжетобразующим компонентом романа. Юный максималист, поэт и воин, он приходит к “живому пророку”, вождю исмаилитов Хасану-ибн-Саббаху по собственной воле, чтобы с его помощью отомстить за смерть деда. Герой становится федаи – членом группы подготовки наемных убийц-смертников. Успехи в военном деле, науках, искусстве сразу же делают его лидером. Ибн-Тагир, единственный из учеников, прошедших через наркотические и чувственные наслаждения “рая”, сомневается в его истинности. Совершив удачное покушение на верховного визиря, повинного в смерти деда, т.е. по сути совершив кровную месть, а не убийство, он чу-

дом остается жив и понимает, что оказался лишь орудием в чужих руках. Вернувшись в крепость с твердым намерением убить самозванного пророка, молодой исмаилит неожиданно удостоивается его аудиенции. В этой ключевой для всего романа беседе раскрывается подлинное лицо Хасана-ибн-Саббаха, лукавого ловца человеческих душ, осуществляющего свою охоту во имя высшей и благородной цели – освобождения родины от гнета сельджуков. Пройдя через преследования властей, предательство друзей и равнодушие того самого персидского народа, за свободу которого сражался, ибн-Саббах понял, как следует жить: “Если человечество несовершенно, используй его слабости ему во благо”. Статус избранника нужно поддерживать поклонением толпы, верящей в чудеса, и Сейдуна в крепости Аламут овеществляет, делает реальностью райские сады Аллаха, обещанные простым смертным после отхода в мир иной. Для манипуляций с религиозными чувствами, для воспитания фанатиков веры он использует земные чувства и эмоции, идет на эксперимент с человеческой душой, заставляя своих “детей” подавлять естественные инстинкты: на смену чувству самосохранения приходит фанатичная радость смерти во имя дарителя наслаждений и в предвкушении неземного блаженства. Ибн-Саббах видит в Тагире своего преемника, человека, как и он сам, взошедшего на “аль араф” – стену, согласно исламу, отделяющую рай от ада. В итоге юный герой живым покидает крепость, чтобы на собственном опыте подтвердить или опровергнуть философию Сейдуны, а финал романа остается открытым: авторский замысел, до конца не реализованный, предполагал продолжение истории ибн-Тагира.

Бартол видит сходство средневековой мусульманской империи и тоталитарных режимов первой половины XX в. не только во внешней атрибутике, жестокости, отсутствии морали, но и в абсолютизации самой идеологии тоталитаризма в переломные моменты национальной истории. Целый ряд “всеобщих” вопросов преломляется автором через призму этических норм национального. Автор заставляет словенского читателя проецировать историческую ситуацию на современную и задуматься о том, какой может быть цена сохранения жизни словенской нации, единство и территориальная целостность которой находятся под угрозой.

Роман “Аламут” отличается новыми чертами искусства, привнесенными в него XX в., – вторжением в художественную культуру философских и психологических концепций, соприкосновением искусства со всей сферой гуманитарного знания. В лице его автора словенская литература получила тот особый тип писателя, для которого философские размышления и художественное творчество составляют живое единство, так что философия эстетизируется, а литература пропитывается концептуальным мышлением, и в этом плане В. Бартол достоин соседствовать с Ж.П. Сартром, Т. Манном, Г. Гессе. “Аламут” – первый словенский интеллектуальный роман, синтезирующий черты романа исторического, философского, психологического, приключенческого, “открытая” форма романа-метафоры, в чем-то, быть может, предвосхитившая тип прозы У. Эко.

Из вышеприведенных фактов очевидно, что исторический роман межвоенного периода, органично продолжая сложившуюся жанровую традицию, переживает в эти десятилетия пик своего расцвета. Впервые заявляют о себе такие его новые жанровые модификации, как социально-исторический роман-хроника, историческая художественная биография, апеллирующий к мировой истории историко-философский интеллектуальный роман. Национальная история в

них все глубже осмыслиется как источник конкретного социального и духовного опыта, и в то же время прозаики акцентируют свое внимание на всеобщем, на том, что вопреки временным границам сближает людей разных эпох. За подробностями исторического быта они видят “абсолютное бытие”, ищут в прошлом общечеловеческое, универсальное начало. Этот процесс накопления и трансформации феномена “исторического” как эстетического аналога социокультурного продолжит свое развитие в литературе второй половины XX в. И здесь генезис исторического жанра вновь будет связан с освоением литературой национально-исторического своеобразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лотман Ю.М. А.С. Пушкин. Биография писателя.* СПб., 1997.
2. *Hladnik M. Slovenski zgodovinski roman danes // 35 Seminar slovenskega jezika, literature in kulture.* Ljubljana, 1999.
3. *Slovenska kronika XX stoletja. 1900–1941.* Ljubljana, 1997.
4. *История Югославии.* М., 1963. Т. 2.
5. *Будагова Л.Н. Литература межвоенного двадцатилетия (1920–1930-е гг.). Введение // История литератур западных и южных славян.* М., 2001.
6. *Paternu B. Ivan Tavčar // Slovenska proza do moderne.* Koper, 1957.
7. *Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи.* М., 1966.
8. *Kos J. Na poti v postmoderno.* Ljubljana, 1995.
9. *Juvan M. Alamut – enciklopedični roman // Vezi besedila.* Ljubljana, 2000.
10. *Paternu B. Bartolov roman Alamut // Delo.* 14 XII 1989.

© 2006 г. А. В. СЕМЕНОВА

К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ (на материале фразеологии кочевских и кашубских говоров польского языка)

Изучение когнитивного и лингвокультурологического аспектов языка получило широкое распространение в трудах специалистов разных стран (Е. Бартминьского [1], А. Вежбицкой [2], И.М. Кобозевой [3], Д. Лакоффа [4], В.М. Мокиенко [5], А. Пайдзиньской [6], Г. Поповской-Таборской [7], В.Н. Телия [8], Р. Токарского [9], Е. Тредера [10] и др.). Многие из них используют фразеологию как основной или дополнительный источник материала в своих исследованиях. В научной литературе часто подчеркивается тот факт, что фразеологические единицы (ФЕ) включают в себе целые ситуации в свернутом виде, отражают культурные стереотипы носителей языка (см., например, [8]).

“Расшифровка” информации о языковой картине мира того или иного народа привлекает лингвистов, интересующихся лингвострановедением и культурологией в синхронном и историческом аспектах. Со времен В. Гумбольдта языковая картина мира под различными “именами” исследовалась европейскими лингвистами. В последние десятилетия лингвокультурология постепенно становится отдельной наукой, опирающейся на методы собственно языкознания, культурологии, социологии и смежных дисциплин [11]. По определению В.Н. Телия, “лингвокультурология – это та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии” [8. С. 217]. В Польше под руководством Е. Бартминьского ведется активная работа над словарем стереотипов и символов польской народной культуры [12]. После 1990 г. выходили и другие коллективные работы, посвященные проблематике языковой картины мира [13]. В 1998 г. в Москве состоялся международный симпозиум “Фразеология в контексте культуры”, материалы которого были опубликованы в следующем году [14].

За последние 50–60 лет создано множество фразеологических словарей для разных языков (ср. фундаментальный словарь Ст. Скорупки для польского языка [15], словари В.П. Жукова [16], Р.И. Яранцева [17] и др.). Готовится к печати “Толково-культурологический словарь фразеологизмов современного русского языка” В.Н. Телия. Среди нескольких видов фразеологических словарей, существующих на данном этапе развития фразеологии как филологической дисциплины

лины, можно назвать, во-первых, алфавитные словари, во-вторых, словари, содержащие фразеологические единицы какого-либо структурно-семантического типа (к примеру, словари устойчивых сравнений [18]), в-третьих, идеографические, или тематические, словари [19; 17].

В идеографических словарях фразеологические единицы представлены в форме логико-семантических классов и групп, что отвечает потребностям исследования фразеологии в семасиологическом и ономасиологическом аспектах. Из идеографического словаря можно почерпнуть фразеологический материал, описывающий ситуации, связанные с определенными сторонами человеческого бытия; установить коннотации лексем, входящих в эти устойчивые выражения.

Хотя на данный момент существует достаточно большое количество идеографических фразеологических словарей, построение более или менее стандартной модели такого словаря является делом будущего. Среди основных сложностей, возникающих на пути создания идеографического фразеологического словаря, можно назвать: 1) проблему ограничения материала в плане выбора типов единиц, входящих в словарь; 2) неизбежный субъективизм в распределении материала по логико-семантическим группам и выделении того или иного количества групп, заключающийся в возможности отнесения одной и той же фразеологической единицы к разным выделенным классам; 3) наличие не вписывающихся в рамки тех или иных групп фразеологизмов с “индивидуальным” значением; 4) наличие омонимии, полисемии и других явлений, подобных лексическим, которые должны получить отражение в словаре (об этом см.: [20. С. 324–331]).

Нами ведется работа по составлению идеографического словаря кашубской и кочевской фразеологии на материале, эксцерпированном из лингвокультурологических словарей Б. Сыхты [21; 22]. В этих уникальных лексикографических произведениях содержится огромное количество самых разнообразных языковых единиц, в толковании которых заключены сведения о нравах, обычаях и фольклоре данных этнических групп. Однако в словарях Б. Сыхты не всегда даются четкие толкования фразеологизмов, иногда они вовсе не толкуются, в подавляющем большинстве случаев не указывается их стилистическая характеристика. Все эти недостатки словарей Б. Сыхты также осложняют нашу работу.

Кашубский словарь Б. Сыхты состоит из семи томов, кочевский – из трех. По разным оценкам, в словаре кашубских говоров имеется от 4 до 8 тысяч фразеологизмов. В словаре кочевских говоров, по нашим подсчетам, не более 500 фразеологических единиц. Количественное сопоставление фразеологического материала, содержащегося в составленных нами кашубском и кочевском идеографических словарях фразеологии, не может дать точного представления о пропорциональном содержании фразеологических единиц с тем или иным значением в обеих группах говоров, поскольку несопоставим объем словарей. При этом многие “обороты”, как их называет сам автор словаря, Б. Сыхта, являются составными терминами, образованными на основе метафоры и не являющимися фразеологизмами *sensu stricto*. Например, в кочевских говорах это: *Babki na jarmarku* – тетки/бабы на базаре – ‘созвездие Плеяды’; *Gaśa kość* – гусиная кость – ‘луговой хвощ’; *Pańske gardło* – панское горло – ‘трахея’; *Studńa z góśoram* – колодец с гусем – ‘багор для вычерпывания воды из колодца’; *Baba p’ijana* – пьяная баба – ‘свадебный танец, который исполнялся невестой с человеком, переодетым в медведя’; *Goła noga* (устар.) – босая (голая) нога – ‘скромное угощение рядом с постелью роженицы, которое имеет место перед креще-

нием ребенка; ранее на него приглашались соседи'; *Borova Baba / Čotka* – Боровая Баба / Тетка – 'разновидность нечистой силы'. Необходимо заметить, что некоторые исследователи, в частности польский лингвист В. Хлебда [23. S. 327–334], считают, что понятие фразеологии должно быть шире и включать также сложные термины, формулы речевого этикета, метатекстовые выражения и др. Мы же при составлении словаря будем придерживаться “умеренного” взгляда на фразеологию: в собственно идеографический фразеологический словарь поместим только фразеологические обороты *sensu stricto*, однако составные термины для кочевских говоров приведем в приложении, а такие не метафорические и не фразеологические выражения терминологического характера, как *Šekera češelska* – топор плотника – 'инструмент для выдалбливания дерева', рассматривать не будем.

Классификация разрабатываемого словаря в основном базируется на схеме, предложенной С. Влаховым в русско-болгарском учебном идеографическом фразеологическом словаре. В нашей схеме с классификацией С. Влахова совпадают *основные, наиболее крупные* разделы: I. Вселенная, природа; II. Количественно-временная, пространственная, качественная характеристика субъекта, объекта и действия; III. Человек как биологическое существо; IV. Человек в семье и в быту; V. Внутренний мир человека; VI. Общество. Человек и общество. В результате анализа кашубской и кочевской фразеологии выяснилось, что предложенное С. Влаховым разбиение по *основным* группам можно считать достаточным. При распределении нашего материала по более мелким группам наблюдаются значительные отличия как от групп, выделенных С. Влаховым для русского и болгарского языков, так и в кашубском и кочевском словарях между собой. Наблюдается разная степень репрезентативности групп с тем или иным значением, отчасти обусловленная несовпадением объемов словарей – источников фразеологического материала. Подобные различия могут быть выявлены только при сопоставительном исследовании, что, в конечном итоге, служит изучению различных вариантов языковой картины мира.

В предлагаемую нами модель идеографического словаря фразеологии входит сопоставительный аспект исследования фрагментов кашубской и кочевской языковой картины мира. В словарной статье дается фразеологизм, его буквальное значение, толкование или фразеологическое соответствие в русском языке. Далее следует структурная схема фразеологической единицы. При наличии у нее омонимов в конце словарной статьи дается указание на раздел и группу, в которой находится данный омоним. В настоящей работе толкование омонимов приводится в конце соответствующих статей.

Ниже представлен один раздел кочевского идеографического фразеологического словаря (III. Человек как биологическое существо), после которого приводятся составные термины, семантически примыкающие к этому разделу, но не входящие в структуру самого словаря. Далее проводится сопоставительный анализ состава группы фразеологизмов с общим значением “нездоровье”, входящей в названный раздел словаря, с соответствующей группой кашубских фразеологических единиц. Затем рассматривается лексический состав этой же группы кочевских фразеологизмов, анализируется функционирование входящих в них лексем. Таким образом, лексический состав фразеологизмов рассматривается в семасиологическом и ономасиологическом аспектах.

I. Фрагмент кочевского идеографического фразеологического словаря.

В рассматриваемом разделе в кочевских говорах представлены следующие группы значений:

1. Наружность человека

1. лицо

Bestra kuropatva – пестрая куропатка – ‘о веснушчатой девушке’. Adj + N¹.

Drop’ati jakbi djabli na ji gamb’e grox drašova ti – покрытый оспинами, как будто черти на его лице горох молотили – ‘о лице, покрытом неровностями, шрамами от угрей и т. п.’. (V_{cop}) + Adj + Conj jakbi + N_{Nom pl} + Prp na + Pron_{poss Gen} + N_{Loc sg} + N_{Acc sg} + V_{f 3pl}².

Gładki jak płacek – гладкий как блинчик – ‘о слабой растительности на лице мужчины’. (V_{cop}) + Adj + Conj jak + N_{Nom sg}.

Mńec łeb jak balija a uši jak taleře – иметь голову как корыто, а уши как тарелки – Б. Сыхта не дает объяснений, но по всей видимости, речь идет о гиперболизированном описании внешности человека с большой головой и большими / оттопыренными ушами.

V + N_{Nom sg} + Conj jak + N_{Nom sg} + Conj a + N_{Nom pl} + Conj jak + N_{Nom pl}.

Mńec ślep’a jak čarovńica – иметь глаза как у волшебницы / ведьмы – ‘иметь красные глаза, круги под глазами’. V + N_{Acc pl} + Conj jak + N_{Nom sg}.

Nošić metrika na gamb’e – носить метрику на лице – ‘быть похожим на кого-то из родителей’. V + N_{Acc sg} + Prp na + N_{Loc sg}.

Rib’a tvař – рыбе лицо – ‘лицо без выражения’. Adj + N. В данной фразеологической единице присутствует оттенок значения “эмоции”, поэтому она одновременно относится к разделу V. Внутренний мир человека.

Rib’e oči – рыбы глаза – 1) ‘глаза без выражения’; 2) ‘покрасневшие глаза’. Adj + N_{pl}. В обоих значениях данная фразеологическая единица относится к характеристике наружности человека, однако в первом случае присутствует оттенок значения “эмоции”, т.е. эта ФЕ также имеет отношение к разделу V. Внутренний мир человека.

2. характеристика фигуры

Co ta ma za ov’ešóna dupa – что у этой за обвислый зад – ‘о женщине с короткими ногами’. Pron_{quest} + Pron_{indic} + V + Prep za + Adj + N_{Acc sg}.

¹ В структурных схемах фразеологизмов мы пользуемся общепринятыми обозначениями частей речи, падежей и других морфологических характеристик: N, Adj, V, Adv, Numer, Pron, Prp, Conj, Part соответственно для существительного, прилагательного, глагола, наречия, числительного, местоимения, предлога, союза и частицы; sg, pl, f, inf, refl, indef, indic, pers, poss, quest для ед. и мн. числа, личной формы глагола, инфинитива, возвратного глагола, неопределенных, указательных, личных, притяжательных, вопросительных местоимений; cop для глагола-связки, impers – для безличного глагола; subst – для субстантивированного местоимения или прилагательного; 1 и 3 для 1 и 3 лица; restř – для частицы с ограничительным значением и intens – с усилительным значением; обозначения Nom, Gen, Dat, Acc, Instr, Loc для им., р., д., в., тв., п.п. В тех случаях, когда существительное в составе фразеологизма может в предложении иметь форму любого падежа, в схеме дается обозначение N без уточнения. Число (sg и pl) для всех частей речи указывается только в том случае, если в данной фразеологической единице невозможна замена единственного числа множественным или наоборот.

² В тех случаях, когда во фразеологизме глагол может быть представлен только в личной форме, дается обозначение V_f, когда глагол может иметь только форму инфинитива – V_{inf}. Когда в примере глагол стоит в инфинитиве как в исходной форме, но в конкретных реализациях может выступать и в личной форме, в структурной схеме он обозначается как V. Если глагол в ФЕ употребляется в прошедшем или будущем времени, он сопровождается обозначениями pret и fut соответственно. Личные формы глаголов в настоящем времени специальной пометой не сопровождаются. В тех случаях, когда в ФЕ имеется нулевая связка, дается обозначение в скобках: (V_{cop}).

Mńeć mandolina na plecax – иметь мандолину на спине – ‘быть горбатым’. V + N_{Acc sg} + Prp na + N_{Loc pl}.

Nogi jak batogi, rance jak obrance – ноги как палки, руки как обручи – по-видимому, о худых ногах и кривых руках, т.е. о ‘нескладной фигуре’. N_{Nom pl} + (V_{cop}) + Conj jak + N_{Nom pl}.

Ta ma proste nogi jak aglije – у этой ноги прямые, как лиственница – ‘о женщине с прямыми ногами’. Pron_{pers} + V + Adj + N_{Acc pl} + Conj jak + N_{Nom pl}.

3. “худоба – полнота”

Xudi jak dřazga – худой как ветка, розга – ‘об очень худом человеке’. Adj + Conj jak + N_{Nom sg}.

Królova gřmotu – королева грома – ‘полная женщина’. N + N_{Gen}.

Ma p’erši jak boćón tišina – у кого-л. грудь, как у аиста голова / лоб – ‘о худом человеке / о женщине с маленьким бюстом’. V + N_{Acc pl} + Conj jak + N_{Nom sg} + N_{Acc sg}.

Mńeć nogi jak kijaški – иметь ноги как палочки – ‘иметь тонкие ноги’. V + N_{Acc pl} + Conj jak + N_{Nom pl}. Также относится к разделу II. Количественно-временная... характеристика... – группа “качественная характеристика...”.

Po ním jano gajdi osteli – после / от него только ноги (?) остались – ‘о худом человеке’. Prp po + Pron_{pers} + Part_{restr} + N_{Nom pl} + V_{f pret 3pl}.

Tan χuz’era tak viglónda jakbi z grobu vstat – этот худой человек так выглядит, будто бы он встал из гроба – ‘о худом человеке’. Pron_{demonstr} + N_{Nom} + Adv + V_f + Conj jakbi + Prp z + N_{Gen} + V_{pret 3sg}.

Vćógnōć rampek – втянуть пупок – ‘похудеть’. V + N_{Acc}. Имеется фразеологизм-омоним со значением ‘проснуться’, см. ниже в разделе III. 2. 1).

Zńego jano zosteli skř ipki – от него осталась только скрипка – по всей видимости, так говорят о худом человеке, но Сыхта приводит данную фразеологическую единицу без какого-либо пояснения. Prp z + Pron_{pers} + Part_{restr} + V_{pret 3pl} + N_{Nom pl}.

Tan ma dupa jak źarno kawu – у этого зад как кофейное зерно – ‘о худом мужчине’. Pron_{demontr} + V + N_{Acc sg} + Conj jak + N_{Nom sg} + N_{Gen sg}.

4. другие характеристики внешности

Drevńana duša – деревянная душа – ‘о старом, исхудавшем человеке’. Adj + N. Значение этого фразеологизма пересекается с группой “возраст” настоящего раздела словаря.

Flóndra rozvleķta – камбала расплющенная – ‘женщина, которая не следит за своей внешностью’. N + Adj.

Ogńove p’oro – огненное перо – ‘корочка на темени ребенка’. Adj + N. Данный пример близок к составным терминам, называет физиологическое явление.

Opalić śa jak flisak – загореть как плотогон – ‘о сильном загаре’. V_{refl} + Conj jak + N.

Opalóni jak gv’izd – загорелый как “свист” (по-видимому, словом “gv’izd” назывался один из персонажей традиционного театра масок) – Б. Сыхта комментирует данный фразеологизм следующим образом: это “аллюзия на маски, которые надевали некоторые участники представлений”. Adj + Conj jak + N_{Nom}.

Přineść sob’e na s’vat ogań – принести себе (с собой) на свет огонь – ‘родиться с красным шрамом на теле’. V + Pron_{refl Dat} + Prp na + N_{Acc sg} + N_{Acc sg}.

Viglónda jak dupa v noci – кто-либо выглядит как зад ночью – ‘о лысом’. V + Conj jak + N_{Nom sg} + Prp v + N_{Loc sg}.

2. Жизнедеятельность.

1) сон – отсутствие сна

Jisc pod gajora – идти под гуся – ‘ложиться спать’. V + Prp pod + N_{Acc sg}.

Słóma ščer'ac – солому щипать – ‘спать’. N_{Acc} + V.

Včõgnõc ramprek – втянуть пупок – ‘проснуться’. V + N_{Acc}. Ср. также омоним со значением “похудеть” в данном разделе.

2) голод, прием пищи, злоупотребление едой

Nažreć ša v štéri tétki – нажраться в четыре зада – ‘много съесть’. V_{refl} + Prp v + Numer + N_{Acc}. Возможно также отнесение ко II разделу – Количественно-временная... характеристика..., так как здесь количественная сема выходит на первый план.

Tob'e ša už v'era žołóndek zviija – у тебя уже, наверное, желудок свивается – ‘ты, наверное, голоден’. Pron_{pers Dat} + Adv + N_{Nom sg} + V_{refl 3sg}.

Vřucać jak v stodoła – забрасывать как в хлев – ‘есть с большим аппетитом’. V + Conj jak + Prp v + N_{Acc sg}.

3) характеристика состояния человека, субъективные ощущения

Nałarac skřeblón – наловить слез – ‘замерзнуть’ (обычно этот фразеологизм употребляется, как отмечает Б. Сыхта, по отношению к замерзшим рукам). V + N_{Gen.pl}.

Sérce ša urv'e – сердце оборвется – у Б. Сыхты дано без объяснения, но приводится пример, когда сердце может “оборваться”, а именно: если человек “надорвется”, работая в жару. N_{Nom} + V_{refl}.

Zmarzłom jak knumel – (я) замерз как бревно (knumel – “кусочек дерева”, возможно, не бревно, а колода или что-то подобное) – ‘о сильно замерзшем’. V + Conj jak + N_{Nom}.

4) другие физиологические отправления

Jaħac z gnojat – ехать с навозом – ‘идти в туалет’. V + Prp z + N_{Instr sg}.

3. Мимика, телодвижения, передвижения в пространстве

1) положение корпуса, телодвижения

Djabła woźić – черта возить – ‘класть ногу на ногу’. N_{Acc sg} + V.

Mńeć gnati v břiħu – иметь кости в животе – ‘не сгибаться во время работы’. V + N_{Acc pl} + Prp v + N_{Loc sg}.

Povaléc ša jak bas – повалиться как контрабас – ср. рус. “лежать колодой; упасть как подкошенный”. V_{refl} + Conj jak + N_{Nom sg}.

2) ходьба и бег, особенности телодвижений при ходьбе, столкновение с препятствием

а) характеристика движения:

Kotuś dupa ħoź'i – у кого-то зад ходит – ‘при ходьбе кто-то слишком сильно двигает бедрами и ягодицами’. Pron_{indef Dat} + N_{Nom sg} + V_f.

Mńeć pajanče nogi – иметь паучьи ноги – ‘о походе пьяного’. V + Adj + N_{Acc pl}.

Obala ša bez svoje golańe – кто-либо спотыкается о свои ноги (голени), у кого-то заплетаются ноги – ‘о пьяном человеке’. V_{refl} + Prp bez + Pron_{poss} + N_{Acc pl}.

Vić aǧnilša jak béł długi – вытянулся во всю длину – ‘об упавшем’. V_{refl} + Conj jak + V_{cop} + Adj.

Žida obuźić – еврея разбудить – ‘споткнуться о камень’. N_{Acc sg} + V.

б) место назначения:

Ćaǧńe drót kolana vpřód – проволока тянет колени вперед – ‘о человеке, который возвращается домой’. V_f + N_{Nom sg} + N_{Acc pl} + Adv.

3) физическое взаимодействие

Jísť na duža grómada – идти на большую “громаду” (это слово в кочевском диалекте имеет прямое значение “звон всех колоколов в костеле, возвещающий всеобщее собрание, или само собрание”) – ‘удовлетворять половое влечение’. V + Prp na + Adj + N_{Acc sg}. Б. Сыхта указывает, что данная ФЕ применима к людям и животным, следовательно, эта ФЕ имеет отношение также и к разделу I. Вселенная, природа.

Mn’e ša zísaj smn’ěto, že to moje z tvojim v pospole béto – мне сегодня снилось, что мое с твоим вместе было – ‘о сне эротического содержания’. Pron_{pers Dat} + Adv + V_{refl impers} + Conj že + Pron_{poss subst} + Prep z + Pron_{poss subst instr} + Prp v + N_{Loc} + V_{cop}.

Za glamboko podglónďac kob’ěće zallpod firanki – слишком глубоко заглядывать женщине за занавески – ‘coire’. Adv_{intens} + Adv + V_f + N_{Dat} + Prp za / pod + N_{Acc pl}.

Zabrać ša do skóřanej torby – забраться в кожаный мешок – ‘иметь половую связь с женщиной’. V_{refl} + Prp do + Adj + N_{Gen sg}.

3. Здоровье

1) характеристика отдельных недугов и недомоганий

Voćóni karmnić – кормить аистов – ‘кого-то тошнит’. N_{Acc pl} + V.

Koća dupa – кошачий зад – ‘диарея’. Adj + N.

Kosa mńe pobodła – коса меня боднула / уколола – ‘о боли в пояснице во время покоса’. N_{Nom} + Pron_{pers Acc} + V_{f pret}.

Kuřa dupa – куриный зад – ‘бородавка’. Adj + N; также приводится в значении “отпечаток, оттиск, след” – в этом значении непонятно, к какой группе отнести ФЕ.

Kuře oči – куриные глаза – ‘слабое зрение’. Adj + N.

Mńeć bulevka v gardeťku – иметь земляную грушу / клубень / желвак в горле – ‘охрипнуть’. V + N_{Acc sg} + Prp v + N_{Loc sg}.

Mńeć křivŭ oče – иметь кривые глаза – ‘быть косоглазым’. V + Adj + N_{Acc pl}. (Данное выражение имеет семантику “характеристика внешности”, таким образом, оно относится одновременно к двум группам настоящего раздела словаря).

Mńeć lixi zamek – иметь плохой замок – ‘о недержании мочи’. V + Adj + N_{Acc sg}.

Motilice mńe mančb – “мотылицы” меня мучают – ‘кашель меня мучает’ (слово motilice встречается только в этом фразеологизме; предположительно, эта лексема связана либо с корнем motil- ‘бабочка, мотылек’, либо с корнем mot- ‘мотаться, вращаться и т.п.’). N_{Nom} + Pron_{pers Acc} + V_{f 3pl}.

Začmótać ša v głov’e – потемнеть или перевернуться (?) в голове (см. предыдущий пример) – ‘о головокружении’. V_{refl} + Prp v + N_{Loc sg}.

4. Появление человека на свет, мать и ребенок

1) беременность

Bić po ob’ež’e – пообедать – ‘быть беременной’. V_{cop} + Prp po + N_{Loc sg}.

Bić v kažkim stańe – быть в тяжелом состоянии – ‘быть беременной’. V_{cop} + Prp v + Adj + N_{Loc sg}.

Bić v jinšim stańe – быть в ином положении / состоянии – ‘быть беременной’. V_{cop} + Prp v + Adj + N_{Loc sg}.

Bić / choźić v naź’eji / v naź’ejności – быть / ходить в надежде – ‘быть беременной’. V_{cop} / V + Prp v + N_{Loc sg}.

Choźić z balónam – ходить с воздушным шаром – ‘быть беременной’. V + Prp z + N_{Instr sg}. Б. Сыхта отмечает, что эта ФЕ употребляется без негативного оттенка; также вариант:

Mńéc balóna – иметь воздушный шар – ‘быть беременной’. V + N_{Gen sg}.

Xorovać na młode gnati – болеть молодыми костями – ‘быть беременной’. V + P_{Гр} na + Adj + N_{Acc pl}.

Dostała pŕev'ėvu – (ее) продуло, она простудилась – ‘о женщине, которая забеременела’. (Pron_{pers Nom}/N_{Nom})³ + V_{pret} + N_{Gen sg}.

Mńéc bŕux jak cepelin – иметь живот как “цепелин”⁴ – ‘быть беременной’. V + N_{Acc sg} + Conj jak + N_{Nom sg}.

Mńéc vŕód na dup'e – иметь язву на задѹ – ‘быть беременной (злбно)’. V + N_{Acc sg} + P_{Гр} na + N_{Loc sg}.

ńe bić sama – быть не одной – ‘быть беременной’. Part_{neg} + V_{cop} + Adj.

Ona je / ɣoʒ'i podmuɣana – она ходит надутая воздухом – ‘о беременной’. [Pron_{pers Nom}/N_{Nom}] + V_{Cop}/V_f + Adj.

Ona tak łaži – она так ходит – ‘о беременной женщине’. Pron_{pers} + Adv + V_f.

Podbić oko – подбить глаз – ‘сделать беременной’. V + N_{Acc sg}.

5. Смерть человека

1) приближаться к смерти

Kostuɣa juŕ tera lėzė za mnó – “костуха”, или “костлявая” уже за мной идет – ‘о приближении, предчувствии смерти’. N_{Nom} + Adv juŕ + Adv + V_f + P_{Гр} za + Pron_{pers Instr}/N_{Instr}.

ɣoʒ'ić v ostatniɣ bótaɣ – ходить в последних сапогах – ‘приближаться к смерти’. V + P_{Гр} v + Adj + N_{Loc pl}.

Tan ɣuzak pevno řa juŕ kukavki né doćeka – этот бедняга, наверное, уже кукушки не дождется – ‘о ком-то, кто может скоро умереть’. Pron_{demonstr} + N + Adv + Adv juŕ + N_{Gen} + Part_{neg} + V_{refl fut}.

To je jego ostatna goŕ'ina – это его последний час – ‘кто-л. приближается к смерти’. Pron_{demonstr} + V_{cop} + Pron_{poss} + Adj + N_{Nom sg}.

Z nim banŕ'e vnet aman – с ним скоро будет “аминь”, т.е. ему скоро конец – ‘о близкой смерти’. P_{Гр} z + Pron_{pers Instr} + V_{Cop} + Adv + N_{Nom sg}.

2) умереть

Kopńóć v kalandaŕ – ударить ногой в календарь, пнуть календарь – ‘умереть’. V + P_{Гр} v + N_{Acc sg}.

ńe ɣať ɣleba jeść i umar – кто-то не хотел есть хлеба и умер – ‘говорят об умершем’. Part_{neg} + V_{f pret} + N_{Gen} + V_{inf} + Conj i + V_{f pret}.

řmirńóć ɣiřka – швырнуть (?) ложку – ‘умереть’. V + N_{Acc sg}.

Usɣńóć... ostać v rance – усохнуть ... остаться (у кого-то) в руке – ‘умереть’. V + P_{Гр} v + N_{Loc sg}.

Zadřec broda – задрать бороду – ‘умереть’. V + N_{Acc}.

Zaćisnynć dupa – стиснуть зад – ‘умереть’. V + N_{Acc}.

Вышеперечисленными фразеологизмами исчерпывается класс кочевских фразеологизмов, характеризующих человека как биологическое существо, которые содержатся в словаре Б. Сыхты. Перечисленные ниже, по-видимому, ча-

³ В этом фразеологизме отсутствует эксплицитно названный субъект, поэтому данный член схемы приводится в скобках.

⁴ Возможно, слово “цепелин” означает в кочевском диалекте, как и в литовском языке, кушанье типа пельменя, наполненное картофелем.

стотные выражения из области характеристики человека с биологической точки зрения, мы относим к сложным *терминологическим выражениям*.

Название органа: pańske gardło – панское горло – ‘трахея, дыхательное горло’; *названия отдельных болезней, состояние здоровья: ěervóna b’egunka* – красный понос – кровавый понос; *koža krev* – козья кровь – препараты железа, применяемые при малокровии; *róžove suχoti* – розовая чахотка (буквально “сухоты”) – ‘скоротечная чахотка’;

части тела, внешность: zajanča gamba – заячья губа – то же в русском языке.

Анализ представленного выше материала позволяет выявить зоны значений, наиболее репрезентативные для кочевской фразеологии. В данном разделе это прежде всего “беременность”, “смерть и ее приближение”, “характер перемещения человека”, “характеристика внешности”. Мы также видим, что граница между фразеологизмом и не фразеологизмом подвижна, и среди примеров из настоящего раздела словаря встречаются явления, которые трудно однозначно отнести к фразеологическим выражениям или составным терминам. Например, *Pańske gardło* ‘трахея’, по-видимому, следует отнести к разряду терминологических выражений, однако по структуре оно идентично фразеологизму *Koća dūra* ‘диарея’. В выражении *Ogn’ove p’uro* ‘корочка на темени у ребенка’, по-видимому, содержится такая же языковая метафора (“как бы слегка прикоснулся огонь”). Наше стремление не исключать метафорические выражения из рассмотрения, а использовать их как дополнение к основному корпусу примеров, объясняется прежде всего невозможностью провести черту “водораздела” между терминами и не-терминами.

II. Сопоставительный анализ группы фразеологизмов со значением “нездоровье” в кашубском и кочевском диалектах.

В работах, посвященных исследованию языковой картины мира, представлены два подхода: ономаσιологический и семасиологический. Мы считаем, что совмещение обоих подходов позволяет “расшифровать” взгляд носителей языка на окружающий мир и свое место в нем. В связи с этим в настоящей статье мы представим пример сопоставительного анализа фрагментов кашубской и кочевской языковой картины мира с применением обоих подходов. Для этого мы сопоставим семантическую группу “нездоровье” из раздела III. (Человек как биологическое существо) в кашубском и кочевском идеографических фразеологических словарях, а также проанализируем способы выражения тех или иных значений в пределах этой группы, определим лексические доминанты, так называемые опорные слова, так как исследование лексем в составе фразеологизмов позволяет определить некоторые их коннотации и, в конечном итоге, помогает в изучении языковой картины мира носителей языка.

В кашубском фразеологическом идеографическом словаре имеется несколько фразеологических единиц, характеризующих *состояние здоровья в целом* как хорошее или плохое. В кочевском идеографическом словаре фразеологии есть только одно выражение с этим обобщенным значением *Koćè zdrov’e* ‘кошачье здоровье’. Эта же фразеологическая единица представлена в кашубской части словаря и является единственной для обоих диалектов, характеризующей здоровье как “отличное”. Остальные кашубские фразеологизмы в данной подгруппе характеризуют здоровье в целом как “плохое”. В кашубской фразеологии болезнь тесно связана со слабостью, в том числе с ее внешними проявлениями. Кашубские фразеологические выражения представляют несколько групп значений, отсутствующих в кочевском словаре Б. Сыхты. Однако и в кочевском

словаре фразеологизмы представляют некоторые значения, не встречающиеся в кашубской фразеологии. Семантические группы, общие для обоих диалектов, таковы: заболевания кожи, пищеварение, боли в спине, заболевания органов дыхания, потеря сознания. Из этих групп, судя по нашему материалу, наибольшей репрезентативностью обладают фразеологизмы, связанные с пищеварением и заболеваниями носоглотки. Приведем эти устойчивые выражения в виде таблицы:

Таблица

Значение	Кашубские фразеологизмы	Кочевские фразеологизмы
Хорошее здоровье	<i>Kocē zdrow'e</i> – кошачье здоровье – ‘железное здоровье’	<i>Koćē zdrow'e</i> – кошачье здоровье – ‘железное здоровье’
Слабое здоровье	<i>Ledv'e buksē un'ese</i> – едва поднимет штаны – ‘очень слабый из-за болезни’; <i>m'ec rące ze słomē</i> – иметь соломенные руки – ‘быть слабым’; <i>un'esc tēlē, co vrona na ogon'e</i> – унести/поднять столько, сколько ворона на хвосте – ‘быть слабым’; <i>vzerac do Abrama</i> – смотреть на Авраама – ‘быть тяжело больным’	
Головная боль	<i>V głov'e klep'e</i> – в голове стучит	
Зубная боль	<i>M'ec dług'i zōb</i> – иметь длинный зуб – ‘о больном зубе’	
Заболевание кожи	<i>Vějesc Žēdovi skvark'i z pateln'ivějesc ksażu... matce... Žēdovi slēvē</i> – съесть у еврея шкварки со сковороды/съесть у ксендза, у матери, у еврея сливы – ‘о сыпи на лице’	<i>Kuřa dupa</i> – куриный зад – ‘бородавка’
бесплодие	<i>N'eurozajna kłon'ica</i> – неурожайная колода, пень – ‘бесплодная женщина’	
выкидыш	<i>Jic za keř</i> – идти за куст – ‘потерять ребенка’	
недержание мочи		<i>Mhéc lixi zamek</i> – иметь плохой замок
заражение крови		<i>Ogań p'ěk'elny</i> – адский огонь – ‘сепсис’
зрение		<i>Kuře oči/Kuři patř</i> – куриные глаза/куриное зрение – ‘слабое зрение’
пищеварение	<i>Боли в желудке:</i> <i>ležec na polēci</i> – лежать на желудке, букв. на полке; <i>m'ec mēš na żołōdku</i> – иметь мышь в желудке; <i>m'ec na drābce/na hoku</i> – иметь на стремянке, на крючке; <i>m'ec... ostac na sēm'en'i</i> – иметь/оставить на совести;	<i>Рвота:</i> <i>boćóni karmnić</i> – кормить аистов – ‘кого-то тошнит’. <i>Несварение желудка:</i> <i>červona b'egunka</i> – красный понос – ‘кровавый понос’; <i>koća dupa</i> – кошачий зад – ‘диарея’

Значение	Кашубские фразеологизмы	Кочевские фразеологизмы
боли в спине	<i>na sōčku zavisnōc</i> – на сучке зависнуть. <i>Несварение желудка:</i> <i>buksē v garscē třēmac</i> – держать штаны в горсти; <i>kogos vzało/přeb'itko na m'itko</i> – кого-л. взяло/пробило на мягко	<i>Kosa mñe pobodła</i> – коса меня боднула/уколола – ‘о боли в пояснице после кошения’
заболевания органов дыхания	<i>M'ec mēš v gardle</i> – иметь мышь в горле – ‘охрипнуть’; <i>šiška vlazła komus v gardło</i> – шишка влезла к-л. в горло – ‘у кого-л. ангина’	<i>Mñec bulevka v gardelku</i> – иметь земляную грушу/клубень/желвак в горле – ‘охрипнуть’; <i>motilice mñe mańćó</i> – “мотылицы” меня мучают – ‘кашель меня мучает’; <i>róžove suxoti</i> – розовая чахотка (буквально “сухоты”) – ‘скоротечная чахотка’
потеря сознания	<i>Bęc od se</i> – быть от себя – ‘потерять сознание’; <i>obrócęc oče v stłup</i> – обратить взгляд (глаза) в столб – ‘закатить глаза, потеряв сознание’	<i>Zacmótać śa v gł'ov'e</i> – потемнеть (?) в голове – ‘о головокружении’

Проанализируем мотивацию фразеологизмов данной группы, относящихся к кочевским и кашубским говорам.

В кочевских и кашубских фразеологизмах характеристика болезни и субъективные ощущения больного часто строятся на образе постороннего предмета, оказавшегося внутри тела человека и мешающего ему. Это может быть мышшь, “создающая *дискомфорт*” в желудке или в горле, груша или шишка в горле, вызывающие *хрипоту* или *ангину*. *Motilice* – кочевское слово, встречающееся только в фразеологии, вероятно, означающее “бабочка / мотылек”, встречается в выражении со значением ‘кашлять’, построенном на образе “мучающих” человека бабочек (?).

Во фразеологическом выражении со значением ‘недержание мочи’ причина болезни понимается как плохое состояние “замков” (ср. знакомый носителям русского языка фразеологизм “у кого-то замки плохие / крепкие”).

Проявления болезни и симптомы иногда метафорически сравниваются с предметами из окружающего мира: *kuřa dupa* – куриный зад – находится на лице в виде *бородавки*, а *сьть* на лице у кашубов возникает, если человек съест у кого-то шкварки или сливы (*skvark'i, slēvē*), для него не предназначенные. Этот фразеологизм также, вероятно, имеет иронический смысл, так как объяснение о шкварках, которые были съедены со сковороды у еврея, имеет семантическое противоречие в своей основе, так как ортодоксальные евреи не едят свинины.

Боли в желудке у кашубов ассоциируются с образом “*застревания*” на лестнице, крючке, на сучке или на полке (*na drãbce, na hoku, na sōčku, na polěci*). По всей видимости, метафору следует понимать следующим образом: ‘пища не переваривается в желудке, как не двигается предмет, застрявший на/в вышперечисленных предметах’.

В основу метафоры *ogań p' ěk' elny* – адский огонь положены ощущения больного. Слово “адский” здесь характеризует степень, качество жара и служит интенсификатором.

Человек может в целом сравниваться с каким-либо предметом, как, например, в случае характеристики бесплодия через метафорический перенос “бесплодная женщина” ⇒ “колода” или “пень”, не способные дать отростков.

В некоторых случаях состояния организма характеризуются через действие. Например, говоря о рвоте, кочевяки употребляют выражение “кормить аистов”. Фразеологизм со значением ‘непроизвольное прерывание беременности (потеря ребенка)’, примыкающий к группе “нездоровье”, так как он характеризует нарушение нормального течения процессов в организме женщины, содержит называние внешних обстоятельств. В данном случае метафорическое значение развивается за счет указания на место, где это происходит: “куст” является одновременно укрытием, но укрытием, не приспособленным для того, чтобы в нем находился больной, т.е. выходит на первый план сема “внезапность” происходящего.

Носителям многих языков знакома метафорическая связь слова *столб* с неподвижностью, неспособностью к проявлению активности, например из-за сильных эмоций (ср. польск. “osłupieć” и русск. “остолбенеть”). Кашубская фразеологическая единица, означающая потерю сознания, буквально означает “обратить глаза в столб”, т.е. остановить взгляд.

III. Семасиологический анализ компонентов кочевских фразеологизмов

Проанализируем теперь функционирование большинства “опорных” слов, входящих во фразеологизмы из рассматриваемой группы, в составе других групп кочевского идеографического словаря. Это поможет нам выявить коннотации данных лексем, служащих основанием для метафорического переноса во фразеологизмах, что в конечном итоге позволит лучше представить определенные аспекты картины мира носителей кочевских говоров.

Лексема “голова” встречается в следующих выражениях: *sušić komu głowa* – сушить кому-л. голову – ‘надоедать кому-либо’ и *mn'ęc zaśmótana głowa* – иметь затемненную (?) голову – ‘быть влюбленным’.

Лексема “зуб” представлена в фразеологизмах *bojic śa zambóv* – бояться зубов – ‘бояться сплетен’. В данном значении зубы одновременно являются острым инструментом, способным причинить вред. Они также становятся видны, когда люди разговаривают и особенно смеются над кем-то, т.е. обсуждают кого-либо с ехидством, издевкой и т. п. (ср. рус. “зубоскалить”).

Огонь – символ интенсивности и неконтролируемости процесса. Эта лексема входит в устойчивые выражения, характеризующие эмоции: *tera je ogań na dażu* – уже огонь на крыше – ‘о человеке, который внезапно обиделся’. В прямом значении данная лексема встречается в следующих выражениях: *ogań zdeł* – огонь сдох и *ogań pošel na vander* – огонь пошел на прогулку – ‘о погасшем огне’.

“Куриное зрение” (т.е. слабое зрение) содержит лексему *kuri*, которая в данном случае предполагает метафорический перенос по ассоциации со слабым зрением у курицы. В связи с этим же представлением выражение “петух на глазах” означает ‘не заметить чего-либо’: *mn'ęc kura na ośač*. Лексема *kuři* встречается также в значении ‘маленький’ в выражении *duż i jak ogón kuři* – размером с куриный хвост.

Выражение *kuře oće* содержит лексему “глаза”, которая в кочевской фразеологии входит в несколько синонимичных выражений со значением ‘недобрые глаза, способные наводить порчу’: *χείβε οἶ* – жадные/завистливые (?) глаза; *n’egoz’ive oči* – недобрые глаза; *zŕe oči* – плохие/злые глаза. Данная лексема также имеется в выражении *rib’e oči* – рыбы глаза – глаза без выражения. О “все-знайке” кочевяки могут сказать, что он имеет глаза “спереди и сзади”, причем, очевидно, данная характеристика будет иметь негативный оттенок: *mŕec oči v pŕodku i v tile*. Лексема *oko* содержится во фразеологизме, в основе которого лежит эвфемизм или, скорее, табу на прямое название физиологического аспекта отношения полов: *podbić oko* – подбить глаз – ‘сделать беременной’. Выражение терминологического характера *vole oko* – воловий глаз – ‘овальное окошечко на крыше’ имеет омоним ‘месяц (неполная луна)’. В словаре кочевских говоров имеется также выражение *mŕec kŕivé oće* – иметь кривые глаза – ‘быть косоглазым’. Фразеологическое выражение, означающее явление из сферы эмоций: *mŕec pŕački v očaχ* – иметь слезы в глазах – ‘плакать’.

Большая группа ФЭ, терминологических выражений и других клише содержит стилистически маркированную лексему “зад” (*dupa*): *viglónda jak dupa v noci* – кто-то выглядит как зад ночью – ‘о лысом’; *začísnońć dupa* – стиснуть зад – ‘умереть’; *dupó/tiŕkam horzic/raskovać* – задом вкалывать – ‘заниматься развратом, проституцией’; *ta bi dupa rozdaŕa* – (эта) бы зад раздала – ‘о разнuzданной женщине’. Последний фразеологизм имеет также омоним со значением ‘разбрасываться деньгами’⁵. Следующие выражения с лексемой “*dupa*” обладают общим значением ‘отсутствие интереса к лицу или предмету’: *obrócić dupa do v’atru* – повернуться задом к ветру – ‘проявлять ко всему безразличие (?)’. Б. Сыхта объясняет значение этой ФЭ, приводя в качестве толкования общепольскую фразеологическую единицу *nie robić sobie nic z niczego; jiz v dupa na reki* – иди в зад за раками – ‘отстань’; *ani dupó ne spojŕeć na kogo* – даже задом не взглянуть на кого-л. – ‘презирать кого-л., пренебрегать кем-л’. Значение следующего фразеологизма ‘убежать, улетучиться, улизнуть’: *vžónsć dupa v garśc* – взять зад в горсть, в руку. Несколько устойчивых выражений имеют значение ‘недотепа’: *dupa firciχ* – зад “фирцих” (от немецкого “сорок”); *dupa fifciχ* – зад “фифцих” (от немецкого “пятьдесят”); *dupa nazed* – зад наоборот.

Организация фразеологического материала по ономаσιологическому признаку, как это показано в разделе I настоящей статьи, и по семасиологическому признаку, как в разделе III, позволяет определить сферы значений, отраженные во фразеологии, и выявить лексические средства, выражающие те или иные значения. Однако идеографический фразеологический диалектный словарь имеет и определенные недостатки, объясняющиеся спецификой нашего материала:

- а) В словаре Б. Сыхты отсутствуют толкования некоторых лексических единиц, входящих в состав фразеологизмов, что затрудняет их буквальный перевод на русский язык. Такие слова нам приходилось помечать знаком “?”.

⁵ Данная ФЭ является примером переходного случая между полисемией и омонимией. С одной стороны, оба фразеологизма имеют общую часть значения “разбрасываться чем-либо, отдавать очень много”, но ситуации, которые описывает это выражение, относятся к разным сферам человеческих отношений

б) Б. Сыхта крайне редко приводит стилистические пометы. Разумеется, в диалекте нет четкого разграничения между стилями речи, однако определенно существуют некоторые неписанные правила, которые диктуют говорящему выбор той или иной ФЕ, в частности при наличии нескольких синонимов. В литературном языке большинство фразеологизмов являются разговорными. Для диалектов помета “разговорное” не является информативной, так как диалект является устной разновидностью народного языка, не имеющей, как правило, кодифицированной письменной формы. Однако любые отклонения от “разговорности” в сторону возвышенности, эвфемистичности или сниженности проявляются в лексическом составе фразеологизмов, а также в редких авторских пометах. Например, некоторые ФЕ со значением ‘быть беременной’ отмечены следующим образом: *M'ec vř ód na dup'e* – иметь язву на заду – злобно, *Mec balona/ħozec z balonet* – иметь (надувной) шар/ходить с надувным шаром – без негативного оттенка. На наш взгляд, далеко не все случаи, отклоняющиеся от разговорно-нейтральной “точки отсчета”, отмечены Б. Сыхтой. Например, следующие фразеологизмы со значением ‘смерть человека’ в кашубском идеографическом фразеологическом словаре определенно несут различные коннотации: первая относится к возвышенному стилю, вторая – к сниженному: (1) *Vzerac do Abrâma* – *смотреть на Авраама* – ‘приблизиться к смерти’; (2) *Věcignac/věprostovac kopěta* – *вытянуть копыта* – ‘умереть’.

в) Граница между фразеологизмом и не фразеологизмом, в силу полевой структуры языка в целом и фразеологии как одного из его уровней в частности, остается нечеткой, поэтому в некоторых случаях составителю словаря приходится полагаться на интуицию, решая вопрос о помещении какой-либо единицы в словарь или ее исключении за его рамки.

Идеографическая организация материала в рамках словаря и изучение “опорных слов”, “рассеянных” в приводимых в нем фразеологизмах, позволяет выявить:

1. лексико-семантические группы, задействованные во фразеологии. В представленном в статье разделе – “Человек как биологическое существо” – это названия частей тела (*голова, зуб, глаз, зад* и др.), названия животных и птиц (например *аист, камбала, кошка, кукушка, курица, куропатка, мышь, петух, рыба*), названия предметов, используемых в быту (*ложка, календарь, музыкальные инструменты – контрабас и скрипка, сумка, тарелка*);
2. наиболее частотную во фразеологии и, часто, наиболее нагруженную коннотациями лексику (ср. анализ лексического состава группы фразеологизмов, содержащих названия частей тела);
3. часть языковой картины мира, которая представлена в языке с помощью фразеологии (например, кочевская фразеология фиксирует следующие характеристики внешности: *состояние кожи, например наличие веснушек, оспин; выражение глаз; непропорционально большие или маленькие/тонкие/худые части тела; отсутствие волос на голове и растительности на лице у мужчин* и т. д.);
4. в кочевском материале отмечены многочисленные синонимы и варианты фразеологизмов, связанных с рождением (точнее – с беременностью) и смертью человека, что указывает на исключительное место, которое данный концепт занимает в языковой картине мира.

Как уже отмечалось выше, изучение фразеологии в сопоставительном аспекте дает более объемное представление о семантике и мотивации фразеологизмов, о процессах мышления, находящих отражение в застывших формулах фразеологических единиц того или иного языка. Например, в работе А.В. Гуры [24] этот подход помог глубоко изучить историю формирования и бытование некоторых символов в славянских языках. Поэтому дальнейшая разработка данной темы нам видится в создании идеографических фразеологических словарей различных языков и диалектов и последовательном сопоставлении “тематической сетки” внутри этих словарей и лексического состава фразеологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bartmiński J.* Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata // *Językowy obraz świata*. Lublin, 1990.
2. *Вежбицкая А.* Сравнение – градация – метафора / Теория метафоры. Москва, 1990.
3. *Кобозева И.М.* Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 3.
4. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Теория метафоры. М., 1990.
5. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1989.
6. *Pajdzińska A.* Jak mówimy o uczuciach? Poprzez analizę frazeologizmów do językowego obrazu świata / *Językowy obraz świata*. Lublin, 1990.
7. *Porowska-Taborska H.* Od frazeologizmu do słowa jest tylko jeden krok. (Kasz. *pošedło* – sch. *pōdāst* ‘zaraza’). // *W zwiercadle języka i kultury*. Lublin, 1999.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
9. *Tokarski R.* Językowy obraz świata w metaforach potocznych // *Językowy obraz świata*. Lublin, 1990.
10. *Treder J.* Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje na tle porównawczym. Wejherowo, 1989.
11. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. Москва, 1980.
12. *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Kosmos. Lublin, 1996. T. 1. Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie.
13. *Profilowanie pojęć*. Wybór prac. Lublin, 1993.
14. *Фразеология в контексте культуры*. М., 1999.
15. *Skorupka St.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1977. T. 1.
16. *Жуков В.П., Жуков А.В.* Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1989.
17. *Яранцев Р.И.* Русская фразеология. Словарь-справочник. М., 2001.
18. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.
19. *Влахос С.* Русско-болгарский тематический словарь фразеологизмов. В.-Тырново, 1994.
20. *Семенова А.В.* О некоторых сложностях при составлении идеографического фразеологического словаря (на материале кочевой фразеологии) // *Славянский вестник*. М., 2004. Вып. 2.
21. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław, 1967–1976. T. 1–7.
22. *Sychta B.* Słownik gwar kociewskich na tle kultury ludowej. Wrocław, 1980–1985. T. 1–3.
23. *Chlebda W.* *Frazematyka* // *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*. Wrocław, 1993. T. 2.
24. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

© 2006 г. В. С. ВИНОКУРОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ОФИЦЕРСТВА В СЕРБИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С начала XX в. практически ни у кого в Сербии не вызывала сомнения необходимость строительства сильной и эффективной армии. В то же время постепенно все более актуализировался вопрос – как к этому прийти при чрезвычайно ограниченных ресурсах страны? На этот вопрос партиями, военными и общественными деятелями предлагались зачастую существенно расходящиеся друг с другом ответы. Поэтому именно в это время во многом определяющим фактором военного строительства становится политическая целесообразность.

Для этого времени была характерна и смена управленческих формаций, когда в европейских государствах начинает складываться страта профессиональных политиков, считающих управление государством основным делом своей жизни. Этот процесс сам по себе выводил армию как руководимую профессионально подготовленными кадрами организацию на первые роли в политической жизни страны.

Прежде всего, необходимо констатировать увеличение роли и значения офицеров как действительной службы, так и находящихся в отставке, в развитии парламентаризма в стране. Во многом определяющая роль Народной скупщины в Сербии привнесла ряд новых требований к старшим представителям офицерского корпуса, занимавшим руководящие посты в военном министерстве. Так, одной из весомых причин назначения на должность военного министра стала способность офицера “разговаривать на одном языке с депутатами Скупщины”. Вот как характеризует военного министра подполковника Антонича русский военный агент в Белграде: «Антонич не отличается особенными способностями и малоопытен в военном деле, но человек парламентский, обладает известным красноречием, т.е. “может ответить оппозиционным крикунам”» (прежнего военного министра генерала Милковича в Скупщине высмеивали и всячески издевались) [1. Д. 821. Л. 6 об.]. К выступлениям военного министра в парламенте было приковано пристальное внимание местных газет, которые сами давали оценку успешности или, напротив, неудачи “увещеваний” министра. В частности, одна из лояльных правительству газет писала, что, несмотря на то, что С. Степанович, Р. Путник, Ж. Мишич и И. Гойкович были выдающимися офицерами, их неминуемый уход с поста военного министра был предопределен

Винокуров Владимир Сергеевич – канд. ист. наук (Москва).

неумением успешно отстаивать перед Скупщиной военные законопроекты, вследствие своей, по словам журналиста, “непарламентарности” [1. Д. 7334. Л. 7].

Часто даже незначительный служебный промах военного министра становился дискуссионным вопросом в стенах Скупщины. Причем “чрезвычайную” активность в военных вопросах проявляли представители всех без исключения политических фракций, представленных в Скупщине – как правительственных, так и оппозиционных. Были и депутаты, которые рассматривали военную сферу в качестве области, так сказать, своей парламентской “специализации”. Характерный пример тому депутат-социалист Т. Кацлерович, который смог добиться от правительства создания депутатской комиссии с целью “обстоятельного” расследования “дела Рашича и Влаича”. Кроме того, он с завидной регулярностью отправлял правительству запросы с целью выяснения обстоятельств назначения того или иного военного министра [1. Д. 7371. Л. 20].

Нередко депутаты Скупщины считали для себя возможным вторжение в сугубо специальные вопросы функционирования военного ведомства: так, предметом разбирательства Скупщины стало длительное отсутствие назначений на должности командиров Дунайской и Моравской дивизий, которое, по мнению депутатов, произошло по вине военного министра С. Степановича [1. Д. 7371. Л. 20об.].

Центральной темой депутатских прений, напрямую относившихся к армии, являлось обсуждение военного бюджета [2. С. 356], нередко проходившее в чрезвычайно возбужденной и нервной обстановке. Для нас представляет наибольший интерес то обстоятельство, что предметом обсуждения в Скупщине были далеко не только совокупная сумма затрат военного ведомства, соотношений статей расходов (на закупки вооружений, на личный состав, строительство и т.д.), а, может быть, даже в большей степени, чисто специальные нюансы военного строительства. В частности, при обсуждении военного бюджета 1911 г. депутат Агатонович поставил вопрос о серьезных проблемах сербской армии: по мнению депутата, они заключались, во-первых, в недостаточном количестве офицеров младшего и среднего командного звена при перепроизводстве старших офицеров. В качестве решения проблемы предлагалось безжалостно уволить всех старших офицеров, выслуживших положенные сроки в звании от майора включительно. Во-вторых, депутат упрекал военного министра Р. Путника и его предшественников на этом посту в отсутствии твердого и последовательно проводящегося в жизнь взгляда на военное строительство: Агатонович указывал на частые изменения приоритетов в области вооружения армии. При жестком лимите средств закупка всех требуемых вооружений для армии представлялась нереализуемой задачей, соответственно, военный министр должен был отдавать приоритеты тем или иным системам вооружения, тогда как сменявший его на этом посту “имел слабость” уже к другим системам.

В этом контексте достаточно показательным представляется пример военного министра И. Гойковича, который из-за невозможности по финансовым соображениям закупить 15 горных батарей так и не пошел на предложение правительства ограничиться девятью батареями, жестко отстаивая именно свой план перевооружения. В итоге армия на тот момент не получила вообще ни одной горной батареи, а его преемник о горных орудиях и не вспоминал, отдавая приоритет полевой артиллерии [1. Д. 3145. Л. 28–29об.].

Бурные баталии в Скупщине по военным вопросам находились в центре внимания сербской прессы. Кроме того, даже рядовые, на наш взгляд, события ар-

мейской и околоармейской жизни: учения, практически любые перемещения войск, призывы резервистов с завидной регулярностью освещались печатью, причем, как бы сказали сейчас, в числе ведущих информационных поводов (“новостей первой полосы”). Вот несколько достаточно типичных примеров подобных новостей за 1908–1910 гг.: “Военнообязанные 3-го Призыва, служащие в коннице, сдали свои ружья и взамен получили карабины нового образца; в Ралье закончена постройка магазинов и здания 7-й полковой окружной команды, которая будет перемещена в Ралью из Белграда; 19-й пехотный полк 6–7 октября совершил форсированный марш в район Рудницкого Горного округа, длившийся около 24 часов – нижние чины и офицеры были в полном походном обмундировании (весит 24 кг.); на другой день был произведен смотр, на котором заболевших и утомленных также не оказалось” [1. Д. 3144. Л. 51об.].

Фигура военного министра была также чаще всего центральной во всех скандалах, разворачивающихся вокруг поставок вооружений сербской армии. Так, широкую известность получил тендер на поставку горных орудий, выигранный фабрикой Круппа (было подписано соглашение о поставке 15 батарей горных орудий). В то время военный министр С. Степанович был обвинен рядом депутатов Скупщины в личной материальной заинтересованности, т.е. ему инкриминировалось лоббирование интересов Круппа. В качестве обоснования своих доводов депутаты приводили условия конкурирующей с Круппом фабрики Эрхардта, материально более выгодные для сербской стороны. Кроме того, что было довольно существенно для парламентариев, Степановичу поставили в вину отказ от сотрудничества с анкетной комиссией Скупщины, с которой министр обязан был по закону взаимодействовать [1. Д. 3144. Л. 33].

Победоносные для сербов две Балканские войны не остановили процесс усовершенствования военной системы государства. В Сербии хорошо осознавали, что предстоящая война будет неизмеримо сложнее и кровопролитнее войн с турками и болгарам. Боевой опыт, полученный частями и соединениями в двух войнах, перерабатывался с целью оптимизации структуры вооруженных сил для ведения боевых действий с многократно превосходящими силами противника. Эта задача осложнялась наличием и другой проблемы, в успешном решении которой была напрямую заинтересована и армия – как можно более быстрого “переваривания” новоприсоединенных вследствие Балканских войн земель, создания на них устойчивого и подготовленного мобилизационного резерва. Кроме того, сербская армия столкнулась с новой для себя необходимостью спорадического ведения контрпартизанских действий в мирное время, опыта которых существующая на тот момент структура армии не имела.

Все эти обстоятельства, разумеется, до предела осложняли процесс строительства вооруженных сил. Но в еще большей степени этот процесс затрудняла, на наш взгляд, имевшаяся на тот момент полифония концепций и подходов к “военной политике” в самом широком смысле этого слова. Диаметрально противоположные идеи высказывали представители действующей армии, старшие офицеры в отставке, представители политически активной части военной элиты (члены “Черной руки”), члены правительства, оппозиционного политического спектра. Практически все время одной из имманентно присущих проблем этой дискуссии был вопрос о величине текущих военных расходов и, соответственно, планы по их увеличению.

В целом военный бюджет Сербии этого времени нельзя назвать сверхмилитаристским, учитывая сложность и взрывоопасность складывавшейся на тот

момент ситуации. В то же время, с учетом того, что затрачиваемые средства на прочие государственные нужды (образование, здравоохранение и т.п.) на несколько порядков в меньшую сторону отличались от военных расходов, необходимо констатировать, что государственный бюджет Сербии имел преобладающую “военную” составляющую, необходимость которой в обществе в целом не вызывала сомнений и значимых протестов.

Стоит акцентировать внимание на том обстоятельстве, что среди господствующей части офицерского корпуса расходы на армию всегда считались недостаточными, офицеры приводили весьма аргументированные доказательства необходимости резкого увеличения бюджетного (кредитного) финансирования, на что правительство практически до самых Балканских войн не шло. Да и сложно себе представить, на основе чего в тех условиях можно было бы добиться увеличения порядка годовых военных расходов дополнительно на 15–16 млн динаров при ассигновании на военную структуру государства 20 млн динаров (столь жесткие требования были особенно сильны в годы Боснийского кризиса) [1. Д. 3145. Л. 29об.]. О недостаточности расходов на военное ведомство средств говорит и факт серьезной экономии военными выделяемых средств: так, в частности, практически до самых Балканских войн военное ведомство нормативно сокращало число новобранцев для строевых частей, тем самым уменьшая число обучаемых военному делу молодых людей.

Надо отметить, что именно дискуссии вокруг размера тех или иных статей военного бюджета были наиболее проблемной сферой отношений между правительством (часто опиравшимся на поддержку Скупщины) и представителями военной элиты. Ряд оппозиционных радикалам газет, в частности, “Новое время” прямо называли политику кабинета в отношении военных расходов “чрезмерно ограничительной”. При этом в адрес ряда министров приводились обвинения в постоянном стремлении “делать экономию” бюджета за счет текущих расходов военного ведомства, которое под давлением кабинета никогда не могло полностью пользоваться вотированным (одобренным Скупщиной) кредитом. По данным газеты, с 1904 по 1910 г. военное ведомство не израсходовало 6 млн динаров, в 1911 г. – 1.8 млн динаров (порядка 8–12% ежегодных расходов) [1. Д. 3145. Л. 17об.]. Парадигму финансовых отношений военных с правительством достаточно показательно, на наш взгляд, характеризует история с попыткой покупки военным ведомством земельного участка в пригороде Белграда вблизи Банницкого лагеря: так, из-за недофинансирования этой статьи расходов министерством финансов (в то время пост министра занимал Стоян Протич – один из влиятельных членов правительства), имущество военного министерства находилось под угрозой описи и ареста [1. Д. 7371. Л. 22об.]. Во многом в силу вмешательства в этот имущественный конфликт прессы, военным удалось “отделаться” только срывом сделки.

Военный агент свидетельствует об уменьшении “популярности” военных расходов у радикалов как постоянной тенденции в деятельности кабинета. Причем в случае проявления упорства со стороны военных представителей в деле отстаивания собственных взглядов на величину и состав военного бюджета, правительство могло прибегнуть и к откровенно враждебным действиям: в этом контексте показателен пример генерала Живковича, вошедшего в острый клинч с Протичем по вышеупомянутому вопросу покупки земельного участка. После отказа Живковича добровольно уйти в отставку против генерала была развернута массированная пропагандистская кампания в контролируемых ради-

калами газетах, что сделало невозможным его дальнейшее пребывание на посту военного министра [1. Д. 7371. Л. 23об.].

Жесткие дискуссии в Скупщине разгорелись по поводу принятия военного бюджета на 1912 г., когда, казалось бы, уже ни у кого в правительстве и Скупщине не могло быть сомнений в отношении сроков начала кампании против турок. Несмотря на действительно серьезное увеличение военного бюджета (до 29 млн 606 тыс. динаров при общем государственном бюджете в 130 млн 856 тыс.) депутат М. Драшкович настаивал на необходимости включения в структуру военных расходов 1.5 млн динаров, выплачиваемых военным пенсионерам, а также большей части выплат в качестве процентов по иностранным займам.

Кроме чисто финансовых разногласий военных с радикалами существовали и политические разногласия военной и гражданской элит. В качестве характерного примера стоит привести активно муссировавшийся в сербской прессе вопрос о праве воинских подразделений применять оружие в целях самообороны (после столкновений демонстраций социалистов с войсками в Белграде и Крагуеваце в 1911 г. [1. Д. 7371. Л. 16–16об.]). Пресса решительно требовала наказания офицера, не оказавшего должного отпора демонстрантам. В офицерском же корпусе росло возмущение по поводу несовершенства законов королевства, делавших офицера по определению виновным в случае применения им оружия против невооруженных демонстрантов. Все это не прибавляло популярности нарождающейся демократической практике в стране и самому правительству. Тем более что некоторые его видные представители, тот же министр финансов С. Протич, публично выражали свою решительную позицию против предоставления возможности войскам (прежде всего, разумеется, офицерам) применять оружие с целью собственной защиты [1. Д. 7371. Л. 26]. По всей видимости, в этом вопросе правительственные чиновники руководствовались опасением “широкого” толкования офицерами права на применение оружия (полагая, что оно может создать угрозу военного переворота).

Постоянными, время от времени обостряющимися разногласиями между представителями армии и правительства во многом объясняется и так называемая “министерская чехарда” (неоднократные отставки военных министров). При подобном положении новый закон “Об устройстве армии” имел мало шансов на успешное “прохождение” через Скупщину. Каждый новый военный министр должен был детально ознакомиться с законопроектом [1. Д. 3145. Л. 7]. При этом военные министры Живкович, Маринкович, Гойкович и Степанович каждый по-своему переделывали законопроект и не успевали в силу непродолжительности срока пребывания в должности “провести” законопроект через Скупщину [1. Д. 3145. Л. 28об.].

С 1909 по 1910 г. на посту военного министра побывало четыре человека, вследствие чего можно сделать вывод о снижении степени престижности этого поста в армии: в частности, после ухода в отставку генерала Маринковича от этой должности последовательно отказались генералы Степанович и Живкович, и только третий кандидат – начальник Дринской дивизии полковник Гойкович – согласился. Но и пребывание Гойковича на этом посту было недолгим (до февраля 1911 г., т.е. менее года).

Основной причиной ухода в отставку с поста военного министра было несогласие с правительством по поводу выделения финансовых средств на военное строительство. Так, генерал Маринкович в 1910 г., не желая брать на себя ответственность за сокращение по вине Совета министров программы усиления

армии, подал в отставку [1. Д. 7334. Л. 1]. Сменивший его Гойкович также в качестве одной из основных причин своей отставки называл “затруднения, чинимые ему финансовой комиссией Скупщины, а также незаинтересованность правительства в скорейшем прохождении нового законопроекта об армии в Скупщине” (по словам Гойковича, за 3 месяца Скупщиной было рассмотрено только 90 статей законопроекта из 430-ти) [1. Д. 7334. Л. 6об.]. Кроме того, полковник имел и личный конфликт с посланником Германии в Сербии Рейхенау, которого военный министр обвинил в неприкрытом лоббировании интересов немецких оружейников при проведении тендеров на поставку вооружения для сербской армии [1. Д. 7334. Л. 6]. Соответственно, с учетом вышеизложенных фактов определяющими для правительства при выборе кандидатуры на пост военного министра во многом стали не профессиональные и личные качества офицера, а степень его лояльности кабинету.

Сменивший Гойковича на посту военного министра генерал Степанович, пожалуй, наиболее лояльная фигура Н. Пашичу, в свою очередь практически сразу же по вступлении в эту должность начал конфликт с будущим королем Александром Карагеоргиевичем, занимавшим на тот момент должность Главного военного инспектора. Прямыми обязанностями престолонаследника на этом посту были оценка эффективности обучения войск и их начальников, боевой готовности и дисциплины подразделений, кроме того Александр должен был регулярно предоставлять королю и военному министру доклады и предложения (проекты), “имеющие целью быстрое улучшение армии” [1. Д. 3144. Л. 63а]. После назначения военным министром ряда командиров полков без участия военного инспектора разгорелся острый конфликт, к разрешению которого были привлечены правительство и король Петр. В этом конфликте для нас представляет интерес редко встречающийся альянс кабинета с действующим военным министром, в то время как на стороне Александра выступила определенная часть военной элиты (не только принадлежавшая к его придворной группе “Белая рука”, но и просто с симпатией относившаяся к Александру). Поддержка правительства позволила военному министру одержать победу, но спустя очень непродолжительное время, в мае 1912 г., Степанович был все же отправлен в отставку уже королем Петром по пустяковому поводу назначения в свиту короля одного из адъютантов.

Наиболее тесно проблема необходимости скорейшего перевооружения армии была связана с деятельностью на посту военного министра генерала Божановича. Центральным пунктом в конфликте военного министра и правительства стала проблема численности армии в мирное время, а также напрямую связанная с ней ситуация с военным обучением призывного контингента из новоприсоединенных земель [1. Д. 3168. Л. 2–2об.]. По проекту Божановича, для подготовки относительно “качественного” состава армии необходимо было в ограниченные сроки пропустить через регулярную службу как можно большее число призывников, для чего надо было иметь в мирное время не менее чем 95 тыс. человек, из которых не менее 45 тыс. из “новых” земель. Содержание столь многочисленной армии, разумеется, требовало резкого увеличения бюджетного финансирования. Правительство посчитало в этом вопросе “аппетиты” военных чрезмерными, считая возможным развертывание не более чем пятидесятитысячной армии [1. Д. 3168. Л. 8].

Позиция правительства встретила резкое неприятие со стороны военного министра, привлечшего к этой проблеме внимание прессы. Правительство так-

же грозило своей отставкой в случае принятия плана Божановича. Попытка поиска нового кандидата на пост военного министра закончилась неудачей, поскольку, по словам русского военного агента, “в Сербии трудно найти офицера, который в вопросе такой важности оказался бы уступчивее генерала Божановича” [1. Д. 3168. Л. 5]. По ходу развития конфликта пресса стала активно муссировать слухи о возможности назначения военным министром штатского человека, что, скорее всего, в тех условиях было нереально, так как вполне могло “взорвать” военную элиту. В итоге столкновения военного министра с радикалами победа осталась все же за светскими политиками, которых поддержал король. После нахождения подходящего кандидата на пост министра Божанович был отправлен (в начале 1914 г.) в отставку.

Что интересно, Божанович в ходе конфликта пытался обратиться за поддержкой, а возможно и посредничеством к русскому военному агенту, в разговорах с которым жаловался на близорукость кабинета, не осознающего важность данной минуты, необходимость принятия скорейшего решения по проблемам чрезвычайной важности: заказа нового оружия и боеприпасов, “пропуска” через кадровый состав армии призванных из новых земель. Кроме того, министр акцентировал внимание военного агента на приготовлениях Болгарии (получении страной чрезвычайного кредита в размере 258 млн франков, заказе в Германии 500 тыс. винтовок, 36-ти горных батарей, формировании новой, 10-й дивизии) [1. Д. 3168. Л. 9об.].

Несомненно, шагом, способствовавшим ослаблению напряженности между военными и светскими элитами, стало учреждение Военного совета. Учреждая Совет, правящая элита в какой-то степени “переключила” внимание военных кругов и общественности с чрезвычайно политизированного процесса назначения военного министра к кругу проблем текущего функционирования военного организма. Высшие представители армии, должны были в Совете решать принципиальные вопросы, относившиеся к устройству армии, вооружению, подготовке к войне, требовавшие для своего изучения большего постоянства и устойчивости (требованиям, каковым должность военного министра не отвечала) [1. Д. 3152. Л. 70–71об.].

В итоге можно констатировать наличие сильных конфронтационных элементов между представителями правящей и военных элит в предвоенный период. Имевшееся противостояние, время от времени обострявшееся, значительно тормозило процесс перевооружения армии, а также решение текущих армейских проблем. Обострение такового противостояния (“министерская чехарда”, кампания против предложений Божановича, “спор о приоритете” и т.п.) было вызвано именно сопротивлением военной элиты увеличивающемуся контролю правительства над армией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный военно-исторический архив.
2. *Бјелажац М. Vojska kao faktor modernizacije. // Srbija u modernizacijskim procesima 19, i 20. века. Uloga elite. Beograd, 2003. Књ. 3.*

© 2006 г. *Е. В. КОМИССАРОВА*

ПРОБЛЕМЫ АЛФАВИТНОЙ НОРМЫ В СЛАВЯНСКОМ КНИГОИЗДАНИИ XIX–XX ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ БИБЛИОТЕКИ РАН)

Проблема графических систем славянских языков имеет книговедческий аспект, связанный со свободой применения нетрадиционных графических систем в книгоиздании, мотивацией выбора того или иного алфавита для тиражирования книги, распространенностью “алфавитных нарушений” в документальном потоке (т.е. во времени и пространстве). Разработка всех этих вопросов в книговедении пока еще не ведется.

Наш обзор наиболее заметных случаев выхода славянского книгоиздания за рамки алфавитной нормы в современном ее понимании составлен, в основном, по материалам Славянского фонда Библиотеки Российской академии наук (БАН) и данным национальной библиографии славянских народов.

В период формирования современных славянских наций и языков печатная книга как средство массовой информации служила важнейшим проводником политических, идеологических и любых других концепций. Поэтому смена графической системы книгоиздания напрямую связана с проблемой национального языка и национальной идентичности в целом.

Лингвистам хорошо известны опыты интеграции латиницы и кириллицы, программы “латинизации” славянского письма и, наоборот, “кириллизации”. Эти эксперименты становились актуальны, когда находили свое выражение в книгоиздании.

Множество графических экспериментов в славянском книгоиздании отражает общее состояние лингвистической науки XIX в. Тогда активно дискутировалась идея создания “общеславянской азбуки”, передающей звуковое разнообразие славянских языков. Общую характеристику проблемы в нашем контексте давать нет смысла, поскольку вопросы собственно книгоиздания в этой дискуссии не затрагивались.

Проекты “общеславянской азбуки”, в большинстве своем, подразумевали переход всех славянских народов на письменность на основе одной лишь латиницы или, наоборот, кириллицы. Сразу оговоримся: хотя в XVIII–XIX вв. очень строго разграничивали собственно церковнославянскую кириллицу и создан-

Комиссарова Елена Викторовна – канд. пед. наук, административный референт в Генеральном консульстве Чешской Республики, Санкт-Петербург.

ный на ее основе русский гражданский шрифт, принципиального значения для нашей темы это разграничение не имеет, поэтому мы пользуемся общим термином “кириллица”.

Основные аргументы “латинизаторов” были изложены в 1851 г. чешским физиологом и общественным деятелем Яном Пуркине в статье “О выгодах всеобщего распространения латинского способа письма в семействе языков славянских” [1]. В качестве примера автор дает в оригинале две басни И.А. Крылова в двух вариантах написания. Польский перевод статьи Я. Пуркине, выполненный И.А. Бодуэном де Куртенэ, был опубликован отдельной книжкой в 1865 г. [2].

Транслитерация латинскими буквами стала обычным явлением в письменной и книжной культуре славянского возрождения XVIII–XIX вв., когда происходил активный культурный взаимообмен.

Например, в 1860 г. западноукраинский просветитель Иван Федорович Головацкий издал хрестоматию русской (отчасти и польской) поэзии XVIII–XIX вв. “Русская книга для чтения” [3]. Все тексты в хрестоматии даются в оригинале кириллицей и латиницей, а также сопровождаются немецким (в двух случаях польским) переводом. В предисловии, написанном по-немецки, рассматриваются проблемы фонетического правописания на славянских языках латиницей. И.Ф. Головацкий сравнивает чешский, хорватский, польский, венгерский и немецкий алфавиты и предлагает собственный вариант.

Транслитерация русских текстов для иноязычной читательской аудитории продолжилась и в XX в. В 1905 г. чешский журналист-русифил И.В. Александер издал хрестоматию “Первая русская книга для чтения для чешского народа”, где оригинальные тексты приводились латиницей [4]. Можно предположить, что транслитерированием текстов, не связанных с научным языкознанием, авторы и издатели просто стремились добиться облегчения восприятия книги для иноязычного читателя.

Но как же тогда быть с журналом “Велеградский вестник”, который “для распространения стремления к соединению церквей” на русском языке, но чешским алфавитом печатался в 1909–1912 гг. в Праге [5]? На какой круг читателей могло быть рассчитано такое издание?

В обращенной к чешскому читателю программной редакционной статье самого первого выпуска “Велеградского вестника” говорится: “Russkaja řeč, čuždaja drugim narodam zapadnoj Evropy, dlja nas javljaetsja počti rodnoj i ne predstavljajet nikakih trudnostej dlja izučenija; poetomu i v etom slučaě my postavleny v gorazdo bolěe vygodnja uslovija, neželi drugie katoliki. Vměstě s těm, kak predstaviteli zapadnoj Cerkvi, my možem raskryvat' eja učenie i eja prosvětitel'nuju dějatel'nost', kotoroj ona obnimaet vsě otrasli kul'tury i progressa hristianskago obščestva... My dolžny pokazat' našim brat'jam pravoslavnym učenie i žizn' katoličeskoj Cerkvi v eja istinnom světě, obraščaja preimuščestvennoe vnimanie na tě vysokija duhovnja blaga, kotoryja ona v izobilii izlivaet na zapadnoe slavjanstvo”.

В качестве приложения к журналу началась публикация латиницей на русском языке сочинения немецкого средневекового теолога Фомы Кемпийского “Подражания Христу”, когда-то пользовавшегося заслуженной популярностью у западного читателя [6].

Выход первого же номера “Велеградского вестника” вызвал появление в журнале “Странник” резкого критического отзыва С. Троицкого. Алфавитную сторону вопроса русский рецензент упомянул, но никакой оценки не дал [7].

Транслитерация в таких случаях может быть сопряжена с культурной экспансией. “Поскольку кириллицей пользовались славяне, принадлежавшие к православному культурному кругу, а латиницей – принадлежавшие к западному (католическому и протестантскому) культурному кругу, алфавит, который применяли те и другие, воспринимался как один из знаков этнической, конфессиональной, а иногда и социальной принадлежности авторов и их читателей. Особенно в тех случаях, когда в одном государстве проживали славяне разных конфессий”, – заметил по сходному поводу А.С. Мыльников [8. С. 197–198].

В истории славян уже известен случай, когда транслитерация превратилась в норму и вытеснила исконный алфавит. В последней четверти XIX – начале XX в. происходила массовая эмиграция в США жителей Закарпатья, говоривших на карпаторусинском микроязыке. Их потомки сохранили родной язык, но в 1930-х годах сменили кириллическую графику на латиницу словацкого типа [9].

С нашей стороны было бы лукавством обличать коварство иностранцев, покушающихся на русский алфавит. Признаемся честно, аналогичные попытки известны нам и в своем отечестве. В частности, 1857 год ознаменовался появлением брошюры некоего Кирилла Кадинского “Преобразование и упрощение русского правописания” [10], в которой провозглашалась желательность замены русского алфавита французским вариантом латиницы. Еще ранее – в 1842 г. – тот же автор (под фамилией Кодинский) опубликовал параллельно кириллицей и латиницей обоснование своего проекта азбучной реформы [11].

В Москве в 1914 г. увидела свет “*Novaja russkaja azbuka*” В.В. Тихомирова [12]. Чем объяснил автор свое намерение? “*Vvedenje novoj azbuki oblegčit dlä naših školnikov izučenje inostrannyh jazykov. Zatëm, novaja azbuka sblizit russkij jazyk s slavänskimi narëcijami, v kotoryh prinät latinskij alfavit. A eto vesïma važno, takkak ruskomu narodu v budušem predstoit eše sygrati ogromnuju roli v istorii bratskih narodov*”. Ни больше, ни меньше. В какой среде мог возникнуть данный проект, нам остается только догадываться. Многозначачщее указание дал сам В. Тихомиров, призывая приобретать “Новую русскую азбуку” на квартире у автора в польском городе Люблине.

Тогда же, накануне орфографической реформы 1918 г., появилась “Народная русская азбука” Федора Венедиктовича Езерского, автора публикаций по международным проблемам унификации терминологии [13]. Азбука Езерского представляла собою смешанный кириллическо-латинский алфавит.

Наконец, две латинские буквы (взамен И, Й) вводит в свой проект русского алфавита Антон Костюк в 1916 г. [14]. Данный проект весьма примечателен отсутствием какой-либо политизации. Нововведения автор предлагает из соображений эстетики и удобства письма.

Завершением этого ряда стала деятельность Подкомиссии по разработке вопроса о латинизации русского алфавита под председательством Н.Ф. Яковлева. Подкомиссия была организована в ноябре 1929 г. по инициативе Главнауки НКП РСФСР в составе Комиссии по реформе орфографии [15]. Советская реформа русского алфавита должна была привести к реформе всего репертуара печатной книги. Вопрос решался с классовых позиций: “Переход на латинский алфавит окончательно освободит трудящиеся массы русского населения от всякого влияния буржуазно-национальной и религиозной по содержанию дореволюционной печатной продукции. Конечно, все ценное из области художественной и научной литературы должно быть переиздано на новом алфавите”, – го-

ворилось в Протоколе заключительного заседания Подкомиссии от 14 января 1930 г.

Сторонники кириллицы тоже не теряли времени даром. Почти все публикации по данной теме связаны с интересом к русскому как возможному языку межнационального общения. По этой причине литературу о кириллице в славянском письме и книгоиздании практически невозможно отделить от литературы о международном значении русского языка. Неудивительно, что многие русские сторонники “общеславянской азбуки” видели ее исключительно кириллической (см., например: [16]).

У чехов еще за сто лет до появления столь неприятного в алфавитном отношении для русских “Велеградского вестника” велась пропаганда кириллицы. А именно, создатель первой чешской поэтической школы Антонин Ярослав Пухмайер пропагандировал кириллическое письмо для чешского языка. Свою книгу “Русско-чешское правописание” он издал в 1805 г. в Праге, а в 1851 г. появилось исправленное и дополненное переиздание с приложением образцов чешско-кириллического письма [17]. Сдержанно благожелательный отзыв на труд Пухмайера дал в 1852 г. академик И.И. Срезневский [18].

Настойчивым пропагандистом идеи всеобщей “кириллизации” славянского письма оказался Франтишек Ян Иезбера – чешский этнограф, переводчик, преподаватель русского языка и общественный деятель, с 1869 г. подданный Российской Империи. Общественно-политические воззрения Иезберы можно характеризовать как крайне русофильские и панславистские, противоречащие демократическим тенденциям.

В 1856 г. в сербском журнале “Седмица” было опубликовано стихотворение Иезберы на смерть сербского драматурга Йована Стерии Поповича (о котором, кстати, мы еще вспомним ниже). Чешский текст был напечатан в сербской графике и показался сербам на удивление понятным. Сторонники кириллицы торжествовали. В 1857 г. вдохновленный успехом Иезбера сделал попытку, а в 1862–1864 гг. воплотил-таки в жизнь проект общеславянской газеты “Словенин”. Газета печаталась в Праге сперва латиницей, а затем только кириллицей на всех славянских языках. В БАН имеются отдельные номера этой газеты за 1863 и 1864 гг. В 1861 г. Иезбера опубликовал собственный проект кириллической чешской азбуки, ориентированный на русское письмо [19], и выступил с открытым письмом к чехам, призывая их перейти на кириллицу как наиболее приспособленный к славянской фонетике алфавит [20]. Более того, он предпринял ряд изданий в новой графике – для демонстрации проекта чешской азбуки, так сказать, в действии [21].

На этом история чешской кириллицы не заканчивается. Педагог Йозеф Кашпар в 1900 г. предложил на суд общественности свой проект латинско-кириллического письма в работе “О чешском литературном языке и славянской взаимности в XX столетии”, а в 1902 г. появился проект лингвиста Фердинанда Йокля, изложенный в брошюре “Упражнение в чтении письма русского, сербского и болгарского на текстах чешских” [22].

Писатели и ученые Словении в разных целях использовали кириллический алфавит в XV–XX вв. (см.: [23]). Самый широкий общественный резонанс получила попытка “оптимизации” национального письма в словенском книгоиздании 1820–1830-х годов, когда небольшой кружок творческой интеллигенции пытался ввести в словенский алфавит русские буквы “ч”, “ш”, “щ”, “ж”, “з”. В определенном смысле, это был еще один проект “общеславянской азбуки”.

Первым кириллические знаки для обозначения шипящих применил Петер Дайнко в 1824 г. в своей грамматике родного языка на штирийской диалектной основе [24]. Следом вышла в свет грамматика Франца Метелко, предложившего расширить сферу применения кириллицы [25]. Его новый образец литературно-письменного языка – на доленьской диалектной основе – получил название “метелчица”, а основным средством пропаганды “метелчицы” служили книги [26]. Несколько таких изданий хранится в БАН (см., например: [27]).

Латинско-кириллический принцип правописания высмеял в 1832 г. словенский национальный поэт Франц Прешерн в сонете о каше “Al prav se riše kasha ali kaša”. В 1833 г. было официально запрещено использование “метелчицы” для нужд школы. С 1843–1844 гг. словенское книгоиздание постепенно переходит на новый хорватский алфавит “гаицу”, где каждому звуку соответствовала одна буква, а в 1851 г. “гаица” была официально утверждена для словенской письменности.

Все же кириллические эксперименты словенцев на этом не прекратились. Широкоизвестна просветительская деятельность панслависта Матии Маяра, автора книг “Правила преобразования иллирийского наречия в общеславянский язык” и “Взаимное славянское правописание” [28]. Одним из важнейших пунктов его общественно-политической программы стал как раз переход всех славян на кириллическую письменность.

Кто еще из словенцев проявлял интерес к кириллице помимо М. Маяра? В 1863 г. Радослав Разлаг издал сборник славянской поэзии “Песмарица”, где произведения словенца Ловро Томана приводились кириллицей, затем в 1872 г. вышел обновленный вариант “Песмарицы” [29].

Намного более радикальны оказались воззрения Матвея Андреевича Ламурского. Его маленький поэтический сборник 1891 г. “Букет историй” способен прямо-таки очаровать русского читателя [30]. Напечатанные русским гражданским алфавитом (с элементами алфавита церковного) переводы на словенский язык из Пушкина, Мицкевича, Гете довольно гармоничны, музыкальны и вполне узнаваемы:

Глядим ко брезумный на чрнэ тэ шал
Ин хладнэ ми душэ разяда печал.
Кедар лехковерен ин млад сем ше был,
Грчанкэ сем младэ кай страстно любил...

Однако при всех своих достоинствах деятельность Ламурского – единичное явление в истории книги Словении. Аналогов ей не существует, если не считать предпринятое Ламурским же издание кириллицей сборника поэзии Ф.К. Прешерна “Баллады и романсы”. Н.И. Толстой связал появление “Букета историй” Ламурского с идеей “общеславянской азбуки” [31].

К концу XIX в. идея себя полностью исчерпала, и в начале XX в. наблюдаются последние всплески. Намного большую актуальность приобрели методы использования графических систем книгоиздания для манипуляции национальным сознанием.

Славянское книгоиздание дает примеры использования алфавита для решения великодержавных задач государств, охраняющих свои имперские интересы. Российское самодержавие поощряло попытки (не имевшие, впрочем, успеха) навязать русский алфавит своим польскоязычным подданным. Правительство разглядело привлекательность алфавитной реформы сразу после подавления восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском. Комиссией народного просвеще-

ния был издан ряд учебных пособий для начальной школы – на польском языке, но русским алфавитом с добавлением множества диакритических знаков (см., например: [32]). Разумеется, в польском обществе с его богатой и древней культурой не нашлось серьезных сторонников принятия русского алфавита.

Впервые же проект замены польского алфавита русским разработал президент Российской академии А.С. Шишков. В 1844 г. был создан Комитет по русификации польского алфавита. Вероятно, тогда же вышла в свет под грифом “секретно” без обозначения года издания анонимная брошюра “О предположениях заменить в польском языке латинский алфавит польской азбукой”. К данной анонимной публикации обращался Н.Ф. Яковлев при подготовке проекта латинизации русской письменности [33].

Не стоит думать, что объектом агрессивной русификации стали только поляки. По распоряжению генерал-губернатора Вильны М.Н. Муравьева (за свою деятельность он получил в народе прозвище “вешатель”) кириллицей издавались на территории Российской Империи в 1864–1871 гг. почти все литовские книги: буквари, религиозная литература, фольклорные сборники, календари [34]. Из-за преследования национального алфавита литовское книгоиздание вытеснялось за границы Российской Империи – в Пруссию. Официально запрет на литовскую латиницу был отменен только в 1904 г.

Государственная политика России выглядит печальным контрастом на фоне романтического увлечения русского общества изучением славянских языков в 1830–1850-х годах. Интересно, что профессор польского языка Главного педагогического института в Петербурге Петр Павлович Дубровский издал тогда хрестоматию “Образцы польского языка в прозе и стихах” [35]. В предисловии, обращенном к русским читателям, Дубровский совершенно искренне утверждал, что “только употребление поляками латинских букв препятствует, чтобы польский язык сделался для нас доступным”.

Вот, к примеру, отрывок из включенного Дубровским в хрестоматию стихотворения Ю.И. Крашевского:

О морже, сине морже! кто над це пенкнейши,
З вшистких Ствурцы обявен, кто венкши од тебе?
Ниц твых вдзенкув не згаси, велькосци не змнейши;
Пенкнес в обличу земи и пенкне прши небе,
И вельке, и огромне, як бы Буг це створжил,
Абы вечнось выставил, людзи упокоржил.

Безусловно, поэтическая жемчужина. Однако... Тот, кто в своем знании польского не продвинулся далее “проше пани”, вряд ли удивится тому, что лингвистический романтизм как поверхностное явление русской культуры оказался довольно быстро забыт, а непреодолимые различия между славянскими языками стали объективным фактором общественного сознания у всех славянских народов. Издания, подобные хрестоматии Дубровского, возникали только на гребне романтизма эпохи “славянской взаимности”.

Второе издание книги “Образцы польского языка в прозе и стихах” появилось в 1866 г., вскоре после подавления польского восстания. Историко-культурный контекст кириллического издания польских текстов в данном случае таков, что ни о каком языковом романтизме не может быть и речи. Но специальными сведениями об этом переиздании и степени его успеха мы не располагаем, так что все догадки останутся за рамками нашей работы.

Меж тем новоболгарский литературный язык в первой половине XIX в. только-только вступил в стадию оформления, с польским не сравнить. Идеальные условия для того, чтобы пышным цветом расцвели эксперименты в области орфографии и графики. В то страшное и прекрасное время возвышенных надежд и кровавых драм чуть ли не каждая книга вносила в болгарскую письменность что-то новое. Но от латинской письменности веяло чрезмерной новизной.

Первая же попытка применить латинскую графику к светской болгарской книге вызвала волну гневных отповедей. Это была попытка братьев Цанковых ввести принцип фонетического написания слов на основе латинизации письма [36].

Только не имевшая в Болгарии особого успеха миссионерская деятельность римско-католической церкви дала, кроме всего прочего, пример более или менее регулярного печатания книг на народном языке латинским шрифтом итальянско-венгерской графики. Некоторое влияние на Болгарию католический мир обрел, когда по Венскому договору 1615 г. Австрия добилась консульской юрисдикции над своими подданными в Стамбуле. В 1860 г. было провозглашено и признано Портой образование болгаро-униатской церкви. Римско-католические издания для болгар появлялись не только в 1840-х годах, когда не было самостоятельной болгарской православной церкви, а литературный язык еще только формировался, но и в 1870-х, когда православная церковь в Болгарии стала автокефальной, а литература вступила в свой классический период. В БАН хранится несколько болгарских римско-католических книг (см. [37]).

Впрочем, к собственно Болгарии часть опубликованных латинским шрифтом книг имела только косвенное отношение. Мы имеем в виду книги, предназначавшиеся банатским болгарам.

Представители местной интеллигенции банатских болгар (потомков переселившихся в Банат болгар-павликиан) в 1860-х годах кодифицируют нормы банатско-болгарского литературного микроязыка, теперь уже вымирающего. Религиозно-политическая обособленность от болгарского народа стала причиной применения банатскими болгарам исключительно латинского шрифта, но славянское самосознание привело к ориентации на хорватскую графику, в отличие от болгарско-римских католических изданий.

Банатско-болгарское книгоиздание началось в 1850-х годах. Первая грамматика появилась в 1866 г.; ее автором был Йозеф Рилл [38]. В БАН хранится также несколько книг плодовитого банатско-болгарского писателя и издателя Леопольда Коссилкова [39]. Кладезь для лингвиста – публикация Шотландским библейским обществом в 1899–1902 гг. перевода на “павликианский” язык Четвероевангелия и Апостольских деяний [40]. В 1930-х годах банатско-болгарское книгоиздание прекратилось.

Таким образом, болгарская книга – пример латинизаторской политики, в которой этнос выступает в одном случае объектом, в другом – субъектом латинизации.

Национальное возрождение в Белоруссии и на Украине заметно различалось по срокам, интенсивности и даже по накалу страстей. Соответствующим образом различается и история графических систем национального книгоиздания двух народов.

Различия в историческом и культурном багаже жителей западной и восточной Белоруссии, связанные с польской культурной традицией и сохраняющие свою силу до наших дней, вызвали к жизни феномен *внутриязыковой* трансли-

терапии. Самые яркие страницы белорусского национального возрождения связаны с деятельностью католической научной и творческой интеллигенции. Поэтому на начальном этапе национального возрождения (в 1830–1850-е годы) книги на белорусском языке публиковались только “латинкой”. Первым изданием новой белорусской печати считается “Краткое собрание христианской науки” [41].

Белорусская “латинка” в книгоиздании сохранялась скорее как особая религиозно-культурная традиция. Официально же латинский шрифт считался чем-то вроде “польской порчи” и вызывал крайне неприязненное отношение славянофилов и деятелей охранительного направления. Так, один из будущих лидеров петербургской славистической школы В.И. Ламанский выступил с газетной статьей, клеймящей попытки поляков распространять в Западном крае книги на местных языках, печатанные латиницей [42]. С 1860-х годов все большая часть национальной печатной продукции издавалась на белорусской кириллице.

Употребление одновременно и кириллицы, и латиницы продолжалось в Белоруссии вплоть до установления Советской власти. Более того, нормальным стало издание одного и того же текста сразу в двух вариантах – кириллицей и латиницей. “Параллельные” книги печатали крупнейшие белорусские центры книгоиздания – издательство “Заглянет солнце и в наше оконце” в Петербурге и типография Мартына Кухты в Вильне. В белорусской национальной библиографии эти издания считаются двумя самостоятельными единицами. Например, одна книжка по пчеловодству “Як рабіць добрыя рамовы вульлі”, другая – “Jak rabić dobryje ramowuje wulli”. В БАН хранится десяток таких пар. Общая картина этой внутриязыковой транслитерации достаточно точно отражена в фундаментальном библиографическом пособии “Книга Белоруссии” [43]. Необходимо отметить, что “параллельные” белорусские календари в предреволюционные годы очень существенно расходились по содержанию, отчетливо делясь на кириллические православные и латинские католические.

Однозначно ответить на вопрос, какая же графика лучше передает фонетические особенности белорусского языка, не представлялось возможным на том этапе развития белорусского языкознания. В СССР вопрос был директивно решен в пользу кириллицы, а эмигрантское книгоиздание пользовалось обеими графическими основами [44]. Но вот появилась на карте независимая Белоруссия – и вопрос снова считается открытым...

На Украине национальная книга находилась под цензурным прессом сразу двух империй. Австро-Венгрии сохранение национальной идентичности своих подданных-украинцев было невыгодно. Львов как культурно-политический центр Галичины не терял своего исторического значения и для Польши. Так что закономерно последовала попытка перевести западноукраинскую письменность на латинский шрифт польской графики. Реформа имела мощное лобби – со стороны государства и местной польской и полонизированной аристократии.

В 1835 г. внимание читающей публики привлекла первая книга на украинском языке, напечатанная польской графикой. Вообще-то, автор книги Иосиф Лозинский собирался печатать ее как положено, гражданским шрифтом кириллицы. Однако австрийский цензор – выдающийся филолог первой половины XIX в. словенец Ерней Копитар, известный своей крайней русофобией, – предложил Лозинскому напечатать книгу “польским алфавитом” (“абecedлом”).

Этнографический сборник Лозинского “Русинская свадьба” оказался своего рода языковой бомбой [45]. Развернулась полемика, которую латинизаторы ре-

шительно проиграли [46]. Пришлось отложить постановку украинской письменности на польские рельсы до лучших времен.

Но примеры использования польского алфавита в последующем западно-украинском книгоиздании действительно встречались. В БАН хранятся такие книги [47]. Было бы интересно сопоставить распространенность таких экспериментальных изданий в западноукраинских, восточноукраинских и польских библиотеках.

Украиноязычные подданные империи Габсбургов вполне отдавали себе отчет, что в вопросах алфавита стали объектом внутренней политики государства. В частности, международный резонанс получила “азбучная война” 1859 г. – новая попытка колонизации письма униатов Галичины.

В то же время нельзя утверждать, что галичане чурались латинского шрифта. В 1870–1880-х годах женевакской типографией украинских социалистов были напечатаны книги и брошюры М. Драгоманова, С. Подолинского, П. Мирного и других в характерной графике: использовались буквы “j”, “g”, не употреблявшиеся в украинском правописании ни до, ни после (если не считать одного альманаха 1841 г. [48]). В украинском собрании БАН таких – полтора десятка. Наиболее же вероятное объяснение – приверженность принципам правописания, изложенным в проекте М.А. Тулова [49], а опробованным и того раньше (например [50]). Текст, написанный по орфографии Тулова, выглядел следующим образом: “употреблялі все усіліја, чтобы результаты научнаго изследованіја языка применіть к практике правописанія”.

В качестве примера приведем фрагмент текста из брошюры М.И. Павлика “Открытое письмо к народу”: “Як не стало вже в краю мне, то на початку 1879-ого року Анну знов арештував косівський уряд за то, шчо, як мала сама признатися, роздавала льудім наші, і львівські, і женевакські соціалістичні книжки; шчо розказувала льудім і розказувати не перестане, шчо аби вся земля належна була на гурт до мужицьких громадів, аби вся громада гуртом робила коло ґрунту, а потім аби льуде ділилися тим, шчо вродиться і так далі” [51].

Несмотря на укорененность кириллической традиции, латиница находила своих приверженцев и среди украинцев Российской Империи. Например, книжка Спиридона Осташевского “Полсотни сказок” вышла в 1850 г. на белорусском варианте латиницы [52]. Но широкого распространения такая практика получить не могла. В 1859 г. Главное управление цензуры при Министерстве народного просвещения особым циркуляром запретило “печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку”, и указало “постановить правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, собственно для распространения между простым народом, печатались не иначе как русскими буквами”. Аналогичное решение вскоре последовало и в отношении белорусского языка (цит. по: [53. С. 65]). Два последующих издания книги С. Осташевского напечатаны уже кириллицей [54].

Революция 1905 г. смела все запреты, в том числе и алфавитный. В 1907 г. в Варшаве появляется анонимно изданный “Русинский букварь” для жителей украино-белорусского пограничья [55]. В нем предисловие, буквы и слоги предложены в двух параллельных вариантах – кириллическом и латинском, а тексты для чтения даны только латиницей. Приводим фрагмент предисловия: “Етий лемтар писан двоякими знаками, то ест литерами; на етой стороны литеры латински, а на тамтой російски. Латинскими литерами пишуть всі народи на світи: французи, англики, поляки, німци, американци і інши – російскими только

росіяни, то єсть москалі, і булгари. Хто знає латински литери, тому легче і заграничної мови научитиса. Так ви брати Полешуки вибирайте сами, яки литери вам ліпш сподобаються, і тими учитесь читати і писати. Помагай Боже!”.

Уже в советский период кириллицей и латиницей играли киевские авангардисты. Тогда они удивили литературные круги альманахом “Семафор в вероятность”, где часть текстов давалась на английском и французском языках, а кириллица и латиница для украинского языка употреблялись равноправно [56]. С большевистской прямотой подошел к проблеме С. Пилипенко: в 1923 г. в журнале “Красный путь” появилось его открытое письмо с призывом к украинцам переходить на латиницу, пока еще благоприятны условия для “интернационального единения” [57].

Хорватской культурной традиции очень близко понятие “общеславянского языка”. Одним из первых его разрабатывал еще в XVI в. Шиме Будинич, каноник из Задара. С его именем связан ранний пример печатания хорватской книги в двух вариантах – латиницей и кириллицей. В 1583 г. в римской типографии Доминика Бази увидел свет перевод сочинения немецкого богослова Петра Канизия “Сумма, то есть скупление или сабрание наука христіанскога” / “Summa, a to jest skupljenje ili sabranje nauka Christianskoga”, выполненный Шиме Будиничем. Век спустя – в 1697 г. – в Трнаве увидело свет еще одно “параллельное” издание сочинения Канизия, на этот раз “Кратка азбуковица” / “Kratka azbukvica”. Авторство перевода “Краткой азбуковицы” нам неизвестно.

Оба примера “параллельных” книг хорватского средневековья мы взяли в первом капитальном труде в области хорватской национальной библиографии, созданном Иваном Кукулевичем-Сакцинским [58]. Кириллические хорватские издания XVI–XVIII вв. Кукулевич описал отдельно. Так же отдельно описаны и глаголические издания. Это, пожалуй, важнейший случай акцентировки славянским библиографом графического разнообразия национальной книги.

Хотя сербы, в свою очередь, не оставались равнодушны к латинице, любые реформы в данной области требовали смелости и деликатности, так как затрагивали национальные чувства. Даже полный переход сербского книгопечатания к гражданской азбуке (“московским буквам”) взамен старой кириллицы растянулся почти на столетие из-за того, что русский шрифт казался чересчур приближен к латинскому начертанию.

Отсчет применения гражданской азбуки в сербском книгопечатании идет с 1766 г. (“Латинский букварь” Захария Орфелина). Но вплоть до середины XIX в. продолжалось сопротивление подозрительному шрифту, который, по мнению комедиографа Йована Стерии Поповича, “является какой-то необычной смесью, не то славянской, не то латинской” (цит. по: [59. С. 57]).

Осторожность, проявленная сербскими книжниками в вопросах графической основы книгоиздания, становится вполне понятна, если вспомнить примеры унификационной политики эпохи австро-венгерского йозефинизма: декрет Иосифа II о введении в сербских школах и в светском книгоиздании сербов простонародного “иллирского” языка и латинского алфавита по образцу Славонии (1779 г.) и попытка перевести печатание всех книг, предназначенных для православных сербов, с кириллицы на латиницу (1781 г.). Вследствие активного сопротивления сербской православной церкви запрет на кириллицу и славяно-сербский язык был отменен декретами 1784 и 1785 гг. [60].

Нетрудно догадаться, какая же буря разразилась в 1827 г., когда наперекор славяно-сербской традиции Вук Караджич включил в свой проект азбуки латин-

скую букву “j”, подходящую для правописания по фонетическому принципу “пиши как слышишь” [61].

В 1846 г. еще дальше пошел доктор медицины хорват Джура Аугустинович. В своей брошюре, защищающей этимологическое правописание, он в противовес новомодному тогда алфавиту Л. Гая употребляет особый алфавит собственного изобретения: латиницу с некоторыми сербскими буквами кириллицы. Получился в итоге такого рода текст: “Da se svašto onakvo kakvo jest, samo u svojoj cjelosti uzdržati može, to nam pokazuju najbolje srbli i rusi, koi su staroslavjansko narječje tako dugo srbili i rusili, dok nisu uvidili, da se moraju okaniti toga posla, i vratiti se k čistom staroslavjanskom narječju” [62. С. 26]. Позднее Аугустинович напечатал еще несколько брошюр с собственной орфографией.

В Хорватии в период возрождения и консолидации нации (период “иллиризма”) проблемы собственно письменности были не так остры, как проблемы выбора единого литературного языка. В стремлении сблизиться с единоплеменниками-сербами кайкавская интеллектуальная элита в 1830-х годах под руководством Людевита Гая дружно переходит на штокавщину, периферийную для Хорватии, но зато распространенную в Сербии и Боснии. Русский историк А. Ф. Гильфердинг так прокомментировал “алфавитный” аспект хорватского общекультурного процесса: “Хорватское наречие, употребляемое народом в Загребе и его окрестностях, было слишком бедно и неопределенно для того, чтобы оно могло сделаться языком литературным. Поэтому Гай принял сербский язык, но стал писать на нем латинскими буквами. Но чтобы не назвать этого языка Сербским, так как в этом имени народ привык заключать представление о православии, Гай придумал название *Иллирского* языка и *Иллирской* литературы. Литература эта сперва пользовалась особенным благорасположением австрийского правительства. Надеялись, что к ней присоединятся мало-помалу православные сербы наравне с сербами-католиками. Притом имели в виду возможность употребить здесь идею Славянства как полезное орудие” [63. С. 81].

Лучшие умы Хорватии не один год пестуют самостоятельный хорватский язык, а политическая воля хорватского народа создает им самые благоприятные условия (см.: [64]). Статья 12 хорватской Конституции, принятой 22 декабря 1990 г., гласит: “В Республике Хорватия официальным является хорватский язык и латинский алфавит”.

В 1890–1910-х годах в Сараеве для средней школы выпускались два комплекта учебной литературы – один на кириллице (для православных школ), другой на латинице (для католических и мусульманских школ). В БАН хранится полтора десятка таких пар. Таким образом, боснийское книгоиздание – еще один, наряду с белорусским, пример внутриязыковой транслитерации. Не относимая ни к Сербии, ни к Хорватии, Босния словно бы ставилась перед выбором.

Логика исторического развития такова, что складывавшийся в Боснии этнос обрел уверенность в собственных национально-языковых правах. С конца XIX в. некоторые ученые – среди них был и такой авторитетнейший филолог, как Ватрослав Ягич – исходят из того, что боснийцы не просто отдельная нация, но и говорят на самостоятельном боснийском языке. К нашей теме это не имело бы отношения, если бы отсчет “самостоятельного плавания” боснийского языка не велся от изданной в Сараеве в 1890 г. книги “Gramatika bosanskoga jezika” (см.: [65]).

Оказывается, боснийская грамматика была издана в качестве учебника для средней школы. Соответственно, детям предлагался не только латинский, но и *кириллический* вариант. Кириллическое издание впервые вышло в свет в том же 1890 г., в 1898 г. было переиздано, оба издания имеются в БАН [66]. Вариант на латинице представлен в БАН третьим изданием [67].

Остается только добавить, что международный формат обмена библиографическими записями UNIMARC сохраняет понятие единого языка для всего сербо-черногорско-боснийско-герцеговинско-хорватского ареала, делается только различие между кириллицей и латиницей (см.: [68]). Как-либо акцентировать алфавитные книгоиздательские эксперименты в современной библиографической практике не принято.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Purkyně J.* O prospěšnosti všeobecného rozšíření latinského způsobu psaní v oboru jazyka slovanského // *Časopis Českého museum.* Praha, 1851. Roč. 25. Sv. 1.
2. *Purkyně J.* O korzyściach z ogólnego rozprzestrzenia łaacińskiego sposobu pisania w dziedzinie języków słowiańskich / *Przeł. z czes. J.I. Nieciśław Baudouin.* Warszawa, 1865.
3. *Головацкий И.Ф.* Русская книга для чтения. Часть поэтическая. Вена, 1860.
4. *Alexander J.V.* Prvá ruská čítanka pro český lid. Díl. 1. (Písmem latinským). Praha, 1905.
5. *Velegradskij věstnik: Žurnal dlja rasprostranjenja stremljenija k soedineniju cerkvej.* Praga, 1909–1912. God. 1–3.
6. *Кемпийский Th.* O podražanii Hristu. Praha, 1911.
7. *Троицкий С.* [Рец.] // *Странник.* СПб., 1909. Апрель.
8. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.
9. *Bidwell Ch.E.* The Language of Carpatho-Ruthenian Publications in America. Pittsburg, 1971.
10. *Кадинский К.М.* Преобразование и упрощение русского правописания. СПб., 1857.
11. *Кадинский К.М.* Uproscenie ruscoi grammatichi. СПб., 1842.
12. *Тихомиров В.В.* Novaja ruskaja azbuka. М., 1914.
13. *Езерский Ф.В.* Народная русская азбука из 24 букв, как и в латинск., взамен 36: В 3-х ч. СПб.: М., 1914; *Езерский Ф.В.* Австрийский и русский универсальные общенародные алфавиты и русская народная азбука (она же общенародная). Пг.: М., 1915.
14. *Костюк А.* Оригинальный проект нового русского алфавита. Киев, 1916.
15. *Материалы по вопросу о латинизации русской письменности // Культура и письменность Востока.* Баку, 1930. Кн. 6.
16. *Попов Н.А.* Вопрос об общеславянской азбуке // *Современная летопись: Воскресные прибавления к “Московским ведомостям”.* М., 1865. № 39; *Гильфердинг А.Ф.* Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб., 1871; *Кулаковский П.А.* Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке // *Мефодиевский юбилейный сборник, изданный Имп. Варшав. ун-том к 6 апр. 1885 года.* Варшава, 1885; *Таубе М.Ф.* Всеславянская азбука // *Славянский век.* Вена, 1902. Год 3. № 53.
17. *Puchmír J.* Práwopis Rusko-český. Praha, 1805; *Puchmír J.* Práwopis Rusko-český. Praha, 1851.
18. [*Срезневский И.И.*] Русско-чешское правописание Я. Пухмира // *Известия Имп. Акад. наук по Отд. рус. яз. и словесности.* СПб., 1852. Т. 1.
19. *Jezbera F.J.* Ruská abeceda tisková i psací (tyň nadpis český éž písmem cyrilským). Praha, 1861.
20. *Jezbera F.J.* List ke všem kněžím, učitelům, spisovatelům a umělcům slovanského jazyka o tom, jak-ž tisíciletá upomínka na blahodárné působení prvoučitelů v slovanských Kyřila a Methoda roku 1863 důstojně zasvětití se měla. Praha, 1861.
21. *Иезбера Ф.И.* Ке вшем слованским племенум. Praha, 1865; *Иезбера Ф.И.* Поводнї зпевы а бáсне. Чáсть првнї. Прага, 1861; *Иезбера Ф.И.* Стихотворения, на чешском наречии написал, латинским и русским или всеславянским письмом издал Ф.И. Иезбера. Часть вторая. Прага, 1865; *Никитин И.С.* Русь / На чеш. яз. перевел, с нем., лат., рус. или общеслав. правописанием и вместе с оригиналом издал Ф.И. Иезбера. Praha, 1871.
22. *Kaxpar J.* O spisovně gěchi české a vzájemnosti slovanské ve století XX. Praha, 1900; *Jokl F.* Выщвик ве чтенї писма руского, србского а булгарского на текстех чешких. Brno, 1902.
23. *Rotar J.* Slovenski avtorji in cirilica // *Jezik in slovstvo.* Ljubljana, 1987–1988. L. 33. Št. 3.

24. *Dajnko P.* Lehrbuch der Windischen Sprache. Crätz, 1824.
25. *Metelko F.S.* Lehrgebäude der Slowenischen Sprache im Königreiche Jlyrien und in den benachbarten Provinzen. Laibach, 1825.
26. *Плотникова О.С.* Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
27. *Dajnko P.* Čelarstvo, ali celb novi. Gradec, 1831; *Šmid K.* Evstahi. Ljubljana, 1832; *Šmid K.* Nedolžnost preganjana in poveličana. Ljubljana, 1832; *Potočnik B.* Sveete pesmi za praznike in godove med letam. Ljubljana, 1832; *Šerf A.* Pad no zdig človeka... Radgonj, 1832.
28. *Majar M.* Pravila kako izobraževati ilirsko narečje i u obče slavenski jezik. Ljubljana, 1848; *Majar M.* Узајемни правопис славјански, то је Узајемна словница али мљвница славјанска. Prag, 1865.
29. *Pěšmarica / Na světlo dal J.R. Razlag.* Gradec, 1863; *Pěšmarica / V drugič in pomn. na světlo dal J.R. Razlag.* Maribor, 1872
30. *Ламурский М.А.* Кितिца повестиц. Трст, 1891.
31. *Толстой Н.И.* О последней попытке применения “общеславянской азбуки” к словенскому литературному языку // Проблемы современной филологии. М., 1965; *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
32. Грамматыка ѣзыка польскаго... на кл. 1. СПб., 1866; Крутки збюръ хисторіи старѣго і новѣго тестаменту. Варшава, 1866; Початкова наука арытметыки. Варшава, 1866; Хрѣстоматія вейска чили збюръ выписовъ з рѣжныхъ польскихъ ауторѣвъ. Варшава, 1866.
33. *Яковлев Н.Ф.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Кн. 6.
34. *Балтрамайтус С.* Список литовских и древнепрусских книг, изданных с 1553 по 1903 год. 2-е изд. СПб., 1904.
35. [*Dubrowski P.*] Образцы польского языка в прозе и стихах, для русских изданные П. Д. СПб., 1852.
36. *Cankof A., Cankof D.K.* Grammatik der Bulgarischen Sprache. Wien, 1852.
37. [*Арабаджиски П., Яковски Я.*] Nauka kristianska za Kristianete od Filibeliskata darxiava. Rim, 1844; [*Канова А.*] Istoriceski povesti po kraji bolgarskoto obrasceni na kristianskata vera. [Цариград, 1860?]; *Цецилио.* Bogomilniat xivot sanki nauki i molitvi. Rim, 1877; [*Едоардо от Торино.*] Nauki od sveti Francisko od Sales i od blaxen Egidio i drugih dobri raboti od kristianski xivot. Rim, 1878.
38. *Rill J.* Bâlgârskutu právupisanji. Pěšt, 1866.
39. *Kauk R., Kossilkov L.* Evangeljite za sate nedeli i práznici prez gudinata, detu za čarkovnu háznuvanji i kaštna-pubožu balgarscia jazic. Timišvar, 1876; *Kossilkov L.* Najpotrebitutu znájenji ud Novata metermëra za bâlgârscijâ nárud. Timišvar, 1875; *Glász F.* Vazdiganji na duha kântu Boga / Izd. ud Leopold Kossilkov. Timišvár, 1887; *Kossilkov L.* Dugáždinata ud Madžárskata Dařzâvina. Perjâmus, 1891.
40. Ud Novija Testament Matijvotu Evangjeli. Budapěšt, 1901; Ud Novija Testament Markvotu Evangjeli. Budapěšt, 1901; Ud Novija Testament Lukvotu Evangjeli. Budapěšt, 1899; Ud Novija Testament kiniga ud sveti Luka pisana ud rabotite na apuštolete. Budapěšt, 1902.
41. Krótkie zebranie nauki Chrzęścianskiej: Dla wieśniaków mówiacych językiem polsko-ruskim wyznania Rzymsko-katolickiego. Wilno, 1835.
42. *День.* М., 1861. 21 октября.
43. Книга Беларусі, 1517–1917: Зводны каталог / Сост. Г. Я. Галенченко и др. Минск, 1986.
44. *Kineli B., Kineli Z.* Беларуски друк на Захадзе // Беларуска = Albaruthenica. Минск, 1995. Кн. 5.
45. *Łoziński J.* Ruskoje wesile, opisanoje czerez J. Łozińskoho. Peremysł 1835.
46. *Левицкий И.* Odpowiedz na zdanie o zaprowadzeniu abecadła polsk. do piśmiennictwa ruskiego // Rozmaitości Lwowskie. Lwów, 1834. № 29 и отд. отт.: [*Ша шкевич М.*] Азбука і Abecadło: Uwagi nad rozprawą o wprowadzeniu Abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego, napisaną przez ks. J. Łozińskiego. Przemysł, 1836.
47. Abecadnyk dla ditej ruskich. Lwow, 1867; [*Гуглинський В.*] Dola Marusi: Piśnia M. Czajki. Krakow, 1893; *Szewczenko T.* Marija maty Isusowa: Z uwahamy M. Drahomanowa. Żenewa, 1882.
48. *Корсун А.* Снїл: Украинський новорочник. Рїк 1. Харків, 1841.
49. *Тулов М.А.* Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке: Пособие для обучающихся русской грамоте. Киев, 1874; *Тулов М.А.* О малорусском правописании // Филологические записки. Воронеж, 1879. Вып. 4/5.
50. Громадський друг: Місячник літературний і політичний. Рїк 1, кр. 1 (за місяць цвітень). Львів, 1871.
51. *Павлик М.* Друковани лист до льудей. Женева, [1880].

52. *Ostaszewski S.* Piū kopy kazok dla weseliho Mira. Wilno, 1850.
53. *Миллер А.И.* “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
54. *Осташиевский С.* Пиу сотни казок для веселых людей. Киев, 1869; *Осташиевский С.* Пів копи казок для веселого міра. Львів, 1910.
55. *Rusinsky Ľementar / Napysau Staryj Hospodar.* Warszawa, 1907.
56. *Semafor u Majbutn'e: Aparat Panfuturystiv.* Нумер перший. Київ, 1922.
57. *Pylypenko S.* Odvertij lyst do vsix, xto cikavyt'sja cijeju spravoju // Червоний шлях. Харків, 1923. № 6/7.
58. *Kukuljević-Sakcinski I.* Bibliografija hrvatska. Dio 1: Tiskane knjige. Zagreb, 1860.
59. *Радойчиич Г.С.* Отражение реформ Петра I в сербской письменности XVIII в. // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966.
60. *Дмитриев П.А., Сафонов Г.И.* Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975.
61. *Караџић В.С.* Први српски буквар. Беч, 1827.
62. *Аугустинович Ђ.* Misli o ilirskom pravopisu s tablicom glagolski i ćirilski slovah. Веč, 1846.
63. *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. Статьи по современным вопросам славянским. СПб., 1868.
64. *Багдасаров А.Р.* Социально-политические аспекты функционирования лексической системы современного хорватского языка (90-е годы XX века) // Славяноведение. 2001. № 1.
65. *Невекловский Г.* Языковое состояние на территории распространения бывшего сербохорватского языка // Славяноведение. 2001. № 1.
66. Граматика босанскога језика за средње школе. Дио I и II. Наука о гласовима и облицима. Сарајево, 1890; Граматика босанскога језика за средње школе. Дио I и II. Наука о гласовима и облицима. Сарајево, 1898. 2 изд., преглед.
67. Gramatika bosanskoga jezika za srednje škole. Dio I i II. Nauka o glasovima i oblicima. Sarajevo, 1903. 3 izd., nepronijen.
68. Российский коммуникативный формат представления библиографических записей (Российский вариант UNIMARC). Книги и сериальные издания. СПб., 1998.

© 2006 г. Е. Ю. ИВАНОВА

Артиклевая маркированность предикативной именной группы в болгарском предложении: ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА

При изучении биноминативного предложения в артиклевых языках неизбежно встает вопрос о том, каким образом его семантика соотносится с артиклевой маркированностью послесвязочной именной группы (далее ИГ) [1, 2, 3 и др.]. Материал болгарского языка, в котором категория определенности/неопределенности имеет статус эксплицитной, демонстрирует ряд интересных закономерностей. Прежде чем обратиться к ним, кратко представим ситуацию, сложившуюся на данный момент в болгарской лингвистике в вопросе о значении различных артиклевых показателей в предложении.

Определенной форме имени, маркированной определенным артиклем, противостоят в болгарском две другие формы, несущие значение неопределенности. Это форма с нулевым артиклем (общая форма имени) и форма с неопределенным местоимением-артиклем *един*. Артиклевый статус *един* не признан однозначно в болгарском языкознании, хотя исследования свидетельствуют о близости ряда его функций к функциям неопределенного артикля в западных языках [4, 5, 6 и др.]. Как верно замечено Н.Котовой и М.Янакиевым, сдержанность болгарских лингвистов относительно утверждений о наличии в болгарском языке неопределенного артикля во многом объясняется отсутствием полярного противопоставления определенный/неопределенный артикль [7. С. 444].

Действительно, в сфере выражения значения неопределенности общая форма имени в болгарском языке гораздо более активна, чем во многих других артиклевых языках. Именно **общая форма** имени в болгарском наиболее отчетливо противостоит определенной как обращенная не к денотативному, а к сигнификативному аспекту семантики слова. Так, именно в общей форме обычно (об особых случаях см. далее) выступает существительное в предикативном употреблении: *Стоян е ученик; Петър отиде войник*. Нулевой артикль используется и при неопределенно-референтных ИГ (*На дървото кацна врана; В стаята влезе дете*), и при нереперентных ИГ (*Той търси нова секретарка*)¹. Более того, общая форма имени не исключает в отдельных случаях и трактовки ее как

Иванова Елена Юрьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Заметим, что некоторые болгарские лингвисты (напр. [8. С. 146]) соотносят нереперентность именных выражений с предикативным использованием ИГ, в то время как в отечественной терминологии нереперентные ИГ – часть термовых употреблений, а предикативными называют ИГ, которые означают свойство и вообще не соотносятся ни с какими объектами [9. С. 86].

слабоопределенной (специфически неопределенной), как, например, в *На дървото кацна врана, която се въртеше тук от сутринта* [6. С. 36, 10. С. 6]. Особое мнение высказывается В. Станковым, утверждающим, что в болгарском языке роль системного морфологического средства для выражения специфической неопределенности играет неопределенный артикль *един*, а для неспецифической неопределенности – нулевой артикль, причем употребления типа *На дървото кацна врана, която се въртеше тук от сутринта; Дойде момче, за което вчера ти говориш* трактуются как неграмматичные [11. С. 18]. Последнее положение не представляется бесспорным в свете результатов тестов носителей языка [12. С. 43–44], см. также наблюдения М Лаковой [13. С. 153–154] и Х. Стаменова [6. С. 36].

Оказывается безуспешной и попытка выявить некое инвариантное значение **формы с *един***. По крайней мере в ИГ четырех денотативных статусов (предикатных, референтных, экзистенциальных, родовых) употребление *един* имеет свои специфические закономерности [14], которые, впрочем, претерпевают существенные изменения даже в рамках нескольких десятилетий, см. об этом [10. С. 11].

Если говорить только о непредикатных употреблениях ИГ (о предикатных см. далее), то можно выделить два основных лексико-семантических варианта *един*, как это представлено, например, в [15]:

а) *един* как показатель неспецифической неопределенности, выражающий двустороннюю неидентифицированность референта: *Гледаше през прозореца как едно момиченце весело скача на въже; Измислете за утре вечер едно хубаво заведение с музика²*;

б) *един* как показатель специфической неопределенности (слабоопределенный денотативный статус), выражающий возможность, но нежелание адресата идентифицировать референта для слушающего: *Подариха ми една книга за птиците, която се оказа доста скучна; Измислих за утре вечер едно хубаво заведение с музика*.

Как видим, область специфической и неспецифической неопределенности обслуживается и общей формой, и формой с *един*. В большинстве случаев эти формы не являются взаимозаменяемыми: употребление общей формы имени предполагает обращенность к сигнификативным компонентам семантики слова [16, 6, 11, 8 и др.]. Существуют, однако, “непрозрачные” контексты, где четкие различия отсутствуют [12].

Какие же артиклевые показатели используются в послесвязочной именной группе болгарского биноминативного³ предложения и как они отражают его семантику?

Следует ожидать, что в биноминативных предложениях с характеризующим значением, в которых объекту приписывается некоторый признак, будет представлена безартиклевая форма имени, а в идентифицирующих (отождествляющих) предложениях – форма с определенным артиклем, указывающая на соотнесенность с конкретным референтом. Но, как мы увидим далее, определенная форма имени не всегда свидетельствует о референтном статусе ИГ.

² В отечественной лингвистике принято различать подобные употребления: первое предложение включает неопределенно-референтную ИГ, второе – нереферентную (экзистенциальный неконкретный денотативный статус), см. [9. С. 94].

³ Разумеется, по отношению к болгарскому языку, не обладающему системой именных падежных окончаний, термин “биноминативное предложение” применяется условно – для обозначения связочных предложений с ИГ, не имеющими грамматических показателей подчинения (предлогов, краткого определенного артикля), см. [1].

Что касается неопределенного артикля, то общеязыковые правила его употребления гласят, что в предикативной позиции появление един может быть связано только с интенсифицирующим или усредняющим значением высказывания: *Той пък един софиянец!*; *Тя е една жена, не е за приказване!*; *Той е един учител и нищо повече* [13 и др.], в то время как в элементарных таксономических высказываниях един не используется или, по крайней мере, не является “естественным” [5. С. 198], например *Това е една чанта*; *Това е една жена*. Оказывается, однако, что в языковой практике употребление *един* в реме биноминативных предложений классифицирующего значения – довольно распространенное явление [17].

Рассмотрим, с чем связаны эти “нарушения” языковых правил.

Общая или определенная форма?

Итак, обычно в предложениях характеристики, в том числе таксономической, вторая ИГ употребляется в общей (безартиклевой) форме, имея предикатный дентативный статус: *Ели беше мъничко, страхотно добре възпитано дете* (З. Евтимова); *Стаята, в която влезе, бе салон* (Д. Димов); *Всъщност черната точка, която Пейчо видя, бе орлица* (Д. Кралев). Послесвязочные ИГ в предложениях идентификации, будучи конкретно-референтными, как правило, оформляются определенным артиклем: *...предпазливо повдигам главата на мъртвия*. *Това е дебелият с прошарената брадичка от буика* (Б. Райнов); *Още една физиономия нещо ми напомня – тази руса брада*. *Преди това беше с провиснал пуловвер*. *Да, това е колелата, които се изказва на семинара в Банкя и с които май нещо се поспречкахме в малките часове* (Д. Стоилов). Ср. ИГ в референтном употреблении, отсылающем к предшествующему знанию, и в предикатном употреблении, указывающем только на признаки класса: *Аз съм соколът, що ме ти хвана, но се превръщам, аз съм наистина момче* (нар. сказка).

Тем не менее определенная форма имени не во всех случаях категорически указывает на конкретно-референтный статус ИГ, т.е. на отождествляющее значение. Существует ряд лексико-синтаксических употреблений ИГ (конструкции с превосходной степенью, с релятивными существительными и др.), при которых возможно артиклевое оформление послесвязочной ИГ вне идентифицирующего значения: *Ели беше най-старателното момиче в цялата английска гимназия* (З. Евтимова); *А мама, мисля си... ще е най-хубавата жена на света* (А. Гуляшки); *Големия Жан е моят шивач* (П. Вежинов); *Папа е първият ѝ съпруг* (П. Антоу).

Болгарский лингвист К. Илиева предположила, что в подобных случаях имеют место отношения спецификации, вычленяющие единичное или особенное в рамках общего. По коммуникативной цели они близки к характеризующим, однако содержат на одно “интеллектуальное действие” больше: в них совершается выбор из класса, что и фиксируется определенной формой артикля при второй ИГ [1. С. 41] (ср. *Адвокатът бе единственият богат човек в килията*). Единичность выбора, преобразуя отношения включения в класс в отношения равенства между классами, ведет, по мнению исследователя, к формальному и семантическому сближению отношений спецификации и отождествления. Определенный артикль при этом считается “сигналом репрезентации внеязыкового объекта” [1. С. 49], что означает признание референтного употребления такой “специфицирующей” ИГ.

Между тем вопрос о статусе единичных дескрипций в реме связочных предложений не раз поднимался современной лингвистикой при разборе примеров типа *Наполеон был величайшим полководцем Франции*; *Мистер Джон – мой учитель музыки*; *Нестор – отец русской истории*; *Анна – самая красивая де-*

вушка города; *Эта женщина – его жена* [18. С. 56, 19. С. 296, 20. С. 310–311, 21. С. 306, 22. С. 152–153]. Большая часть подобных употреблений связана с выражением релятивных и суперлативных отношений. Такие ИГ, в отличие от идентифицирующих, оказывается возможным преобразовать в конструкции с глаголами и прилагательными, соотносительными по смыслу с данными дескрипциями: *Эта девушка оказалась учительницей музыки. – Оказалось, что эта девушка преподает музыку (учит музыке); Анна – самая красивая девушка в городе. – Анна красивее, чем все другие девушки города.* Характеризующие предложения со многими релятивами допускают трансформацию притяжательных местоимений в личные, что приводит к разрушению определенной дескрипции [20. С. 311]: *Она его сестра. – Она ему сестра*, ср. и болг.: *Байрактъ ни е водачът, без него сме като без ръце* (Л. Стоянов); *Аз му бях най-старият познат* (М. Радев); *Леля Роза по-скоро ми е кака, а не леля* (А. Гуляшки)⁴.

Роль референциальных маркеров идентификации играют и глагольные категории, указывающие на определенность действия, ср. (1) идентифицирующее *Излизам навън. Децата не се разбягват. Та това е добрият чичо, който им даде химикалките* (В. Цонев) с использованием аористой формы глагола изъявительного наклонения и (2) характеризующее предложение *Трябва да се обърнете към специалист. Той е човекът, който най-правилно ще прецени от какви точно грижи се нуждае вашият тип кожа* (газ.), где нет глагольных показателей определенности [24–27].

Итак, ИГ с определенным артиклем могут иметь характеризующее значение, если сообщают новую, дополнительную информацию о субъекте, и идентифицирующее, если соотносят с известным объектом.

Общая форма или форма с неопределенным артиклем?

Правила употребления болгарского *един* в функции неопределенного артикля предполагают, что *един* не может появиться в предикативной ИГ таксономических предложений. Тем не менее, как было сказано выше, в языке фиксируются ИГ с *един* в реме биноминативного предложения. На фоне нормативно немаркированной предикативной ИГ прибавление *един* служит для создания высказываний со значением уподобления или особого рода классифицирования: *Всеки край е едно ново начало* (Б. Балабанов); *Историята е едно пътуване сред развалините на най-превъзходното* (С. Игов); *Хора с мрежи, хора без мрежи... Сърцето на моя град всъщност е един тесен коридор за всякъде* (Б. Биолчев); *Емиграцията е едно неуморно, едно доживот сверяване и пресверяване на ценностите* (журн.). Использование неопределенного артикля в подобных случаях объясняют влиянием западных языков, прежде всего немецкого и французского, или же считают привилегией речи интеллигенции [11. С. 21]. Признание вторичного, заимствованного характера данного явления не исключает того факта, что употребление *един* при ИГ в предикативной позиции развилось на основе одной из существующих функций лексемы *един* – функции вы-

⁴ Та же проблема различения идентифицирующего и характеризующего значений встает и при анализе ИГ, которые снабжены иными, помимо определенного артикля, маркерами детерминации. Так, в болгарском языке многие названия родственников, сопровождаемые краткими притяжательными местоимениями, не присоединяют определенный артикль (*Това е жена му/майка ѝ/сестра ѝ* и др.). И в этих случаях вопрос решается определением того, является ли целью высказывания “возведение к известному” [23. С. 442] или сообщение сведений о тех или иных родственных отношениях между лицами, хотя не во всех случаях возможно однозначно определить прагматическую установку говорящего, например: *Отворих очи и подскочих като ужасен – над главата ми стояха надвесени десетина хлапета, които с любопитство ме разглеждаха. Дъщеря ми се изтъчи, посочи ме с пръст и каза: – Това е баща ми!* (В. Цонев).

деления, вычленения представителя класса. Эта семантика неопределенного артикля, свойственная многим языкам, в предикативной позиции реализуется как вычленение объекта в класс, задаваемый ИГ. В болгарском языке таксономическое значение ИГ с *един* возможно лишь при наличии правого распространяющего контекста, берущего на себя всю информативную нагрузку: *Така за първи път видях Лена. Това е една жена, която създава мечтание* (М. Радев). Здесь особенно очевидна известная функция неопределенного артикля как указателя на “постинформацию” [28. С. 377–378], так как коммуникативным центром высказывания является содержание вторичной предикации.

Проявленность таксономического значения не одинакова при разных по степени семантической усложненности опорных субстантивах в ИГ. При существительных родовой или обобщающей семантики таксономическое значение реализуется в элементарном виде: подведение под класс с возможным последующим сужением класса посредством различных определителей, как в примере выше. По мере усложнения семантики существительного эта функция все более трансформируется в сторону характеризующего значения⁵. С помощью *един* обыгрываются различные нюансы в самом акте выделения в класс, подчеркивается индивидуально авторская интерпретация класса. Тем самым приписывание признака происходит по принципу уподобления, сравнения: *Бележките на баща ми са една живописна мозайка, в която има всичко* (А. Гуляшки); *Казват, че всяко заминаване е едно умирање* (Б. Райнов). Присоединение *един* маркирует, по сути, отсутствие автоматизма при подведении под понятийный класс, некоторую условность, некатегоричность обозначения класса.

Благодаря этому *един* может отражать само замедление речемыслительного процесса и в такой функции являться заполнителем коммуникативной паузы при подборе нужных слов для обозначения класса, к которому будет отнесен объект характеристики. Вот, например, как зафиксирован поиск подходящего выражения Й.Радичковым, который рассуждает о позиции многих писателей в период культа личности: *Това е едно... едно падане на колене, едно отстъпление* (“Пламяк”. 1990. № 9). Помимо многоточия, *един* может сопровождаться другими словами и конструкциями, показывающими, что отнесение к классу, обозначенному предикативной ИГ, идет условно, с некоторым интеллектуальным напряжением: *така да се каже, бих го нарекъл, изобщо казано* и др. Соответственно в русском языке на месте такого *един* используются различные обороты, которые служат оговоркой о необычности совершаемой таксономии или указывают на последующее уподобление (*так сказать, своеобразный, своего рода, что-то вроде, этак* и под.). Ср. и другие возможности перевода: *Бракът ни се е оказал едно малко корабкрушение* (Б. Райнов) – ...*Наш брак чем-то напоминает маленькое кораблекрушение* (А. Собкович).

Биноминативное предложение – это конструкция, которая может представлять различные семантические типы предложений (характеризующие, идентифицирующие, таксономические), и для каждого из них характерна та или иная артиклевая маркированность послесвязочной именной группы. Однако при определении семантики данной конструкции опора только на артиклевые показатели недопустима, так как семантико-прагматические установки говорящего и правила употребления артиклей не совпадают в полной мере.

⁵ Ср. выделение категоризирующего и характеризующего значения неопределенного артикля в английском языке [29. С. 79].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Илиева К.* Биноминативни изречения и прагматика. Пловдив, 1996.
2. *Адмони В.Г.* Введение в синтаксис немецкого языка. М., 1955.
3. *Супрун А.В.* Грамматика и семантика простого предложения (на материале испанского языка). М., 1977.
4. *Рачева Т.* Членуването на една семантична група съществителни имена в ролята на сказуемо определение в немския и българския език // Съпоставително езикознание. 1984. Кн. 2.
5. *Станков В.* За категорията “неопределеност на имената” в българския език // Български език. 1984. Кн. 3.
6. *Стаменов Х.* За употребата на “един” като показател за неопределеност в българския език (в сравнение с английски) // Език и литература. 1985. № 3.
7. *Котова Н., Янакиев М.* Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М., 2001.
8. *Станков В.* Семантични особености на категорията “неопределеност на имената” в българския език // Проблеми на граматичната система на българския език. София, 1995.
9. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.
10. *Ухлиржова Л.* Българското “един” като експонент на неопределена референтност (в съпоставка с руския и чешкия език) // Съпоставително езикознание. 1992. Кн. 6.
11. *Станков В., Иванова М.* За неопределените имени синтагми, изразяващи специфичност/неспецифичност // Български език. 1989. Кн. 1.
12. *Кабакчиев К.* Отново за разновидностите на неопределеността в българския език: концептуална неадекватност, терминологична непоследователност и други проблеми // Съпоставително езикознание. 1990. Кн. 6.
13. *Лакова М.* Семантиката на въпросителното местоимение “един” във връзка с категорията “определеност/неопределеност” в съвременния български книжовен език // Въпроси на съвременния български език и неговата история // Изв. на Ин-та за български език. 1983. Кн. 25.
14. *Иванова Е.Ю., Коваль С.А.* Болгарское “един” с точки зрения референциального анализа (научно-методический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, яз., лит. 1994. Вып. 4.
15. *Зидарова В.* Неопределителното местоимение “един” – семантика и контекст // Юбилейна научна сесия: Сборник доклади. 8–10 ноември 1996. Пловдив, 1996.
16. *Георгиев С.* Лексико-морфологическа модификация на първичното числително *един* в съвременния български език // Български език. 1967. Кн. 2.
17. *Иванова Е.Ю.* Неопределенный артикль как маркер высказываний с таксономическим значением // Научни трудове/Пловдивски Университет “П. Хилендарски”. Т. 32. Кн.1: Филология. 1994.
18. *Стросон П. Ф.* О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982.
19. *Куно С.* Некоторые свойства нереперентных именных групп // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982.
20. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
21. *Арутюнова Н.Д.* Номинация и текст // Языковая номинация. Т.2: Виды наименований. М., 1977.
22. *Падучева Е.В.* Предложения тождества: Семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория. М., 1987.
23. *Вайс Д.* Высказывания тождества в русском языке: опыт их ограничения от высказываний других типов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15: Современная зарубежная русистика. М., 1985.
24. *Penčev J.* Uwagi o nieokreślonych grupach imiennych w języku bułgarskim // Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. Tom 2: Prace Slawistyczne. 1987. No. 59.
25. *Kabakčiev K.* Verkuyl's compositional aspects and aspect in the Slavonic languages // Linguistique balkanique. 1984. № 1.
26. *Кабакчиев К.* Вид, време и разновидностите на неопределеността в българския език // Български език. 1986. Кн. 3.
27. *Лакова М., Гаргов Г.* За категорията “определеност/неопределеност” като семантико-прагматична категория // Език и литература. 1985. № 2.
28. *Вайнрих Х.* Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М., 1978.
29. *Варшавская А.И.* Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка). Л., 1984.

© 2006 г. О. В. СОКОЛОВСКАЯ

ПИСЬМА КАПИТАНА 1-ГО РАНГА М.Ю. ГАРШИНА
К КОРОЛЕВЕ ЭЛЛИНОВ ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ
РОМАНОВОЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Королева эллинов была урожденной великой княжной Ольгой Константиновной Романовой (1851–1926), старшей дочерью великого князя Константина Николаевича (1827–1892) и внучкой императора Николая I (1796–1855). Уже в шестнадцатилетнем возрасте она была повенчана с молодым греческим королем Георгом I (1864–1913). Ольга – родоначальница последней греческой королевской династии, мать двух дочерей и пятерых сыновей. В течение полувека Ольга Константиновна Романова была в Греции, как говорили ее друзья, “образцом королевы по долгу”, но всегда оставалась горячей русской патриоткой [1].

Одной из ниточек, связывавших греческую королеву с Россией, были многочисленные русские корабли, часто заходившие в те годы в греческий порт Пирей. Специально для российских моряков в 1902 г. в Пирее Ольгой Константиновной на деньги императора Николая II был построен Русский госпиталь, где принимали на лечение раненых в русско-японскую войну моряков с возвращавшихся на родину кораблей.

В 1905 г. среди них оказался тяжело раненый молодой мичман Михаил Гаршин, племянник известного русского писателя. Вскоре Ольга Константиновна горячо привязалась к Гаршину, который на всю оставшуюся жизнь стал для нее еще одним сыном. “Подумай, – писала она брату, великому князю Константину Константиновичу, – его так искалечили в Порт-Артуре за нас, сидящих дома, за нашу беззаветно любимую общую родину. Он для меня святыня и что-то такое удивительно близкое, родное” [2. Ф. 660. Оп. 2. Д. 235. Л. 93].

Михаил Юрьевич (Георгиевич) Гаршин родился 23 сентября 1882 г. Он происходил из семьи потомственных дворян Харьковской губернии, был воспитанником Морского кадетского корпуса, который окончил в 1903 г. Боевое крещение он получил при обороне Порт-Артура, где был тяжело ранен в голову, а за храбрость, проявленную в сражениях, награжден орденами. После нескольких операций, сделанных ему в Русском госпитале, в 1906 г. Гаршин отправился в Россию и вновь был направлен на службу во флот, которую он нес с честью до 1908 г., когда его здоровье сильно ухудшилось, и он был переведен во второй гвардейский ее Величества Ольги Константиновны экипаж. Ольга Константи-

Соколовская Ольга Владимировна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

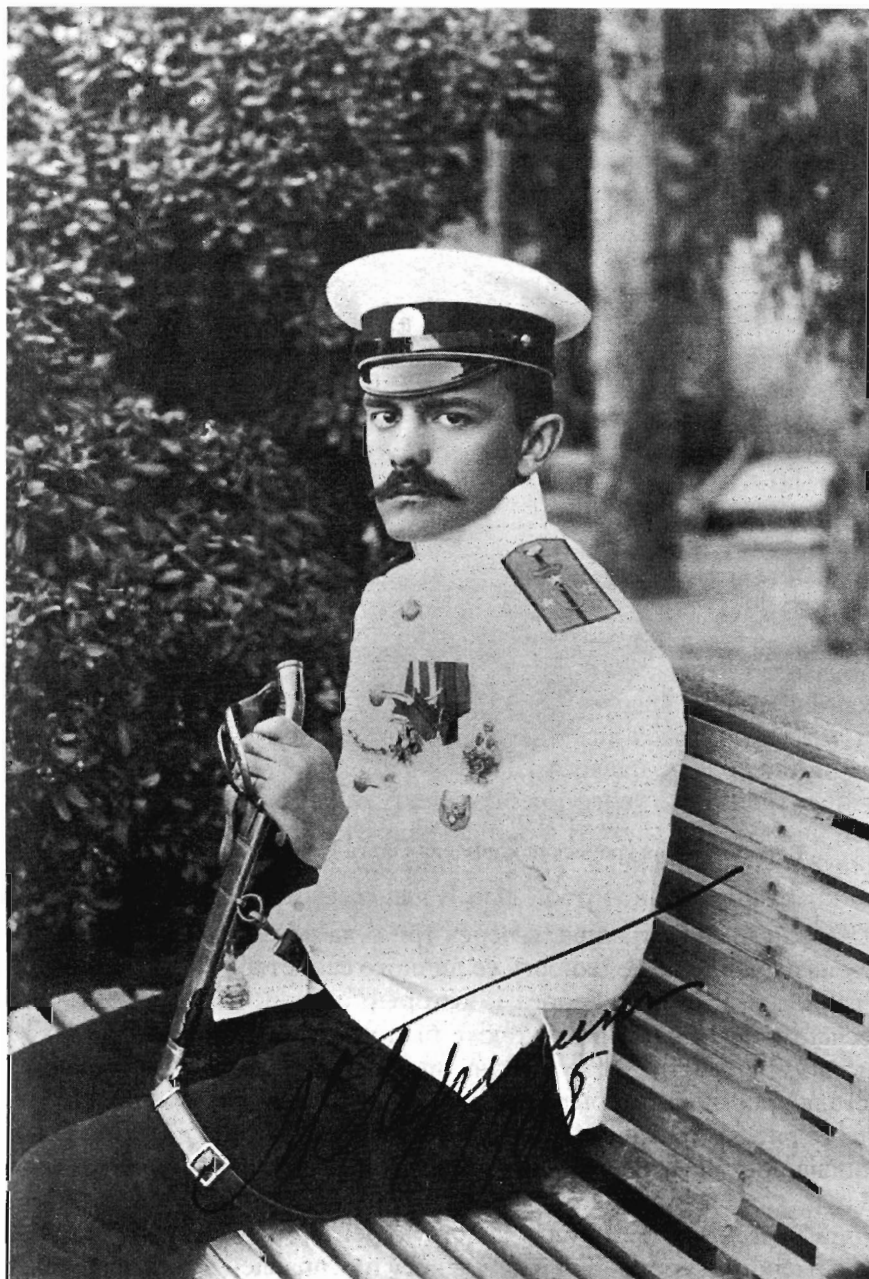

Вдовствующая греческая королева Ольга Константиновна. 1913 г.

новна переживала за Гаршина, и через три года после их знакомства выхлопотала ему назначение на должность ее личного секретаря к великому неудовольствию греческого короля Георга I, который считал, что невозможно помочь всем несчастным. М.Ю. Гаршин также был чрезвычайно привязан к королеве, которая, по его собственному признанию, заменила ему рано умершую мать. Ольга стала крестной матерью двух его сыновей.

Через год после трагического убийства короля Георга I в 1913 г., Ольга Константиновна поехала в Россию, где ее встречал М.Ю. Гаршин, и оставалась там до 1918 г.

Гаршин недолго прослужил в действующей армии, где работал уполномоченным Красного Креста, был ранен в ногу и отправлен в тыл на лечение. Вернувшись после удачной операции и выздоровления в Петроград, Гаршин горячо взялся помогать Ольге Константиновне в деятельности созданного ею лазарета и приюта для увечных воинов в Павловске. Он был самым преданным помощником Ольги Константиновны все эти непростые годы, оказывая неоценимую помощь в ее различных благотворительных начинаниях и личных делах. Однако раны часто напоминали о себе, и Ольга отпускала его на отдых с семьей, откуда Гаршин также продолжал писать королеве письма, подробно описывая тыловую жизнь России. М.Ю. Гаршин за годы Первой мировой войны получил звание капитана 1-го ранга, был пожалован несколькими орденами.

Капитан 1-го ранга М.Ю. Гаршин. Афины. 1908 г.

У Ольги Константиновны в эти годы связи с большинством членов ее греческой семьи практически не было (в 1916 г. ее навестил младший сын принц Христофор), а известия, которые приходили из Греции, были самыми тревожными. Ее старший сын, король Константин, предпринимал невероятные усилия, чтобы сохранить нейтралитет страны в мировой войне, но в октябре 1915 г. без согласия греческого короля союзный десант высадился в Салониках. В конце кон-

цов, под давлением Антанты и победившего на выборах ярого противника греческой династии премьер-министра Э. Венизелоса, Греция оказалась втянутой в войну. Все более обострялась внутривосточная борьба, которая привела к трагическим для династии последствиям [3].

За неделю до Февральской революции 1917 г. Ольга Константиновна вступила в “Общину сестер милосердия Российского Красного Креста Святой Евгении” и стала сестрой милосердия Красного Креста, что в дальнейшем спасло ей жизнь. После отречения Николая II дела в лазарете в Павловске пошли из рук вон плохо: денег катастрофически не хватало, несмотря на непрекращавшийся поток средств от постоянных жертвователей – оперного певца Л.В. Собинова, шведского ученого и мецената Нобеля, севастопольских греков, пытавшихся таким образом отблагодарить свою королеву за помощь в их судьбе во время кампании по их депортации в 1916 г. и др.

Вскоре бывший император Николай II с семьей были отправлены в Тобольск, начались аресты и в семье Константиновичей. Мраморный и другие дворцы были объявлены народной собственностью. Друзья настойчиво советовали Ольге возвращаться в Грецию, но она не могла расстаться с лазаретом. Ольга и Гаршин надеялись на перевод лазарета в Харьков, но этого не произошло. После закрытия большевиками лазарета Ольга Константиновна поселилась у брата, великого князя Дмитрия Константиновича в Петрограде. Его также вскоре арестовали, и она осталась одна, пережила голод и нужду, но дух ее сломлен не был. “Надо помнить, – подбадривала она Гаршина, тяжело переживавшего перемены, – что Господь не зря посылает тяжкие испытания – надо все вытерпеть до конца, пока Он не пошлет нам успокоения и утешения” [4. С. 25].

14 мая 1918 г. после долгих и мучительных хлопот ее (теперь уже бывшего) секретаря Гаршина и многих других, уважавших и любящих ее людей, а также королевского дома Дании вдовствующей королеве эллинов удалось выехать из России с датским поездом Красного Креста, увозившим военнопленных в Швейцарию, в Люцерн. Несколько лет она прожила в Западной Европе, тяжело переживая потерю почти всей своей семьи, уничтоженной большевиками. Затем ненадолго вернулась в Грецию, где вскоре в течение месяца она даже правила страной как “королева-мать и правительница”, пережила падение греческого королевского дома и тихо закончила свой 75-летний жизненный путь летом 1926 г. в Риме на вилле своего младшего сына принца Христофора (Христо).

Капитану Гаршину также удалось покинуть Россию в 1918 г. С 1920 по 1922 г. он находился в Греции, где управлял Русским госпиталем в Пирее, о чем есть воспоминания русских моряков-эмигрантов. Затем вынужден был перебраться в Прагу, а потом в Тунис, где скончался в 1943 г. [5]. Несмотря на тяжелую судьбу эмигранта, он не забыл греческую королеву, бережно сохранял все ее письма и спустя двадцать лет на их основе написал о ней два небольших очерка. Греческую королеву Ольгу Константиновну и русского морского офицера М.Ю. Гаршина прежде всего объединяла горячая любовь к России. Гаршин написал в начале Второй мировой войны книгу “Русские знаки отличия за храбрость, войны и походы”, которая хранится ныне в рукописном отделе РГБ в Москве, с надписью на титульном листе: “Посвящается моей Великой Родине – России”.

В общей сложности переписка королевы с Гаршиным продолжалась около 20 лет – с 1906 по 1926 г. Ольга Константиновна всегда бережно хранила письма

Гаршина, аккуратно помечая в уголке каждого письма своим крупным почерком, когда и где оно было ею получено. Мы представляем только небольшую часть писем М. Гаршина к королеве, написанные в годы Первой мировой войны, которые сохранились в Государственном Архиве Российской Федерации в личном фонде Ольги (всего более 239 рукописных страниц). Письма Гаршина рукописные, в прекрасном состоянии, датированы старым стилем. В публикации тексты приводятся без сокращений и расшифровки.

1 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 142. Л. 27–29]

20 июля 1914 г.

Ваше Величество!

Прежде чем подавать рапорт об отчислении меня от должности, еще раз на коленях умоляю Вас отпустить меня туда, где я, как офицер действительной службы, должен быть. Все мои раненые товарищи ушли, и я не могу себе представить, что существуют какие-то границы долга, долг безграничен, и если Господь помог мне принести хоть крупинку пользы в прошлую войну¹, то ведь это не значит, что я должен теперь сидеть в полном довольстве в то время, когда другие идут на смерть, они не хуже меня, а лучше и пользы принесли больше. Место Вашего секретаря² я, как офицер, занимаю случайно, если бы я не был у Вас, а продолжал свою службу – я был бы теперь там, где должен быть всякий офицер, если бы я даже был в запасе – меня бы вернули. Где же логика – запасный офицер идет, а офицер действительной службы сидит дома! В штабе я спросил, куда мне следует явиться, на что мне сказали: “Передайте ее Величеству, чтобы Она не беспокоилась – Вас *не возьмут*; а если нужно, то *Морской министр*³ *напишет* об этом письмо!”

Меня не берут, чтобы не огорчать Вас и, благодаря этому, я, офицер, во время войны должен выдавать порционные деньги горничным. Не позор ли это? Я себя уже презираю и буду презирать всю жизнь за то, что спрятался за Вас. Я не лезу под снаряды, я их видал достаточно, но я хочу принести лишь маленькую пользу. Если мне нельзя попасть в строй, умоляю Вас – устройте меня уполномоченным Кр. Креста, *но на театр войны*, по возможности ближе к передовым позициям, я там принесу пользу. Имея Вас за спиной – можно принести большую пользу. Умоляю Вас, помогите мне в этом – Вы не можете идти сами – пошлите меня за себя, и Господь благословит Вас. Вашего Величества лейт. Гаршин.

Если Вы попросите Ильина⁴, он это сделает быстро. Денежные дела поручите г-же Бальтази⁵. А все просьбы к Вам благотворительные теперь неуместны, т.к. наш долг помогать только армии, а не тысячам профессиональных

¹ Гаршин участвовал в сражении при Порт-Артуре в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

² Место секретаря королевы эллинов было официально установлено русским императором в 1867 г. и до Гаршина его занимал Философов.

³ Морским министром с 1911 по 1917 г. был Григорович Иван Константинович, адмирал.

⁴ Ильин А.А. – гофмейстер, председатель Главного управления Русского общества Красного Креста, полковник.

⁵ Бальтаджи (Бальтаджи, Бальтацци) София (Софья Аристидовна) – фрейлина Ольги Константиновны.

просителей. Дела Ваши не будут страдать. Дайте мне возможность заплатить чем-нибудь родине за ее заботы обо мне. Я сейчас дома, если хотите со мной поговорить⁶.

2 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 142. Л. 30–31]

22. VII. 1914

Ваше Величество!

Вел. кн. Мария Павловна Старшая⁷ сегодня объявила в газетах об открытии склада у себя. Я переговорил с Джоргули, который много работал при складе в Мраморном в Японскую войну, и знает, как все нужно сделать. Посылаю Вам образец объявления в газетах. Мы считаем, что *необходимо* поместить в объявлении и Ваше имя, и имя кн. Елены Петровны⁸, т.к. Вы обе принимаете участие в этом деле. Ваши имена *очень* помогут делу. Очень прошу дать мне об этом ответ, т.к. по закону мы должны текст объявления представить в Министерство Двора на утверждение, а с этим нужно спешить. Джоргули предоставляет себя в полное Ваше распоряжение. О раздаче материала и выкроек я не помещаю в объявлении, т.к. пока еще материала нет, а когда его будет достаточно, то поведем об этом объявление в Мраморном дворце. См. на обороте.

Объявление:

С "... "июля с.г. в Мраморном дворце открыт склад Ея Имп. Выс. Вел. кн. Елисаветы Маврикиевны⁹, ее Величества Королевы элл. Ольги Конст. и ее корол. выс. кн. Елены Петровны для приема пожертвований вещами и деньгами для оказания помощи раненым и больным защитникам родины и их семьям. Прием пожертвований производится ежедневно от "... час. до "... час. в Мраморном дворце. Просим другие газеты перепечатать.

Пока только спешно прошу выяснить вопрос с объявлением, а потом необходимо поскорее нам всем собраться для обсуждения дела. Ответ об объявлении прошу сообщить Антону Кирьяковичу¹⁰, чтобы он мог поскорее получить утверждение Мин. Двора и отправить в газету. Вашего Величества лейт. Гаршин.

3 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 142. Л. 34–35]

⁶ Этот текст написан на отдельном листке и вложен в письмо от 20 июля 1914 г. [Л. 28].

⁷ Мария Павловна Старшая (1854–1923) – великая княгиня, дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха II, жена великого князя Владимира Александровича.

⁸ Елена Петровна (Елена) (1884–1862) – княгиня, дочь сербского короля Петра I, с 1911 г. супруга князя Иоанна Константиновича. В 1918 г. последовала за мужем в ссылку, хотя сама не была первоначально арестована. Незадолго до убийства алапаевских узников решила ехать в Москву и Петроград, добиваться освобождения мужа, по дороге была арестована. Освобождена в 1919 г. усилиями норвежского атташе и покинула Россию.

⁹ Елисавета Маврикиевна (1865–1927) великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, герцогиня Саксонская, супруга великого князя Константина Константиновича. В ноябре 1918 г. вместе с детьми Георгием и Верой и внуками, детьми князя Иоанна Константиновича, уехала в Стокгольм, а затем на родину, в город Альтенберг, где скончалась 24 марта 1927 г.

¹⁰ Джоргули Антон Кирьякович – секретарь великого князя Константина Константиновича, много работал при складе пожертвований в Мраморном дворце в японскую и Первую мировую войны.

28. VII. 14

Ваше Величество!

Иконки на “Макаров”¹¹ отправил через Морск. генеральный штаб; 400 штук посылаю Вам. У Люси¹² оказалась гнойная ангина, и я ее отправил по совету доктора Августовского (морской врач, П.-Артурец, Вы его знаете) в лечебницу д-ра Кальмейера (Петерб. Сторона, Большой кр. 100).

Я спрашивал в Кр. Кресте относительно себя – ответили, что 99% что меня назначат, но я боюсь этого недостающего одного процента; Смирнов¹³ еще не достал списков. Относительно сестер я переговорил: Община пока может дать двух: Иванову (не нашу) и Овчинникову. Необходимо выяснить денежный вопрос с сестрами: во время войны им полагается 150 руб. подъемных и по 40 руб. жалованья. Настоятельница говорит, что она отпустит на этих условиях, т.к. лишать сестер этих денег было бы несправедливо. Желаю Вам всего лучшего. Храни Вас Господь. Вашего Величества лейт. Гаршин.

4 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 142. Л. 36–37]

8 авг. 1914. Киев

Ваше Величество!

До сих пор не собрался написать Вам, т.к. работы по горло. До Могилева я доехал благополучно, дома провел один день; все здоровы. Путешествие дальше было трудное и долгое – причины Вам понятны. Сюда приехал 6 –го; работа с утра до ночи; я пока заведую приемкой раненых и сортировкой их по госпиталям. Принял 2 партии – редкие молодцы; есть тяжелые венгры-гусары. На днях идем дальше; куда – еще неизвестно. Уполномоченные рвут меня как волки каждый к себе, это очень лестно и приятно, но трудно. Чувствую себя превосходно и бодро; думать нет времени. К сожалению, подробностей многих не могу писать, а все страшно интересно. Настроение у раненых как у именинников, рвутся назад. Много раненных холодным оружием.

Как дела у Вас?

Желаю Вам от души всего лучшего. Храни Вас Господь. Вашего Величества лейт. Гаршин.

5 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 142. Л. 38]

12 августа 1914 г.

Киев. Бибиковский бульвар, № 12.

Ваше Величество! На днях я послал Вам письмо, не знаю, получили ли Вы его. От Вас пока не имею ни слова, что очень меня огорчает. К сожалению, много не могу Вам писать, т.к. работа, порученная мне, очень велика и ответственна, а именно я заведую всей эвакуацией прибывающих раненых, как наших,

¹¹ “Адмирал Макаров” – крейсер 1-го ранга, построен весной 1908 г. Ольга Константиновна с августа 1908 г. по указу императора Николая II являлась шефом личного состава.

¹² Люся – фон-дер Ропп Люция-Эвелин Елена Логаровна, жена М.Ю. Гаршина, дети Гаршиных – Юрий и Кирилл. Ольга Константиновна и С.С. Смирнов крестили Кирилла в Афинах 6 января 1914 г.

¹³ Смирнов Сергей Николаевич (Серг. Ник., С.Н.), знакомый греческой королевы еще с конца XIX в., управляющий Павловским дворцом, администратор, заводчик, финансист, инженер, археолог, знаток церковной архитектуры, славянофил, камер-юнкер.

так и австрийцев; в моем распоряжении около 15 тысяч кроватей; из этого числа Вы видите, как я должен быть занят, тем более, что раненых привозят и днем, и по ночам. Все это дело эвакуации мне пришлось самому организовывать с самого начала, т. к. его до сих пор не существовало до нашего прибытия. Должен Вам сказать (только между нами), что вся организация Кр. Креста в армии нашего района держится на очень небольшой кучке людей, которые работают как выючные мулы, всего же людей очень много, но многие в лучшем случае ничего не делают, а в худшем только мешают. Мы боремся с ними не на живот, а на смерть, а борьба трудная, т.к. протекции, кумовство, высокое общественное положение очень затрудняют борьбу с ними. С удовольствием вижу, что мы начинаем жестоко все забирать в свои руки и съедать ненужных и вредных людей. Положим, с этой стороны Вы меня знаете сами. Наш Главноуполномоченный взял меня от Стаховича¹⁴ как “абсолютно необходимого ему человека”. Это большое повышение и доверие, но в душе я не очень обрадовался этому, т.к. это задерживает меня на неопределенное время в Киеве, а я стремлюсь в армию. Впрочем, меня туда отправят, когда организация эвакуации будет окончательно налажена. За это время я принял массу австрийцев. Они очень охотно сдаются, т.к. у них голод в армии. Много раненых. Видите, как я был прав, когда я просился у Вас сюда. Здесь у меня работа на 15 000 кроватей, а у Вас я бы работал на 50. От Люси получил письмо, дома все хорошо. Как идут дела у Вас? Всего, всего Вам хорошего, храни Вас Христос! Я здоров. Вашего Величества лейт. Гаршин.

6 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 142. Л. 45–46об.]

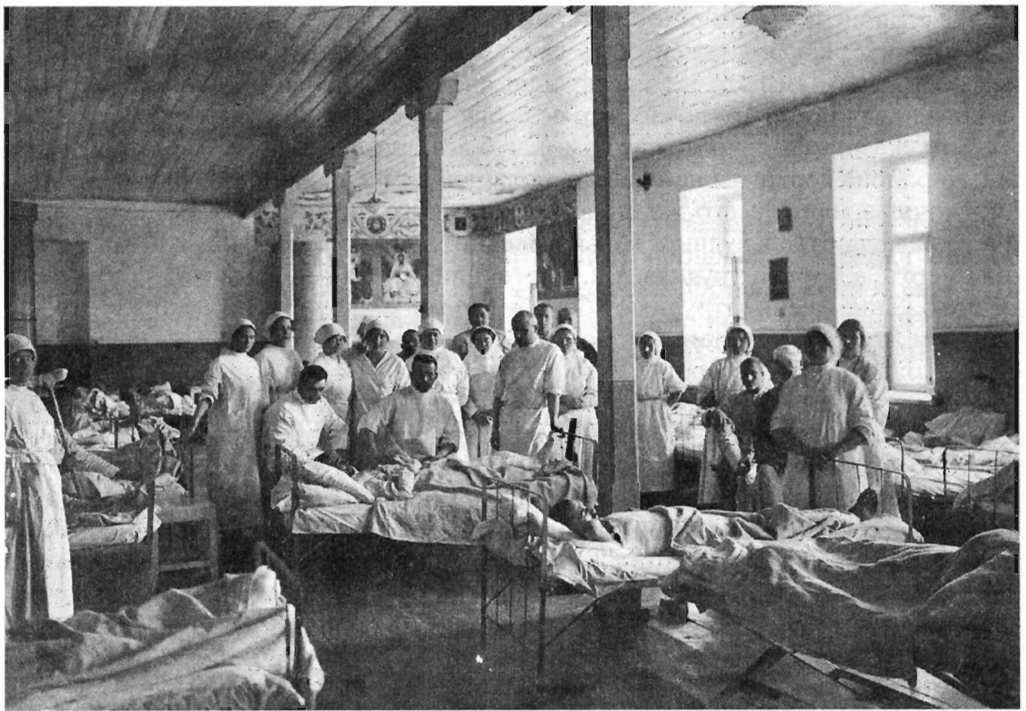
23 сент. 1914. Львов. “Пол. 29 сент. 1914”¹⁵
Ваше Величество!

Вчера в 5-ть утра мы наконец добрались до Львова. По жел. дороге мы доехали до Радзивилова, а оттуда пошли походом сначала в Броды, погода была ужасная, дороги нет, шли по колено в грязи под проливным дождем; в Бродах ночевали в разрушенных казармах 9 австрийского драгунского полка, через которые прошло несколько десятков тысяч наших войск – вообразите, какая там грязь. Из Брод при тех же условиях пошли в Заболоце, там ночевали, затем целый день грузились в ужасные австрийские вагоны и ночью поехали в Львов, ехали в скотских вагонах; лошадей же (90 шт.) отправили походным порядком прямо во Львов – 90 верст, т.к. лошадей почему-то железная дорога отказалась взять. Теперь сидим здесь и ждем дальнейшего назначения. Город огромный и очень красивый. Все мы здоровы, но очень были утомлены. По дороге видели много интересного, но много грустного в смысле организации. Война уже идет два месяца, а сделано очень мало для проходящих войск; приходится много терпеть им и голоду, и холоду. Желая Вам от души всего, всего хорошего. Храни Вас Господь. Не огорчайтесь редкими известиями от меня – почта очень плохо работает.

Перешлите это письмо Люсе прочесть.
Вашего Величества лейт. Гаршин.

¹⁴ Стахович Павел Александрович – генерал, возглавлял Главное управление государственного конезаводства.

¹⁵ Написано рукой греческой королевы Ольги Константиновны.

Военный госпиталь в г. Киеве в период Первой мировой войны.

7 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 4]

Петроград, 18 февраля 1915.

Ваше Величество!

С большой благодарностью возвращаю Вам часть. Посылаю 9 фотографий – на Макаров, нужно как раз 9, но я не знаю, хватит ли Вам послать эти фотографии или у Вас есть другие. Распоряжение о 100.000 руб. мною сделано вчера, деньги будут получены на текущий счет Конторы, а % будут идти нам.

Относительно ноги я еще ничего не решил и не знаю, к кому обратиться.

Как здоровье Великого князя? Храни Вас Господь.

Вашего Величества

лейт. Гаршин.

8 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 16–18]

29 марта 15. Таганрог.

Ваше Величество!

Только вчера отослал Вам длинное письмо, как пишу опять. Дело в том, что здесь по станциям и деревням есть довольно много солдат, отпущенных по домам “на поправку”, но из этой поправки ровно ничего не выходит, т.к. все эти поправляющиеся должны работать за неимением работников в семье, а работать им тяжело, в особенности с простреленными легкими (здесь преимущественно почему-то такие), т.к. они начинают задыхаться. Им нужны пособия, чтобы нанять работников, т.к. денег у них нет. Двум таким я уже устроил наем работников на 5 месяцев – это стоит по 5 руб. в месяц, 25 руб., итого я дал

В “Лазарете № 4” в г. Павловске. 1916 г.

50 рублей., пока из своих денег, т.к. Ваших у меня нет; если Вы хотите помочь еще скольким, прикажите Джиоргули перевести мне по почте рублей 200–150 – этого пока будет вполне довольно. Резать меня будут на Фоминой, но день еще не назначен. Здесь очень тепло и хорошо. Дети загорели и вполне здоровы. Как поживаете? Христос с Вами в. в. л.г. Варвациевский пер. дом. Иванова

9 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 20об.–22]

9 апреля 1915.

Пол. 11-го¹⁶.

Ваше Величество!

Вот уже 4 дня как я лежу, доктор очень доволен операцией, хотя порезал мне ногу основательно, швы наложены и внутри, и снаружи; сегодня уже анестезированная 6 месяцев стопа начала проявлять признаки жизни, когда дотрагива-

¹⁶Рукой королевы.

ются, я уже могу различить, сколькими пальцами трогают. Первые 2 дня боли были очень сильные и т. 38, а теперь боли уменьшаются и т. приходит в норму. Уход здесь отличный, как и сама лечебница. Зак¹⁷ очень симпатичен и был в восторге, что операция (к слову, довольно трудная и тонкая) вполне удалась. В лечебнице я один офицер, остальные солдаты, все больше с Кавказского фронта; есть очень тяжелые, страдающие прямо непереносимо, так бы хотелось их чем-нибудь порадовать, но ведь это не столица, где по лазаретам ходят Высочайшие особы, во власти коих наградить солдат медалью, которая для него действительно является радостью, т.к. он чувствует, что о нем подумали. Нельзя ли как-нибудь сделать – ведь в Вашем распоряжении есть медали, если бы можно дать хоть 2–3 наиболее тяжелым, а я бы Вам сообщил их имена, ведь эти медали даны на Ваше усмотрение, и где их вручать – в Павловске или Таганроге – по моему, безразлично.

За 2 1/2 недели моего отсутствия Вы даже забыли мой чин и на 2-х телеграммах и 2-х письмах пишете капитану 1-го ранга, мне очень лестно перед почтальоном. Мессала¹⁸ мне пишет относительно Вашего возвращения то же, что Вам, я с ним вполне согласен, но как к этому относится m-lle Baltazzi? Думаю, что отрицательно. Галанина мне самому очень жаль, так же, как и командира “Павла Г” – Тыркова – оба были отличные командиры.

Сколько мне придется пролежать – еще трудно сказать, хотя думаю, порядочно, а лежать очень тяжело, т.к. погода идеальная. Где вы будете летом? Собирается ли Вел. кн. в Кисловодск? Как Вы себя чувствуете? У меня к Вам “щекотливая” просьба: нельзя ли д-ру Заку оказать с Вашей стороны какое-нибудь внимание за операцию Вашему секретарю, напр. фотографию с подписью в раме или какой-нибудь небольшой подарок с инициалами. За операцию и пребывание в лечебнице я ему заплачу, но нельзя заплатить деньгами за те заботы и удивительное внимание, которыми он меня здесь окружил. Дети мои и Люся совсем пришли в себя и здоровы. Юра каждый день приходит в больницу и играет с ранеными солдатами. Передайте мой сердечный привет Вел. кн. Мар. Ник.¹⁹ И m-lle Baltazzi кланяемся. Храни Вас Господь.

Вашего Величества

лейт. Гаршин

P.S. 300 руб. для раненых получил. Простите за почерк – лежа трудно писать.

10 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 50–52]

1 июля 1915.

Сарматская.

Ваше Величество!

Очень давно не писал Вам. Вчера получил Вашу телеграмму и ответил на нее. Писать же Вам эти дни мне все не удавалось, т.к. происходили разные события; во-первых, было много работы по открытию яслей; наконец, третьего дня мы в деревне отслужили молебен, и ясли начали свою работу; детей там 86 человек; очень трудно со средствами, а нужда большая; ведь нужно было ку-

¹⁷ Зак В. – известный хирург, имевший частную лечебницу в Таганроге, безвозмездно лечил раненых в годы Первой мировой войны.

¹⁸ Мессала Иоанн – граф, камергер двора греческой королевы Ольги Константиновны.

¹⁹ Мария Николаевна, вел. кн. (1899–1918) – третья дочь императора Николая II.

пить много посуды, белья, а теперь каждый день покупать провизию; начали мы дело, собрав всего 135 р. И больше денег не поступает. На днях Татьяна Арк.²⁰ делала ванну своему 3-х летнему сыну – принесли большую кастрюлю с горячей водой и поставили на пол, с тем, чтобы вылить эту воду в ванну; в это время ребенок, проходя мимо кастрюли, споткнулся и сел в нее... Получил порядочные ожоги. Мать прямо обезумела. Ночью я ездил в Земскую больницу за врачом и лекарствами, а утром ребенка перевезли в город. Слава Богу – опасности нет. Люся на целую неделю уезжала отсюда в город лечить больные зубы, а я оставался с детьми; они удивительно поздоровели и почернели как негры. Сам временами чувствую себя не совсем хорошо, удушья продолжаются, но все-таки гораздо реже и не так сильно; гуляю очень много и ловлю рыбу на речке; ясно, последнее занятие идет очень успешно. Очень меня обрадовали последние события во флоте, где участвовал и наш “Макаров”; так бы хотелось теперь быть на корабле, а то сижу инвалидом в деревне и ловлю рыбу... От Смирнова известий не имею и не знаю, где он. Ну, как подвигается дело с Приютом для ампутированных? Посылаю Вам полученное мною письмо от д-ра Кандыбы; не знаю, что сделать, но кажется, что и здесь происходит сказка о рыбаке и рыбке, “не хочу быть столбовою дворянкой..” и т.д. Читал, что заложили Морской корпус в Севастополе – мечты Свечникова²¹ понемногу исполняются. От сестры²² не имею никаких известий и не знаю, где она. Здесь по деревням много раненых на поправку, но поправляются они что-то плохо; думаю, что из-за недостатка медицинских средств. Часто приходят просить хоть немного денег, чтобы купить лекарство. Земская же больница бедна, да и лежать в ней никто не хочет, т.к. в ней масса ...змей!!, которых никак не вывести. Мне рассказывал доктор, что каждый вечер, прежде чем лечь спать, он должен обшарить все углы комнаты, чтобы убедиться, нет ли змей, а утром осматривать сапоги, боясь, что змея за ночь залезла в них. Ведь это какая-то центральная Африка! У нас здесь змей нет. Полевые работы в самом разгаре, но на полях больше бабы, урожай хороший. Вообще, я совсем погрузился в деревенскую жизнь и пишу Вам как помещик, хотя и безземельный, как и большинство наших российских дворян (землей владеют немцы и часто жида).

Как Ваше здоровье? Напишите мне. Жена очень кланяется Вам. Желаю всего хорошего. Храни Вас Господь!

Вашего Величества лейт. Гаршин.

11 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 59–59об.]

27 июля 1915.

Сарматская.

Ваше Величество.

Третьего дня после долгого перерыва получил Ваше письмо. Радуюсь, что Вам удалось устроить Приют для ампутированных; теперь, куда ни глянешь, всюду нужна какая-нибудь помощь. Спасибо Вам за присылку 100 р. на ясли – на эти деньги ясли можно содержать лишних 1–1/2 месяца на 70 детей. К Бого-

²⁰ Лерж Татьяна – жена врача в Русском госпитале в Пирее.

²¹ Свечников Иосиф Николаевич (род. 1872) – морской врач, с 1908 по 1914 г., начальник Русского госпиталя в Пирее. В 1914 г. был уволен Ольгой Константиновной за развал работы.

²² Андреева Вера Юрьевна (Георгиевна) – сестра М.Ю. Гаршина.

любовым приехал на несколько дней их сын Борис, которого Вы знаете, он заболел трахомой и был отпущен на 2 недели лечиться в Киев – теперь он поправился и завтра едет в армию. Он рассказывает много очень интересного. Андрей Лерхе уже вне опасности, и его перевезли в город. У меня 2 недели нарыв на раненой ноге на операционном шве – это выходит нерассосавшийся кетбут; Зак говорит, что так и нужно. Известия с войны волнуют меня до последней степени, и мучительно хочется поехать самому. Люся и дети вполне здоровы. От Веры получили мы два письма, она получила золотую медаль и пишет, что очень устала и тоскует без детей, и хотела бы работать где-нибудь в тыловом госпитале, их часто обстреливают аэропланы. Извините за такое письмо, но я сижу в деревне вдали от всего. Очень соскучился без Вас и хочется видеть Вас. Будьте здоровы и да Хранит Вас Господь. Вашего Величества лейт. Гаршин.

12 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 70–71]

8 окт. 1915.

Ваше Величество!

Вчера у меня был Аронсберг, и я его направил в воскресенье в 11 к Вам в лазарет. Также был Катков, я с ним ездил в Штаб, где мне сказали, что примут его охотником во флот. С местом для Веры дело не подвинулось ни на шаг; это меня очень огорчает, и я не знаю, что предпринять. Вчера же у меня была вдова капитана 1-го Невского полка Михайлова, муж ее умер от контузии еще в Японскую войну, а сын теперь поступил добровольцем в армию и убит на Карпатах, ему было 18 лет. При матери остался сын 17 лет, который тоже хочет идти добровольцем, а 15 летняя дочь осталась в плену в Либаве при своей бабушке, разбитой параличом, которую нельзя было вывезти. Пенсия – 36 р. в месяц. Просит пособия, чтобы уехать в Юрьев. По-моему, надо дать 60–70 руб. Как прикажете? Желаю от души всего Вам хорошего, Христос с Вами.

Вашего величества

Лей. Гаршин.

P.S. Как дела с “конфликтом: Моисеенко-генерал?”

13 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 73–73об.]

20 окт. 1915,

Петроград.

Ваше Величество!

Совершенно неожиданно мне удалось узнать, что в Петрограде живет жена командира 1-го Невского полка Валентина Дедимовна [*? – рукой Гаршина*] Сиверс²³. Ее мужа, бывшего семеновца, я знаю несколько лет. Вчера я с ней говорил по телефону: в полку 1000 человек нижних чинов, и к нему же прикомандирован (придан) батальон расформированного Софийского полка, но этот батальон одет с ног до головы с излишком на средства государыни. Сейчас по моему указанию ездовой повез г-же Сиверс 200 комплектов, которые обошлись 600 с чем-то руб. Таким образом, из 1000 руб. остается 300 с чем-то, а на этот остаток удовлетворить 800 остающихся солдат Невского п. невозможно. Мне кажется,

²³ Сиверс Валентина Дедимовна – жена командира 1-го Невского полка, из семьи видного деятеля русского флота адмирала П.И. Сиверса.

что лучше одеть один полк целиком, чем в двух полках по одной роте, поэтому думаю, что деньги, на которые Вы хотели купить вещи для Замосцкого полка²⁴, употребить для невцев – помощь будет полнее.

Вчера встретил флиг.-ад. Вилькицкого; он очень хочет повидаться с Вами. В назначенное время может приехать и в Павловск. Спасибо за подпись “рескрипта” гр. Татищеву²⁵; как раз сегодня от Веры получено обычного содержания письмо. Не найдете ли Вы возможным послать ей телеграмму (т.к. Ваша вернее дойдет, что все благополучно). Коля дома и здоров, хлопочем о месте для нее, и что очень прошу ее не покидать лазарета до декабря (она пишет, что ее об этом просит начальство) (видимо она очень нужна до этого времени, и лучше, если она “будет верна до конца”). Адрес: Каменец-Подольск, 2-ой этапный лазарет Евгеньевской общины. Сестре Андреевой. Вы хотели получать журнал “Святильник”, я подписался со дня его выхода – скоро Вы его получите; журнал удивительно интересный.

Получил письмо (через Генер. штаб) от Макалинского²⁶ из Афин, просит Вам передать поклон. Будьте здоровы, Христос с Вами.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

14 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 79–79об.]

16 ноября 1915.

Ваше Величество!

Н.Н. Ермолинский просил меня передать Вам, что он в среду уезжает на 10 дней в армию к сыну, и просит сообщить, спешно ли Вам нужны 30 Георгиевских медалей²⁷, о которых Вы ему говорили, если спешно, то он сделает это завтра, но для получения новых медалей Походная канцелярия просит представить именные списки уже розданных медалей, поэтому пришлите их Н.Н. Ермолинскому. Здоровье Коли лучше, моя голова тоже лучше, хотя еще боли и есть.

Храни Вас Господь.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

15 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 81]

23 нояб. 1915.

Ваше Величество!

Посылаю Вам: 1). Пакт от П.Н. Огарева. 2). Книгу “Светлой памяти КР”. 3). Ответ на прошение рядового Никифорова, которое я посылал по Вашему

²⁴ Замосцкий полк был хорошо знаком Ольге Константиновне по Криту, где полк находился долгое время в составе Экспедиционного отряда русских императорских войск, участвовавших в миротворческой акции великих европейских держав в 1897–1909 гг. Русские войска оказали большую поддержку принцу Георгу, верховному комиссару Крита с 1898 по 1906 г. Ольга, часто навещая сына на Крите, всегда была гостьей полка.

²⁵ Татищев Сергей Сергеевич – егермейстер, саратовский губернатор, в 1912–1915 гг. начальник и председатель Главного управления по делам печати.

²⁶ Макалинский Александр Александрович (род. 1867) – старший офицер канонерской лодки “Хивинец” в 1906–1907 гг., кап. 2-го ранга, по протекции греческой королевы перешел на дипломатическую службу в российскую миссию в Афинах.

²⁷ Ольга Константиновна следила за получением медалей нижними чинами “по тяжести ранений или неоднократно раненых”. В ее фонде хранится много коротких записочек от императора Николая II (ее племянника Ники) о Георгиевских медалях, которые он ей выделял для награждения солдат на ее усмотрение. Позже списки ей присылали из лазарета в Павловске. Многих из награжденных она знала поименно.

приказанию; валенки для Невского полка, 200 шт., куплю сам. Необходимо как можно скорее прислать паспорт Жанно²⁸. Относительно фокусника и рассказчика ответ дам завтра.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

16 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 143. Л. 2–3об.]

13/1 16.

Ваше Величество!

Я был в Штабе и узнал, что г-жа Ивен получает пенсию 20 руб. в месяц и ежегодно пособие рублей 50, а Коссинская 1400 руб. в год и хронические пособия. Ивен я послал 25 рублей. Отец ее никогда не занимал места Зуева, т.е. медицинского инспектора, а был обыкновенным морским доктором. Вчера Джиоргули должен был Вам отвезти мятные конфеты и копии писем Глинки²⁹ по поводу теплых вещей. На деньги, данные г-жой Терещенко, уже начались приобретаться разные вещи.

Как в начале войны все рвались принести какую-либо пользу, так теперь трудно найти желающих; например, в отряде Мраморного дворца с уходом заведующего хозяйством до сих пор не могут найти ему заместителя, со смертью Саранчова – нет желающего принять 15-й отряд, т.е. желающие есть, но они мало подходят для такой работы. Этот отряд не дает мне спать, так хочется принять его. Я знаю, что Вы протестуете против этого..., но знаю также, что в глубине души Вы понимаете меня и одобряете желание работать во время войны. Я знаю, что Вы скажете мне: 1). Я уже сделал все, что мог; 2). Мое здоровье; 3). Ваши дела. Вот три “официальных повода”, чтобы мне сидеть здесь. Попробую на них ответить: 1). Я ровно ничего до сих пор не сделал, кроме того, что меня ранило, это же последнее обстоятельство никак нельзя принимать нормальным – это просто несчастная случайность; 2). Мое здоровье ... правда, последнее время я чувствую себя не совсем хорошо, болит и голова, и нога, конечно, я сам это не могу не признать, что сейчас ехать в отряд я бы не смог, т.к. перемена была бы слишком резкая. Но ехать в конце февраля или в начале марта, т.е. под весну – не думаю, чтобы это было мне трудно. Знаю только одно, что пребывание на войне на всех в смысле здоровья действует благотворно: все время чистый воздух, много движения и работа, гораздо полезнее душных комнат или гнилого петроградского климата. В вопросе здоровья, таким образом, я не так неблагоприятен. Теперь последнее – Ваши дела. Здесь, конечно, можете приказать мне остаться. Но если говорить об этом вопросе, то на войне я принесу несравненно большую пользу – тем же солдатам, которым Вы так много помогаете, и Вы же сами не можете понять, как им помочь, а помощь первая – самая большая помощь. Дел же Ваших – в сущности так немного, уплата по счетам, да десяток бумаг в месяц! Конечно, я на этот раз их не оставил бы на Джиоргули, который набрал всяких дел свыше своих сил. Ваши же дела теперь в порядке, и не мое отсутствие сделало то, что Р.³⁰ затратил Ваши деньги: со

²⁸ Какуриотис Жанно – камер-юнкер двора греческой королевы.

²⁹ Г-жа Глинка – видимо, жена Я.В. Глинки, начальника Думской канцелярии.

³⁰ Р. – Минкельде Роберт Юльевич (он же – Роберт Гольевич, Р.Ю.), заведующий шталмейстерской частью двора великого князя Константина Константиновича, с 1912 г. – заведующий двором великого князя.

времен Павла Егоровича привыкли верить конторе, и по старым понятиям – контора есть самое надежное место для хранения денег; оказалось, что самое ненадежное. Теперь Ваши капиталы забронированы, и растратить их не мог бы даже сам Р. 15 отряд мог бы ждать уполномоченного до марта, т. к. сейчас работы нет. С марта начнется тепло, и тогда меня неудержимо потянет туда, где, в сущности, все мы должны быть; потянет болезненно до психоза, и я тогда опять приду... к Вам и опять буду умолять Вас пустить меня!

Я еще молод, дух у меня бодрый, и если для войны я, к сожалению, не годен, то дайте мне возможность помочь таким же пострадавшим, как я сам, ибо я сам испытал это, и я больше понимаю их нужды и чувства, чем те, кто идет, чтобы потом получить звание камер-юнкера, а таких много. Подумайте и ответьте мне то, что скажет Вам Ваша душа. Вас самих тянет туда, и Вы понимаете меня.

Посылаю Вам вырезку из “Веч. Кр.”; быть может, можно что-либо сделать для Них!

Христос с Вами. Не сердитесь на меня за то, что так огорчаю Вас. Отряд этот считает себя Вашим.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

17 [2. Ф.686. Оп.1. Д. 144. Л. 6–7об.]³¹

Ваше Величество!

Рассмотрев Ваши отчеты, я пришел к заключению, что так дальше вести дело нельзя. Этот отрицательный вывод касается исключительно ведения дел Вашего лазарета и приюта.

1). Ни в Лазарете, ни в Приюте до сих пор не имеется определенной сметы расходов, а тратится столько, сколько Бог на душу положит; по отчету Моисеенко в лазарете оказалась маленькая экономия, но ведь это же совсем не так: в отчет лазарета ведь не вошли 5090 руб., которые Вами затрачены кроме 2000 р., лично выданных Вами на оборудование и содержание. Ведь эти 5090 руб. истрачены за окт., ноябрь и декабрь.

Если дело будет идти таким же темпом, то кроме расходов д-ра Моисеенко Вы за 1916 год должны будете истратить:

1). по 500 руб. x 12 месяцев = 6000 руб.

2). 5090 р. x 4 = 20360 руб.

Итого 26 360 руб.

Вы мне можете сказать, что первое время стоило дороже, т.к. нужно было оборудовать. Да, но ведь 12 630 руб., пожертвованных, пошли ведь и на оборудование.

3). Приют – сметы не имеет; Вы даете 500руб. в мес., а тратится около 650 руб. Оборудование не считается, также не считаются и пособия выходящим.

Джиоргули мне сказал, что г-жа Балтази требует 500 руб. для изготовления каких-то летних халатов – откуда эти 500 руб.? Входят ли они в Ваши ежемесячные 500 руб. (которых ни один месяц не хватило) или же нет. Приют обошелся за 6 мес. более 600 руб. Ваши же доходы составляют 72 тыс., из коих мне предстоит вернуть Мессала крупную сумму. Да, наконец, когда-нибудь мы поедем в Грецию. На какие средства я повезу Вас?

Вашего Величества лейтенант Гаршин.

³¹ Рукой королевы: “М.Л. сам мне передал это письмо в Павловске 12 февр. 1916.”.

18 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 144. Л. 24–25]

19 апр. 16.

Ваше Величество!

Я думал, что завтра Вы будете в городе, как говорили, и я увижу Вас, но ездовой передал мне, что Вы желаете мне счастливого пути – значит, я не увижу Вас перед отъездом.

У меня большая к Вам просьба; две подруги моей жены Екатерина Зубова (сестра кавалергарда) и Мария Тулубеева жаждут попасть в качестве сестер на один из плавучих лазаретов в Черное море. Обе они окончили курсы сестер и работают в лазаретах. Назначение, по словам А.А. Ильина, зависит от Главноуполномоченного Кр. Кр. кн. Урусова³² (Екатеринослав). Если бы Вы могли послать ему телеграмму или же телеграмму Ильину с просьбой, чтобы он от Вашего имени попросил кн. Урусова. Обе девицы хорошего общества – пупочки по наружности, но большие работницы и идут для работы, а не для развлечений. Т. к. они работают в частных лазаретах, то к общим не приписаны, если же последует согласие Урусова, то обе будут зачислены в Георгиевскую общину.

Няньки мы никак не можем найти: жена выбилась из сил. Желая Вам всего наилучшего. Храни Вас Господь. Вашего Величества лейт. Гаршин.

19 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 144. Л. 34–35]

29 июня 1916.

Старская гора (70 верст от Питера).

Ваше Величество!

Вот уже пошла вторая неделя, как мы живем в деревне; не могу сказать, что бы мне лично здесь очень нравилось, правда, места красивые, но масса комаров отравляет существование, да к тому же мало хороших дней – чаще дождь. Рыбная ловля моя обманула мои надежды, а главное – здесь такая глушь и так от всего далеко, что сидишь в полном неведении, что творится на белом свете. Два дня тому назад Кирилл заболел свинкой, слава Богу, болезнь протекает легко; остальные дети здоровы и довольны. Я не думаю, что долго усижу здесь; хочется, чтобы скорее поправилась моя шея, а поправляется она очень медленно, не могу понять, что это? Или очень натер воротником, или от бритья, хотя раньше этого никогда не было. Меня все больше и больше мучает мысль о том, что я во время войны сижу здесь; так хотелось бы поехать на “фронт”, поработать там для раненых, если уж для чего другого я не гожусь; вот сюда Вы меня отпускаете, а на войну нет; а перед нашим отъездом сюда г-жа Глинка получила письмо от мужа, который пишет, что некому работать – все поразбежались, и ему одному приходится управлять тремя передовыми отрядами (Красного Креста. – *О.С.*), а вот я сижу здесь. Чтобы мне взять хоть один отряд, думаю, что мог бы принести пользу: дело мне уже знакомое, да и с подчиненными умею ладить; ни в какие опасности лазить не думаю, я уже видел их достаточно. А такое безделье во время войны будет укором мне на всю жизнь.

Население здесь полурусское–полукарелы – эти последние почти все раскольники-беспоповцы, но с ними очень мало борются, да и трудно, если у свя-

³² Урусов Петр Сергеевич (род. 1885) – князь, главноуполномоченный Красного Креста Южного района.

щенника приход в 40 квадратных верст, он все время в разъездах. Страна дикая и темная, и это всего в 300 верстах от столицы. Как поживаете Вы? Как идет работа в увеличенном лазарете? Желая от души Вам всего, всего лучшего.

Храни Вас Господь.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

20 [2. Ф. 686. Оп. 1 Д. 144. Л. 37–42]

5 июля 16.

Киев.

Ваше Величество!

Вы сами недавно говорили мне, что последнее время я стал гораздо ровнее и более покорно начал переносить разные мои маленькие огорчения, как семейные, так и другие. Это происходит от того, что, когда я вижу Ваши огорчения, и ту покорность Воле Божьей, с которой Вы принимаете все удары, которые сыплются на Вас за эти последние годы, – мне делается совестно за свои маленькие неприятности и за свою неблагодарность. Но ко всем Вашим огорчениям, мне кажется, я еще прибавляю Вам все новые и новые... по крайней мере, Вы сами много раз говорили мне, что никто так не мучает Вас, как я; а за последнее время самой неприятной темой наших разговоров, которые кончаются всегда безрезультатно, – является вполне понятное каждому и ничуть не предосудительное, а наоборот, мое желание поехать на войну; не желание 20-ти летнего корнета скакать в атаку, а желание помочь тому самому солдату, на которого Вы сами способны молиться; если бы я был здоров – меня бы, не спрашивая Вас, взяли бы в строевой флот. На несчастье, я не способен для строевой службы и вот я пошел в Кр. Крест; если бы я не был случайно ранен, я бы до этого времени оставался бы в армии, т.к. не было бы причин ее бросать. Вчера Вы мне бросили обвинение, что из-за меня Вы чуть не разорились... мне тяжело и больно было это слышать, т.к. Вы знаете, как берегу я Вашу копейку; не могу я принять на себя ответственности за недобросовестность разных немецких аптекарей, вроде Роберта Гольевича; но за все эти истории видно было у всех желание обелить этого господина и найти во что бы то ни стало виновных, лица, обвинявшие других в интригах против М., – сами его выгнали от себя и отобрали от него порученные ему дела; ну да Бог с ними! Возвращаюсь к старому, как это и ни неприятно... Неужели Вы можете думать, что я своими просьбами хочу Вас огорчить? Я до сих пор никак не могу разобраться в причинах Вашего нежелания отпустить меня: боитесь ли Вы за Ваши дела или же боитесь, что я пострадаю на войне, т.е. меня ранят или убьют? Если Ваши дела, то Вы вправе сказать мне “нет”, и я должен покориться, как перед силой; если второе – то что я Вам отвечу? На то и война, а бояться этого позорно, т.е. позорно не для Вас, а для меня, чтобы это было причиной моего сидения в тылу. Если же мне суждено что-либо, то тем, что Вы не пускаете меня, – Вы не уберете ни жизни моей, ни здоровья, т.к. нам не дано знать, что ожидает нас впереди. Все, что я пишу Вам, – пишу совсем не для того, чтобы убедить Вас отпустить меня, а потому что у меня остается такое впечатление, что на мое желание Вы смотрите, как на что-то плохое, как на нарушение долга, как чуть ли не на желание огорчить Вас. Этого нет; уходить от Вас я не собираюсь, куда я пойду?! Да не это причина, что мне некуда уйти, а другая, которую Вы знаете так же, как и я. Но чувства стыда, что сижу здесь, не рассеять никакими рассуждениями. Уж если прихо-

дится объяснять самому себе причины того, что я не принимаю никакого участия в войне – то значит, что тут есть что-то не совсем правильное. А если бы все обстояло благополучно, то не испытывал бы я укоров совести перед самим собою.

Конечно, я теперь никуда не поеду. По приезде в Петроград я и в деревню не поеду, т.к. Вы все время упрекаете меня, что я все время бросаю Ваши дела, т.е. упрекаете в недобросовестности; и Вы правы: я уезжал на войну – Минкельде растратил Ваши деньги; я несколько раз уезжал на одну неделю в поисках хутора, Вы не знали к кому обратиться, чтобы послать деньги женам солдат и отыскать беженцев. Я уехал в деревню – Вас некому сопровождать в Киев, словом, малейшая моя отлучка причиняет ущерб делам. Этого больше не будет, и я никуда не поеду – ни на войну, ни за хуторами, ни отдыхать – и об этом сегодня напишу Люсе, чтобы она не ждала. Но все паразиты, спасающие свою жизнь и драгоценное здоровье, сидя около высоких особ – мне противны до крайности, и глубоко их презираю за то, что они делают “свое” дело и “исполняют свой долг”, буду же и я таким же, так спокойнее, а главное безопасно! Но когда совесть проснется и потребует ответа, то никакие объяснения и натяжки не помогут; и будем все краснеть за себя в темноте, т.к. совесть можно усыпить только временно, а пройдет наркоз, и она проснется, и сила ее будет так велика, что ничем ее не убаюкаешь. Ведь все убегающие от войны и присосавшиеся к разным “военным” организациям пока уверены, что они исполняют свой долг; но их хватит не надолго: появляются камер-юнкеры Бильбасовы, грабящие у нищих последнюю копейку в Татьянинском комитете, являются уполномоченные, грабящие Кр. Крест, являются купцы, грабящие население – это ведь все люди, не пошедшие на войну, а оставшиеся в тылу. Тяжело быть в таком обществе...³³

21 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 144. Л. 47]

18 авг. 1916 г.

Ваше Величество!

Возвращаю Вам телеграмму Морского министра и посылаю список №№ Георгиевских медалей, полученных Вами.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

P.S. Для посылок военнопленным и выдачи выходящим из Лазарета с большим трудом достал 10 пудов сахара.

22 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 5–6]

13 марта 1917³⁴.

... Вы говорите, что могут подумать, что Вы боитесь и поэтому уезжаете. Кто это может подумать и сказать?! Никакой здравомыслящий человек этого не скажет, а скажут те, кто отрешает от командования во время войны полезного человека только потому, что он назначен бывшим императором. Почему императрица М.Ф.³⁵ покинула дворец и нашла более удобным жить в монастыре?

³³ Окончание письма отсутствует.

³⁴ Рукой королевы. Начало и окончание письма отсутствуют.

³⁵ М.Ф. – Мария Федоровна (1847–1928), императрица, жена императора Александра III, родная сестра греческого короля Георга I, урожденная принцесса датская Дагмар.

Почему Анаст. Никол.³⁶ и Милица Никол.³⁷ тоже в монастыре? Да потому, что повсюду говорят, что дворцы – народное достояние и в них не место для Романовской семьи, которую надо изгнать из России. Нужно ли этого ждать? Тысячу раз нет. Все же любящие Вас спрашивают, когда Вы уедете; остальные же пусть говорят, что хотят. Сейчас идет страшная борьба за власть, но откуда эта власть еще держится в руках Госуд. Думы – надо разрешить вопрос, а не ждать. В Царском до последней минуты не хотели посмотреть правде в глаза, до последней минуты не верили, что им наступит конец – поэтому не убаюкивайте себя иллюзиями, а посмотрите правде в глаза, какая бы это правда ужасная не была. Лучше разочароваться в лучшую сторону, чем в худшую. У Вас кроме сотни раненых солдат есть много других обязательств, а раненым везде Вы можете помогать. Не верьте, что “все обстоит благополучно”, – нужны долгие годы пока все придет в порядок – Россия огромная, но и потрясение слишком велико, чтобы все разрешить в несколько месяцев. Старый строй рухнул, но создание нового – долгая, мучительная и, может быть, кровавая работа. Присутствие лиц царск. Семьи страшно осложняет дело, народ озлоблен; и Ваш отъезд хоть немного, но будет полезен для Вашей родины, которую Вы любите и будете любить при всяком образе правления в ней. Вы читаете “Нов. время” и знаете одну сторону медали, но по ней судить нельзя. Не повторяйте же ошибок прошлого, эти ошибки сгубили многих, не обращайтесь внимания на то, что скажут, а примите свободное решение, основанное на здравом смысле и любви к родине.

23 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 7–9]

Петроград 26 марта 1917³⁸.

Ваше Величество!

1). Относительно Вашего Лазарета и Приюта я переговорил с д-ром Моисеенко, который, вероятно, уже доложил Вам о том, что на пожертвованные Нобелем, Собиновым и севастопольскими греками деньги Лазарет и Приют могут существовать 3–4 месяца, после чего их придется совершенно передать Красному Кресту, о чем я уже переговорил с Ильиным.

2). Ввиду отсутствия средств, все участники содержания лазарета Мраморного дворца подали в Кр. Крест заявление об отказе вносить в Кр. Крест плату за Лазарет. Такое же заявление сделано и мною по поводу Вашей доли участия в содержании Лазарета. Уплата прекратилась ...

Трудно, т.к. я точно не знаю размер больничного капитала и его доходов, а решение последнего вопроса только от этого и зависит.

Вы пишете мне о том, что говорит Майхровский по поводу капиталов... Очень прошу Вас, не верьте всему тому вздору, который болтают кругом. Я зорко слежу за этим делом. Все они слушают чиновников, которые высказывают свои собственные соображения. У меня же есть вполне определенные официальные данные, что капитал “заграничных особ” отобран. Прошу Вас, для пользы дела не советуйтесь ни с кем по этому поводу и не слушайте никого. Все

³⁶ Анаст. Никол. – Анастасия Николаевна (1867–1935), великая княгиня, урожденная княжна черногорская, с 1907 г. в третьем браке с вел. кн. Николаем Николаевичем (младшим).

³⁷ Милица Никол. – Милица Николаевна (1866–1951), великая княгиня, урожденная княжна черногорская, с 1889 г. жена великого князя Петра Николаевича.

³⁸ Рукой королевы.

эти господа своей болтовней *портят* дело. Я же все время хлопочу и день и *ночь* (у меня были переговоры в половине второго ночи) об этом деле, все нити в моих руках, кн. Львов, Милюков, Терещенко и др. на моей стороне и у *меня есть надежда на благополучный исход*, но это дело очень деликатное и приходится его вести с большой *осторожностью*, руководствуясь принципом: *никаких одолжений – а все строго по закону*. У меня в распоряжении есть сведения, о которых никто из хлопочущих не знает, делиться же этими сведениями с ними я не хочу, боясь испортить все. Думаю, что выхлопочу *всем* заграничные их капиталы.

Жалования меня лишили, приятно служить из чести, но, не имея ничего, кроме чести, трудно. Кое-как перебиваемся.

Могу ли я приехать *во вторник*, т.к. мне *необходимо* Вас видеть. Есть масса дел, требующих разрешения. Храни Вас Господь.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

24 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 21–22об.]³⁹

Происшедшие события выдвигают массу вопросов, не задумываться над которыми нельзя, т.к. с ними связана судьба многих людей, поэтому я решил заранее подготовиться к каким-нибудь решениям:

1) *Вопрос о Русской больнице*: конечно, Вам больше не будут выдавать денег в возмещение пошлины за коринку. Хотя больница и имеет теперь свой капитал, но он не достаточен для ее содержания, поэтому, мне кажется, нужно привести в исполнение Ваше завещание о больнице теперь, т.е. передать ее Морскому ведомству. Но тут является вопрос о персонале. Сестры остаются у себя в общине, санитары – есть собственность казны, греческие врачи уходят – остается открытым вопрос Кириякидиса с его огромной семьей и о. Николая?⁴⁰ Как их обеспечить?

2) Вопрос о разных благотворительных учреждениях, коим Вы помогали из той же суммы.

3) Пенсии датским сестрам.

4) Ваши деньги:

а) Приданный капитал – выдадут ли его Вам?

5) Капитал В.к. Конст. Никол., хранящийся в Госуд. банке – позволят ли взять его?

Все это вопросы, на которые трудно дать ответ, но подумать о них надо. Между прочим, газеты уже подняли вопрос об этом и говорят, что все эти деньги – народное достояние и не подлежат выдаче. Мне кажется, что, не теряя времени, надо теперь же начать их выяснение. Вопрос о деньгах коринки поднимать не нужно, т.к. он окончен – денег этих больше давать не будут, т.к. Госуд. Дума 2 раза уже говорила об этом и не отняла их, т.к. они выдавались по высочайшему повелению – теперь же этого нет.

Вопрос же о приданном капитале нужно поднять теперь через греческого посланника, т.к. этот капитал был дан Вам по контракту русского правительства с греческим, и посланник должен настаивать о выдаче этих денег. Относи-

³⁹ Отдельное письмо без даты, видимо, конец апреля – начало мая 1917 г.

⁴⁰ О. Николай (Малютин) – служил в лазарете и приюте Ольги Константиновны в Павловске.

тельно капитала Вел. кн. Конст. Ник. – легче, т.к. эти деньги лично Ваши, как частного лица, да и сумма не такая большая.

Теперь Ваше личное положение. Настроение общее против лица императорской фамилии – хотя вопрос этот не решен, но мне кажется, что лучше не ждать этого решения, т.к. неизвестно как его разрешат. Хорошо, если положительно, ну а если отрицательно. Поэтому лучше Вам самой его решить и решение это, по-моему, только одно – отъезд. Николай Михайлович⁴¹ ушел в отставку, Кирилл Владимирович⁴² тоже, Иоанн Конст.⁴³ был выбран, но потом его же сместили, все это подтверждает остроту положения, и сидеть и ждать своей участи нельзя, а лучше Вам самой сразу разрешить этот вопрос. Вы говорите, что Вас обязывает лазарет, но в той же Дании, Франции, Греции есть русские солдаты, и Вы можете помогать им там. Дело не в месте, а в деле. Вы написали мне, что работы в лазарете мало, но если бы и было много, то разве это причина зажмурить на все глаза и ждать чего-то. Положение вообще много и много серьезнее, чем это кажется на первый взгляд; нельзя судить по газетам, т.к. истинное положение тщательно скрывается, и лучше всегда рассчитывать на худшее, чем на лучшее. То, что теперь мы пережили, – только начало, и ягодки будут впереди. Никогда я Вам ничего необдуманного не советовал, это же все, что пишу теперь, – перестрадал, перечувствовал и передумал. Многих видал, со многими говорил и прихожу к одному решению – отъезд по выяснении денежной стороны.

25 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 26–30]

11 мая 17.

Ваше Величество!

Я совершенно замучился с добыванием капитала: например, вчерашний день: утром должен был встретиться в Госуд. банке с чиновником Министерства финансов у директора банка, чтобы переговорить с последним о переводе капитала. Разговоры тянулись около часа, наконец решили: Министерство финансов посылает в Госуд. банк приказ о переводе “вообще нашего капитала”, а я со своей стороны должен взять в Уделах бумагу с точным перечислением процентных бумаг, из которых состоит Ваш капитал и представить ее в Госуд. банк. Из Банка пошел в Уделы, там все рассказал, но мне совершенно правильно ответили следующее: Мы, Уделы, получив постановление Временного правительства о признании Вашего капитала Вашей собственностью, 20-го апреля написали бумагу в Мин. фин. с просьбой указать нам, куда мы должны передать этот капитал, хранящийся в Гос. банке по счетам Уделов: т.к. капитал в Госуд. банке положен Уделами, то и взять его из Гос. банка может только лицо или учреждение положившее, т.е. Уделы. Министерство же финансов, не дав никакого ответа Уделам, т.е. учреждению, единственному, по приказу коего капитал мо-

⁴¹ Николай Михайлович (1859–1919) – великий князь, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, председатель Русского географического и Русского исторического обществ, доктор философских наук Берлинского университета, доктор русской истории Московского Университета.

⁴² Кирилл Владимирович (1876–1938), великий князь, контр-адмирал, в 1915–1917 гг. – командир гвардейского экипажа.

⁴³ Иоанн Конст. – Иоанн Константинович (Иоанчик, И.К., Иоанн К.) (1886–1918), князь императорской крови, старший сын великого князя Константина Константиновича, женат на принцессе сербской Елене (Петровне, Е.П.), убит под Алапаевском.

жет быть выдан, т.к. оно его положило, дает приказ Гос. банку перевести Ваш капитал в другой банк. Этого делать Мин. фин. не имело права. Гос. банк принимает этот приказ и теоретически дает согласие на его исполнение, но весь капитал без ведома его хозяина (т.е. Уделов) он не может выдать, а в последний момент, конечно, отказывает в выдаче без ведома хозяина, т.к. выдача капитала без ведома хозяина – есть преступление. Что же делать? Мне объяснили, чтобы я ехал в Мин. финансов, задержал их приказ банку, как незаконный, и просил бы скорее ответить Уделам на его бумагу 20 апр., т.к. Уделы, по постановлению вр. прав., обязаны выдавать капитал, но кому выдать – они запросили Мин. фин., но как я сказал, ответа не получили в течение 20 дней. Я поскакал в Мин. фин., составил им требуемый ответ, т.е. что по приказанию Министра министерство просит Уделы согласно Вашему заявлению перевести деньги в “National City Bank of New York”. Тогда Уделы, получив такую бумагу, дадут приказ Гос. банку перевести Ваш капитал. Эта бумага доберется до Уделов не ранее субботы. Таким образом, думаю, что при самом благоприятном течении дела мы сможем получить капитал не ранее, как через неделю.

Все это хорошо, но Вы подумайте, уже второй месяц я ежедневно по 7–8 часов в день бегаю только по одному этому делу. Сил моих больше уже нет, и временами прихожу в полное отчаяние, т.к. вот-вот дело оканчивается – как вдруг препятствие, и так все время; а главное – все эти огромные концы все пешком и пешком, к вечеру ноги болят и распухают в буквальном смысле слова, а утром больно надеть сапоги и только, когда разойдешься, то легче; левая же нога очень болит. Домой приходишь усталый и разбитый, и вместо отдыха – ад. Дрова не достать, молока и хлеба нет; и Люся шьет по 14 часов в сутки, по неделям не выходя на воздух. Только сегодня узнал, что она скрывала от меня, что стол наш стоил не 180–200 руб. в месяц, как я ей выдавал, а 360 руб., и эту разницу она зарабатывала шитьем разных рукоделий, которые продавала за гроши в магазин. Естественно, что она в течение последних 2-х мес., не имея няни, замучивается за день с детьми и, работая по ночам, дошла до полной истерии и слабости. Поэтому всю эту зиму и я дома не находил отдыха, т. к. она очень нервничала. Если это будет продолжаться так дальше, то обоих нас хватит не надолго, да и дети, видя изнервничавшихся до крайности родителей, чувствуют какую-то напряженную атмосферу и тоже растут нервные, издерганные. Все это происходит оттого, что жизнь вздорожала на 400 %, я выдерживал эту дороговизну всю войну, а теперь не в силах. Теперь баба-кондуктор на трамвае получает 200 руб. в мес. и еле-еле справляется. Нет чиновника, которому бы не увеличили его содержание вдвое, мне же отказали в том, что мне принадлежало по закону. Простой рабочий теперь зарабатывает на фабрике до 500 руб. в мес. при 8 час. работе; я работаю по 12 часов и мне платят 400, да еще из этого часть вычитают. От Вас я получаю 250 руб., а всего в месяц : из министерства – 390.

640 руб.

Расходы:

Стол – 360

Квартира – 95

Дрова – 50

Освещение – 15

Жалов. прислуге – 45

Молоко – 35

Стирка – 15
Итого: 615 руб.

Таким образом, в месяц свободных денег на всю семью остается 25 рублей; на эти деньги я должен одеть и обуть семью, одеться сам, купить мыло, порошок, лекарство, папиросы, на праздники дать наградные прислуге, швейцару, дворникам, почтальонам, купить газету и проч., и проч., необходимое в жизни, – и все это на 25 руб., когда мои сапоги стоят 45, детские – 20, дамские от 70 до 95, аршин материи на детскую рубашку – 1.50 к. кусок мыла – 70 коп. и т.д.

Как же жить? Получается сплошная мука, можно ли при таких условиях спокойно работать? Конечно, нет. А не дай Бог, кто заболет – тогда полный денежный крах, т.к. один визит доктора стоит 10 руб. Вот Вам грустная картина того, что мы переживаем.

Желаю всего Вам хорошего. Храни Вас Господь.
Вашего Величества лейт. Гаршин

26 [2. Ф. 686. Оп.1. Д. 145. Л. 32–33]

14 мая 1917 г.
Ваше Величество!

Спешу с ездовым послать несколько слов. Спасибо Вам за Ваше письмо. Я невыразимо тронут Вашей добротой ко мне... Вы знаете, что я, как сторожевой пес, берегу каждую Вашу копейку, поэтому поймете, как тяжело было мне обращаться к Вам. Но к кому же я пойду? Люся и дети уезжают завтра, или во вторник, в Витебскую губ. в деревню. Юра целует крестную и благодарит за подарки, сейчас его поведут в церковь. Дела с капиталом, кажется, скоро закончатся. О бедном Вещицком⁴⁴ ничего не могу узнать. При содействии Евг. Семёнова, который писал плохо о Греции, я послал в “Вечер. Время” коротенькое письмо со справкой, что Вещицкий – защитник Порт-Артура, тяжело раненный в голову, с полной потерей правого глаза и награжденный 4-мя боевыми орденами. Прямо позор!

Из канцелярии в Мраморном нас уже выселили, и мы будем пока помещаться в служебном доме над Приемным покоем. На днях собираюсь в Павловск для переговоров с Божеряновой.

К сожалению, в Храме, вероятно, быть не смогу, т. к. буду в Мин. финансов.
Храни Вас Господь. Спасибо Вам.
Вашего Величества лейт. Гаршин.
P.S. Керенский отдал приказ о наступлении. Помогите им Бог!
Письма из Афин я получил через Минис. иностр. дел.

27 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 40]

30 мая 1917.
Ваше Величество!

Я просил Н.А. Лялина объявить служащим, что с 1 июня стол прекращается и они будут получать порционные деньги по 1р. 60 к. и добавочные, что вместе составит 2 руб. в сутки.

⁴⁴ Вещицкий Эдуард – защитник Порт-Артура, умер в эмиграции.

Желательно Вам с фрейлиной и Мар. Ник.⁴⁵ перейти на кухарку кн. И.К., в этом случае кухарке придется нам немного прибавить и взять ей добавочную судомойку за Ваш счет. Об этом Лялин переговорит с Божемяновой. М. Гаршин.

28 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 42–42об.]

5 июня 1917.

Ваше Величество!

Только что получил прилагаемую телеграмму... Не понимаю, отчего Мессала считает в капитале Русской больницы только 800 тыс., когда, по-моему, этот капитал свыше 1 млн драм. Послали ли Вы телеграммы Макалинскому и Мессала? С капиталом на каждом шагу препятствия чисто канцелярского свойства. Я измучился с этим делом и не вижу, когда оно окончится... Все очень любезны, но тормозят на каждом шагу.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

29 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 43–44об.]

21 июня 17.

Ваше Величество!

Доехал я сюда благополучно, хотя в поезде было очень тесно. В вагоне встретил полк Ильина (бывш. в 14 отряде); он вышел в отставку, но по-прежнему работает в Кр. Кресте. Имение, где мы живем, принадлежит [...] Евреинову⁴⁶, он был предводителем дворянства и видел Вас на Полоцких торжествах, а его брат, ныне отставной генерал, служил при Ксении Александровне⁴⁷. Имение это большое, огромный парк (около 20 десятин), 2 больших озера, одно очень красиво; гор. Невель в 12 верстах. Жена и дети очень отдохнули и поправились.

Я пью йод, сплю, ем, гуляю и ровно ничего не делаю, что мне самому как-то странно: нет ни телефонных звонков, ни канцелярии. Здесь очень тихо, и не замечаешь никакой революции. Когда ближе сталкиваешься с природой, то делается непонятным, зачем люди сами себе отравляют жизнь. Ну, как у Вас дела с кухаркой и разные другие хозяйственные мелочи? Если мое присутствие необходимо, то напишите мне – я приеду, если особенной надобности нет, то я собираюсь приехать 1–2 июля на несколько дней. Только теперь, когда я очутился в здешней тишине, я почувствовал, как мне необходимо отдохнуть – нервы совершенно измотались. С глазами не совсем хорошо; по вечерам читать совсем не могу, т.к. не вижу. Думаю, что с общим отдыхом и глазам будет лучше. Как Ваше здоровье? Желаю Вам всего лучшего. Храни Вас Господь.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

⁴⁵ Мар. Ник. – Мария Николаевна Баулина, более 50 лет была фрейлиной Ольги Константиновны.

⁴⁶ Евреинов Сергей Николаевич – шталмейстер, состоявший при вел. кн. Ксении Александровне.

⁴⁷ Ксения Александровна (1875–1960) – великая княгиня, дочь Александра III, сестра Николая II, жена великого князя Александра Михайловича. Умерла в эмиграции.

15 июля (1917).

Невель.

Ваше Величество!

Сегодня я приехал сюда и спешу сообщить Вам результаты моего посещения Красн. Креста по делам Русской больницы.

1). По поводу врача: Кр. Крест нашел желательным, чтобы Вы послали Макалинскому телеграмму с просьбой на месте найти заместителя Номикоса; содержание – 500 руб. в месяц – *золотом* – около 2000 frs. и, если Макалинский такового найдет, то чтобы известил Гл. Упр. Кр. Кр., дабы последнее могло утвердить этого врача; национальность врача безразлична. 2). Т.к. Макалинский не имеет еще никаких известий от Кр. Кр. по поводу больницы, то Кр. Крест посылает ему телеграмму о том, что больница теперь перешла на время войны в полное ведение Кр. Кр. 3). Кр. Крест уже перевел деньги на содержание больницы своему уполномоченному Салоникского фронта Березникову, который имел свое пребывание в Париже, но он отказался от должности, и поэтому, видимо, Макалинский ничего не знал от Кр. Кр. о передаче больницы. 4). Из моего разговора с заведующим мобилизационным отделом Кр. Кр. я выяснил, что было бы желательно для пользы дела иметь в Пирее уполномоченного Кр. Кр., и я посоветовал предложить быть уполномоченным Макалинскому, на что мне *частным образом* сказали, что было бы хорошо, если бы Вы нашли возможным подать эту мысль А.А. Ильину (для внесения доклада по этому вопросу в Совет Кр. Кр.) письменно или же путем личного частного разговора. Вот все, что я выяснил. От души желаю Вам всего лучшего. Храни Вас Господь.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

31 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 47–48]

23 июля 1917.

Им. Емонец Вит-г.

Ваше Величество!

Получили ли Вы мое письмо, написанное в день моего приезда сюда, по поводу Красно-Крестных дел? Доехал я сюда благополучно, если не считать происшествия, которое было со мною по дороге. На ст. Новоскольниковки патруль высадил из нашего поезда 60 матросов, у которых были документы в неисправности; всех их задержали. Тогда они заявили протест – на каком основании их арестовывают, а морского офицера (меня), едущего в том же поезде не задерживают; им объяснили, что у меня все документы в исправности, поэтому нет оснований меня задерживать; но они начали орать: подать офицера. Меня задержали – целый час шли глупейшие объяснения, причем коменданта не было, и на мое требование пригласить коменданта отвечали, что “он спит”. Наконец меня благополучно выпустили. Я приветствую меру проверки документов у всех военных, едущих по железной дороге, но нельзя поручать солдату проверять документы офицера, а тем более давать право солдату задерживать офицера, для этого нужно во главе обхода проверяющего документы ставить не без-

⁴⁸ На бланке Красного Креста Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам. Комитет Северного фронта.

грамотного солдата, а офицера. Я видел эти проверки и сам им подвергался – получается гнуснейшая с точки зрения воинской дисциплины картина. 5–6 раз обходы найдут у офицера документы в исправности, а 7-ой заявляет, что он их считает неисправными и задерживает офицера, часто едущего в армию. Погода здесь стоит хорошая, жена и дети здоровы; я же чувствую себя не очень хорошо, часто болит и кружится голова; какая-то общая слабость и разбитость, а к тому же все время грызет мысль, что Вы там одни, может быть, необходимо мое присутствие, а я сижу здесь... Прошу Вас, дайте мне знать и я сейчас же приеду. Не откажите послать ездового ко мне на квартиру взять мою “корреспонденцию” и выслать ее мне сюда заказным пакетом. Ключ от квартиры у швейцарихи, т.к. там прислуги нет: Даша здесь. Здесь тихо и спокойно, революция мало заметна. Как Вы себя чувствуете? Напишите мне, а то давно о Вас ничего не знаю и беспокоюсь. Христос с Вами.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

32 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 50–51]

30 июля 17.
Пол. 4 авг.⁴⁹

Ваше Величество!

Ваше письмо с приложением вырезки об “эвакуации” лечебных и иных учреждений – получил. Я думаю, что теперь много лазаретов, вероятно, закроют за ненадобностью, т.к. раненых мало и если победоносное воинство будет без боя бежать, то и совсем не будет раненых. Не могу себе представить, куда могут отправить Ваш лазарет, если его вообще будут отправлять куда-нибудь. Думаю, что д-ру Моисеенко хотелось бы в Харьков или поблизости к нему. У нас здесь все по-старому – тихо и мирно; относительно зимы я еще не решил окончательно, куда девать семью, да и трудно что-либо решать, когда во всем полная неопределенность и неизвестность, приходится жить сегодняшним днем. Как дела с Вашим пропитанием? Наладились ли? Пишу Вам совсем бессодержательное письмо – сам сижу здесь, знаю только обо всем по газетам, да и то с опозданием. Люся благодарит Вас за память, а Юра и Кирилл каждый день молятся за крестную. Я же желаю Вам от души всего лучшего.

Христос с Вами.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

32 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 55–56]

Написано 22 авг. Когда пойдет – не знаю.

Ваше Величество!

Серг. Ник. приехал сюда только на несколько часов, поэтому я не мог дать Вам письменного ответа на Ваше письмо, а просил его сообщить на словах, а также передать Вам наши поздравления к 22 августа. Все собирался писать Вам, но последние дни у нас не было лошадей для посылки в город на почту. Я собрался уже поехать в Петроград, но С.Н. посоветовал мне переждать некоторое время, почему – он Вам скажет сам. Что я могу ответить на прошение г-жи Шлиман? Знаю, что это очень назойливая дама, которая основывает свои

⁴⁹ Рукой королевы.

просьбы о пособиях на каких-то правах, в которые, я думаю, она и сама не верит. Думаю, что ей можно отослать 50 руб. Раз Вы ей уж давали 125 руб. Возвращаю ее прошение. Я был очень рад видеть Серг. Ник. Он рассказывал много интересного и окунул меня во всю теперешнюю сутолоку, от которой я начал отвыкать: сижу в деревенской тишине, но эта тишина не отдых, т. к. в сутолоке некогда думать, а здесь невольно начинаешь все обдумывать и подводить итоги – и выводы получаются неутешительные, как-то пропала цель, как будто из-под ног вытащили доску, и приходится повиснуть над бездной. Осень неприветливая, беспросветная царит в душе... Ну, да писать это трудно, приеду – поговорим. Желаю Вам от души всякого благополучия и сил переносить все тяжелое. Храни Вас Господь.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

34 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 57]

11 сент. 17.

Ваше Величество!

Вследствие закрытия Управления делами прошу Вас подписать прилагаемую бумагу так: “*Королева эллинов Ольга Константиновна*”, число, месяц, и год. Вашего Величества лейт. Гаршин.

35 [2. Ф. 686. Оп. 1. Д. 145. Л. 59–59об.]⁵⁰

26.X.17.

Ваше Величество!

Совершенно неожиданно получил билет до Таганрога на завтра 9.30 веч. Звонил несколько раз в Павловск, но мне ответили, что телефон не работает. Очень прошу Вас прислать Вистуна сегодня вечером с тем, чтобы он ночевал здесь и в 9 утра (не позже) был у меня. Также прошу его позвонить к моей сестре в Царское, где она дежурит (Стесельская, 21, бар. Корф), а если там нет телефона, то съездить в Царское и сказать, что я прошу сестру во *что бы то ни стало* приехать утром на 2–3 часа ко мне. Из Таганрога я вернусь, как только найму Вам дом. Храни Вас Господь.

Вашего Величества лейт. Гаршин.

Прошу дать мне ответ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколовская О.В., Чуркина И.В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А.А. Киревым // Славяноведение. 1996. № 4. Соколовская О.В. Эпистолярное наследие королевы эллинов Ольги Константиновны Романовой как исторический источник // Греция. Национальная идея, общество, государство XVII–XX вв. М., 2002.
2. ГАРФ.
3. Соколовская О.В. Греция в годы Первой мировой войны. М., 1994.
4. Гаршин М.Ю. Королева эллинов Ольга Константиновна // Русская морская зарубежная библиотека. Прага, 1937.
5. Бизертский Морской сборник. 1921–1923. Избранные страницы. М., 2002.

⁵⁰ Письмо в конверте с адресом: “Павловск, Петрогр. Губ. Ее Величеству Королеве Эллинов Ольге Константиновне”.

А. де ЛАЗАРИ. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / Отв. ред. В.А. Хорев. М., 2004. 207 с.

Есть все основания утверждать, что польская русистика на переломе веков заняла лидирующие позиции в русистике мировой, и свидетельство тому – пятитомное издание “*Idee w Rosji – Идеи в России – Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*” (1999–2003). Его издание – в основном инициатива ученика всемирно известного слависта А. Валицкого Анджея де Лазари, историка, аналитика Польского института международных дел. Он выпустил ряд работ в жанре “истории идей” (пока мало освоенном отечественными специалистами), включая книгу на русском языке “Наполеон или Чичиков. Из истории русского национализма” (СПб., 1993), антологию “Польская и русская душа: от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына” (Варшава, 2004) и другие исследования на разных языках.

Очередное свидетельство высокой компетентности де Лазари в русистике – монография о почвенничестве, во многом выросшая из диссертационного исследования о “последнем романтике” и одном из первых “почвенников”, поэте и теоретике “органической критики” А. Григорьеве (1822–1864).

Книга состоит из семи глав и приложения. В первой главе определяется место почвенничества среди других “славянофильствующих” коллективистских мировоззрений, вторая и третья описывают идейное развитие основных его представителей. Следующие три посвящены рассмотрению соотношения кате-

гории “народность” с историей, религией и искусством. Заключительный раздел обрисовывает историософию течения, важными характеристиками которой является “убежденность в особой роли и миссии славян, прежде всего русского народа, в сотворении Царства Божия на земле” – и “противопоставление России Западу как совершенно иного, наиболее ценного типа культуры” (С. 189, 190).

Почвенничество трактуется в книге де Лазари как мировоззрение мыслителей и писателей, объединенных вокруг журналов “Время” (1861–1863) и “Эпоха” (1864–1865), издаваемых братьями М. и Ф. Достоевскими в Петербурге. Более правомерно в этом плане было бы назвать книгу “В кругу Достоевских”, тем более, что, по признанию младшего брата, именно Михаил Михайлович Достоевский первым счел необходимым “обращение к народности, к началам народным и возбуждение оторвавшегося от почвы общества к изучению народа нашего и к уверованию в правду основных начал его жизни” (С. 24).

Данное течение ориентировалось если не на примирение, то хотя бы на встречу различных групп интеллигенции, в первую очередь славянофилов и западников, между собой, а затем и их всех с народом – на “родной почве”, отрыв от которой считался гибельным для судеб России. Их именовали преемниками славянофилов (или младославянофилами), но, как правомерно подчеркивает А. де Лазари, многие из “почвенников” были “исключительно русофилами” (С. 11).

Конечно, судьбы славянских народов волновали почвенников в первую очередь. Однако тот же Ф. Достоевский неоднократно предупреждал, что западные и южные славяне могут очень уж поспешно отвернуться от России. Соответствующие цитаты, констатирующие такую склонность, постоянно приводятся и сегодня для объяснения нарочитого дистанцирования посткоммунистической элиты и интеллигенции стран Центральной Европы от всего “советского”, идентифицирующегося с “русскостью”.

Автор книги, глубоко проникая в “почвенничество”, считает, что оно и охватывает круг идей Ф. Достоевского, и как бы прорывается ими. Призывы великого русского писателя “соединиться с народной почвой”, разделявшиеся и другими “почвенниками” (в первую очередь А. Григорьевым, творчество которого изучено А. де Лазари как мало кем, в том числе и в России, но также драматургом А. Островским, которого он репрезентует как именно социального мыслителя, философов Н. Данилевского и Н. Страхова, писателей Д. Аверкиева и В. Крестовского, публициста А. Разина), сменились признанием “общечеловечности” русского человека, способного понять и принять другие “почвы”.

Диалектика “подлинной народной души” корректно изложена польским исследователем, хотя его оценки исследуемого течения весьма неоднозначны. Он проследживает идейную судьбу “почвенничества”, находя его отзвуки в прозе “деревенщиков”, равно как и предпосылки его модернизации в политическую идеологию, близкую к “советской религии и психологии осажденной крепости” (С. 204).

Особо хотелось бы отметить тонкий анализ мыслей Н.Н. Страхова (1828–1896), который был “поверенным” таких великих мыслителей, как Ф. Достоевский и родившийся с ним в один год Л. Толстой, но так и не стал властителем дум России: его лозунг “борьбы с Западом” – хотя только в литературе – не пришелся ко двору реформирующейся России. И де Лазари справедливо подчеркивает, что Страхов смотрел на Россию не с “почвы”, а из окон дома, “напоминающего огромный книжный шкаф” (С. 43). Да еще с кресла государственного чиновника, в которое его “загоняли” денежные за-

труднения. По мнению своего почитателя литературного критика начала XX в. В.В. Розанова, он был независимым – но, отмечает де Лазари, той независимостью, которая не имела веса в глазах читающей публики. Особенно в тени вышеупомянутых гигантов мысли.

Почвенничество Достоевского подвергается польским автором особо пристальному рассмотрению, поскольку это была выстраданная русским писателем идея. Действительно, тот сам видел, что “толпа смеется над целующим землю Раскольниковым” (С. 148) – что уж говорить о более хладнокровных наблюдателях...

Но одно дело – такая данность, и другое – заданность, в соответствии с которой мучительно любимые герои Достоевского преступают через смех и неприятие, утверждая идею всечеловечности. От польского автора не укрылось, что в публицистике идея, предполагающая аполигию русской народности, сочетается с весьма недоброжелательным (мягко говоря) отношением к идеям других народностей. “В сущности, не было ни одного народа, за исключением русских, о котором Ф.М. Достоевский отзывался с симпатией. Даже болгар и греков, несмотря на их православное вероисповедание, он подозревал в отступничестве” (С. 127).

Что правда – то правда, хотя “ненавистному” вдвойне (как немцу и протестанту) врачу одного из городов России Достоевский и воздавал вдвойне в своих похвалах в одном из “Дневников писателя”. Обходить этот вопрос, гордясь великим писателем и приводя свидетельства любви к нему на Западе, вряд ли правомерно, считает де Лазари (а тем более бездумно преклоняться перед любой его идеей). Здравый смысл, к которому апеллирует де Лазари, позволяет ему ставить такого рода вопросы перед истовыми почитателями Достоевского, которые тексты, написанные “на случай”, воспринимают как истину в последней инстанции и которые его риторические формулы в духе романтизма о всечеловечности трактуют как универсальную мудрость “Все тот же Тютчевский аргумент: умом Россию не понять! Какой же я тогда всечеловек, если меня никто не понимает? Какой же я всечеловек, если ум у меня не там, где у других людей?” (С. 204, 205).

Данные эмоционально насыщенные парадоксы являются одновременно продуманными выводами строго научного исследования почвенничества.

Известно (и автор на это указывает), что почвенничество оценивается как наиболее адекватное выражение “русской души”. Де Лазари согласен с такой оценкой, однако со многими оговорками и не избегая крайне острых углов. В этом смелость де Лазари как исследователя и даже стилиста: изложение его мыслей в книге и доказательно, и увлекательно.

Монографических исследований почвенничества на русском языке практически нет. Книга де Лазари закрывает эту лауну. А в приложении к ней “Почвенничество сегодня” правомерно подчеркивается, что некоторые его идеи живы и сегодня. Их активно эксплуатируют писатели и мыслители, настоятельно подчеркивающие некую “избранность” русского народа в его осуществлении миссии “всечеловечности” – пары категорий явно романтического характера (С. 204).

Подобного рода идеи трудно применимы для объяснения многих процессов современности, хотя они никак не списываются в каталог “идеи прошлого”. “Русская мысль все еще борется за избранное Мы, а имя Достоевского остается аргументом в этой борьбе” (С. 196).

Но укоренение в “почву” не может не быть реакцией на насильственно импор-

тируемые “общечеловеческие ценности”, хотя и необходимые в век глобализации, но не возвращаемые, а именно навязываемые. А ведь такого рода ценности, как говорил в Нобелевской лекции 1974 г. Ф. фон Хайек – так сказать, австро-английский “почвенник” – не изготавливаются “по заданному образцу, подобно тому, как ремесленник создает свое изделие”, а культивируются “путем формирования подходящей среды, подобно тому, как это делает садовник для своих растений” (1. С. 176).

По данному и другим вопросам автор этого интереснейшего исследования нацелен на полемику. И есть основания предполагать, что она будет вестись достаточно интенсивно, поскольку в рассматриваемой книге затронута одно из нервных окончаний отечественной мысли, корни которой уходят в родную почву.

Книга вызовет интерес не только русистов и славистов. Она прозвучит и как свежее слово в нынешних философско-публицистических дебатах о “судьбе России”. Этим и оправдано ее издание.

© 2006 г. И.Е. Задорожник

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайек Ф. фон. Претензии знания // Вопросы философии. 2003. № 1.

М. ЈОВАНОВИЋ. Језик и друштвена историја. Друштвеноисторијски оквири полемике о српском књижевном језику. Београд, 2002. 235 С.

М. ЈОВАНОВИЧ. Јазык и общественная история. Общественно-исторические рамки полемики о сербском литературном языке Против Вука. Српска грађанска интелигенција 18. и 19. века о језику и његовој реформи. Београд, 2004. 412 С.

Против Вука. Сербская городская интеллигенция XVIII–XIX веков о языке и его реформе

С разницей в два года белградское издательство “Стубови културе” опубликовало две работы историка, который “вторгся на территорию” филологов, занявшись историей сербского литературного языка.

Первая книга Мирослава Йовановича “Язык и общественная история” издана карманным форматом в серии “Библиотека Минут”, и, следовательно, должна носить популярный характер, будучи обращена к широкому читателю. Каза-

лось бы, что-то, а историю языковой реформы, осуществленной В.С. Караджичем, каждый серб знает еще с детства. Однако, взявшись за написание научно-популярной книги о становлении сербского литературного языка, ее автор убедился, что монографии, подробно рассказывающей об этом процессе и сопутствующей ему полемике в сербском обществе, просто не существует. Филологи были заняты в основном узкими вопросами лингвистики. Другим распространенным жанром, в котором работали разные специалисты (и историки, и филологи), являлся жанр научной биографии, как правило, на грани апологетики творцов реформы. Сам процесс развития литературного языка и его социальные рамки историков до сих пор не интересовали.

Небольшая по объему книга Йовановича не претендует на заполнение этой лакуны. Ее задача – не столько дать исчерпывающие ответы, сколько поставить проблему, привлечь к ней внимание. А впрочем, стоит ли вообще историку сойтись в филологический “ряд”? Есть ли польза от подобных “вторжений”?

Ответы на эти вопросы читатель найдет уже на первых страницах, убедившись, что проекция исторических (и социологических) методов в мир языка способна существенно расширить исследовательский горизонт, изменить образ прошлого, существующий в нашем сознании, и показать его отражение в сегодняшнем дне. Эта перспектива, эксперимент сразу интригует читателя, и автор не обманывает его ожидания.

В начале книги – “Вместо предисловия: три тезиса о социальной истории и языке”, как и в некоторых других местах, Йованович излагает свою методологическую позицию (что для популярных работ скорее редкость), совершая “челночное” путешествие от языка к обществу и обратно. Развитие языка отражает условия существования социума и происходящие в нем процессы. Поэтому, изучая язык с помощью методик социолингвистики, можно построить своеобразную модель общества и проследить ее изменения. “Но сразу необходимо заявить, – оговаривается автор, – что [его] основное внимание направлено на историогра-

фическое рассмотрение языкового развития, причем язык понимается как одна из важнейших структур сербской социальной истории ... Акцент на социально-историческое измерение дискуссии тем самым существенно отличает историографический подход от лингвистического и литературно-исторического подходов в изучении полемики о литературном языке” (С. 6–7). Йованович обозначает, по выражению М. Блока, “территорию историка” в филологической теме – то место, которое до сих пор оставалось вакантным, а потому *по преимуществу* являлось зоной свободной от критики, пространством околонучного мифа.

Первая часть книги, занимающая примерно половину ее объема, «Дискуссия и общество, или о “старовольцах” и “новотинцах»». (“Старовольцами” и “новотинцами”, по воспоминаниям Й. Суботича, современники называли соответственно противников и сторонников языковой реформы В.С. Караджича.) Йованович видит в этих кличках символику раскола сербской интеллектуальной элиты на традиционалистов (консерваторов) и революционеров от культуры. Изложение строится по принципу концентрических кругов, что выражено уже в самой структуре: раздел разбит на три главы, каждая из которых состоит из трех подпунктов. Разговор идет как будто об одном и том же, но содержание его постепенно углубляется, а историческая реальность, необходимая для уяснения проблемы, расширяется. Сначала автор напоминает читателю последовательность дискуссии, затем обращает внимание на ее ожесточенный характер, приводя несколько хлестких высказываний участников спора, и, наконец, озадачивает: почему филологические тонкости вызвали такой накал эмоций! Предлагается гипотеза: “Дискуссия о литературном языке представляла своего рода арену, на которой проявлялся глубокий общественный разлад. Сама полемика отчасти происходила из общей социальной дисгармонии, которая была следствием сложных исторических процессов и многочисленных очевидных разрывов в историческом развитии сербского народа. С другой стороны, она провоцировала

новые и углубляла старые разногласия... Все это неминуемо оставило следы в коллективной психологии через заимствование определенных образцов дозволенного и желательного общественного (культурного) поведения и влияло на формирование общественного сознания и ментальности” (С. 26–27). Дискуссия является фокусом социальной истории Сербии в самом широком смысле и в самом большом хронологическом масштабе.

Наиболее детально автор рассматривает факторы, определявшие замедленный темп, непоследовательность, неравномерность и прерывистость развития сербского общества в период после турецкого завоевания, особенно в конце XVII – середине XIX в. Внимание концентрируется на следующих обстоятельствах: “а) массовые и частые (э)миграции сербского населения; б) возникновение двух центров общественной и культурной жизни в течение XVIII века (в северо-западной части Турции и на юге Австрии); в) исчезновение старых и частое прекращение и откат в развитии вновь сформированных сербских общественных элит (что сделало совершенно невозможным их стабильное развитие); г) преобладание церкви в общественной жизни сербского народа в период с XVI и до конца XVIII века” (С. 45). Социальная подоплека языковой дискуссии становится поводом для выявления нерешенных дилемм сербской истории при переходе от Средневековья к Новому времени (о них заходила речь уже в начале книги). Это дилемма включенности/изоляции сербов в общественной жизни Османской империи, проблемы культурной/политической роли церкви у сербов в Турции и (позднее) в Австрии, модернизации/традиционности сербского общества в Новое время и многие другие.

В результате “конкуренции экспериментов” рубежа XVIII–XIX вв. (выражение Н.И. Толстого) возобладала революционная (“деволютивная”) модель развития сербского литературного языка на основе кодификации устного народного творчества, и вместе с тем народнический концепт культуры – своеобразная “цивилизация гуни и опанок” (крестьянская одежда и обувь) с ее мифами и ле-

гендами. А поскольку данный концепт стал предметом политических манипуляций разных партий от радикалов Николы Пашича до коммунистов, “вследствие этого в современном сербском обществе и образ сербского крестьянина и (мифологизированная) личность Вука Караджича представляют важные символы коллективной идентичности” (С. 83). С другой стороны, довуковские традиции сербской городской культуры в австрийских землях, поскольку их отстаивали оппоненты Караджича, были вытеснены, дискредитированы и забыты. Йованович демонстрирует возможности реконструкции этих забытых традиций путем анализа библиографии сербских книг XVIII в.

Вторая часть книги «О стереотипах и мифах, или о “крылатом Вуке” и “аждая буржуазной мысли»» (аждая – змея; в данном контексте следовало бы перевести – “гадина”) построена иначе, чем первая. Ее большую часть составляет фактуальный анализ 16 наиболее авторитетных научных трудов, посвященных (полностью или частично) языковой реформе В.С. Караджича. Среди авторов этих работ Л. Стоянович, А. Белич, М. Попович, Й. Кашич, Й. Деретич и другие известные имена, представлен только один писатель – И. Андрич с его публицистикой. Нельзя сказать, что научные исследования редко рассматриваются как исторические источники. Как таковые они используются в работах по историографии и истории исторической науки. Однако подход Йовановича несколько иной. Его интересуют не столько концепции ученых, сколько их словесная оболочка – речевые штампы, образы и символы, использованные для убеждения читателя, так сказать, эмоциональный “вычет” из рациональной аргументации. Эффект анализа стереотипных представлений, предпринятого Йовановичем, тем более силен, что от научных трудов, в отличие от публицистики и популярных изложений, мы, как правило, ждем холодного и взвешенного отношения к предмету исследования. Однако публикации серьезных ученых, на основе которых, в конечном счете, формировались и формируются массовые представления о прошлом (посредством системы

образования, средств массовой информации и пропаганды, где эмоциональная нагрузка возрастает) оказались наполнены “общими местами” – сквозными метафорами, клеймами и этикетками.

Центральная метафора, берущая свое начало от высказываний самих участников дискуссии, но занявшая ключевое место после выхода книги Д. Даничича, – это образ войны. В нем редуцировалось сложное переплетение многих противоречивых, неоднозначных и незаконченных культурных, социальных, политических и иных процессов, происходивших в Сербии на протяжении XIX в. Отношение к литературно-языковой полемике как к войне закрепилось в поколении, пришедшем в дискуссию после восстаний 1804–1813, 1815 гг. с их экстремистской практикой. Но оно сохранилось и в более или менее нормализованных условиях, поскольку метафора войны позволяла просто решить сложные вопросы, четко деля социальное пространство на “свое” и “чужое”, а его население – на “друзей” и “врагов”. Особое внимание Йованович уделяет деконструкции мифа об оппонентах Караджича как о “совершенных идиотах, болванах, лжеученых” (С. 148). Тщательно разбирается механизм формирования стереотипных представлений с демонстрацией уровня отклонений от верифицируемых фактов.

Критика вселяет сомнение в независимость и объективность научного сообщества, но в то же время дает надежду на то, что оно способно к самокритике и самообновлению. Автор отдает себе отчет в том, с какими трудностями связан подобный поворот и на кого падет гнев “большинства”, однако занимает бескомпромиссную, можно сказать, стоическую позицию: “Роль и влияние, которые общественные и политические мифы имеют в культуре, коллективной памяти и общественном сознании некоего народа еще более выражены, если речь идет о недостаточно развитых обществах, в которых эпическое понимание истории доминирует и вытесняет научные знания... Из-за этого всякая попытка рационально и обоснованно, научно фундаментально заниматься проблемами общественных мифов (и тем содержанием, которое охватыв-

ается мифическими сюжетами) наталкивается на исключительно сильный отпор в подобных обществах. Вопреки этому проблемами создания и использования общественных, культурных и политических мифов наука должна заниматься упорно и всесторонне” (С. 120).

В заключительных параграфах автор характеризует труды предшественников-филологов, которые позволили себе, хотя бы отчасти, усомниться в господствующем мнении (М. Селимович, М. Ивич, В. Эрчич и некоторые др.). Без них было бы невозможно продвижение вперед. Почему их работы не смогли переломить ситуацию? Во-первых, филологи рассматривали лишь часть вопросов, связанных с языковой дискуссией, игнорируя социальные условия, ее породившие. Во-вторых, культурные (научные) мифы прочно вмонтированы в систему политической мифологии Сербии с ее эпическим отношением к прошлому. Сопrotивление преобладающего мышления оказалось слишком велико. Предстоит большая и трудная работа. Ее практическое значение состоит в реабилитации культурных традиций дореформенного периода, преодолении общественного, интеллектуального и культурного нигилизма, который и является почвой для воспроизводства всевозможных мифов.

Книга Йовановича выходит далеко за рамки научно-популярного труда. Это развернутое эссе, которое демонстрирует позицию современного поколения историков, исповедующих принципы междисциплинарного синтеза, с продуманной программой действий по корректровке образа прошлого и отношения сербского общества к своим традициям. Очевидно, что реакция на это в научном сообществе будет неоднозначной, однако не хотелось бы, чтобы дискуссия, как и во времена Караджича, если верить господствующей трактовке, велась по законам “военного времени”. Не хотелось бы, и чтобы ее просто проигнорировали.

“Тексты оппонентов Вука важны... как источники для изучения социальных идей сербской буржуазной интеллигенции того времени”, – настаивал Йованович в книге 2002 г. (С. 107). И спустя некоторое время собрал под одной облож-

кой печатные выступления, касающиеся проблемы языка. Сборник “Против Вука” назван как парафраз известной книги М. Селимовича “За и против Вука”. Если позиция “за” всячески пропагандировалась, то позиция “против” известна хуже. Недаром Йованович назвал предисловие к тому “Об историческом и общественном забвении”, настаивая на жизненной необходимости восстановления культурных традиций сербского народа. “Одновременно подход, который в центр рассмотрения этих проблем ставит общественные процессы и структуры, а не “героев” как двигателей истории, исключает какую-либо идею возобновления давно оконченных споров... а особенно идею поиска ответа на напрасный вопрос: кто был прав”, – подчеркивает составитель (С. 8). Одни тексты противников Караджича печатались в качестве приложений к отдельным томам его собрания сочинений, другие приходилось искать в изданиях, давно ставших библи-

ографическими редкостями – они выходили полтора–два века назад. Следует отметить кропотливую работу по переводу дореформенных текстов на современную сербскую графику и пунктуацию, с тем чтобы сделать их максимально доступными для читателя, сохранив при этом архаичный стиль текстов, сам по себе являющийся позицией в споре о языке (транслитерация выполнена Татьяной Суботин-Голубович). Хрестоматия разбита на разделы в соответствии с хронологией, тематикой и персонификацией языковой дискуссии. В качестве дополнений даны библиографические и биографические справки об авторах текстов, а также словарь малоизвестных слов в качестве пособия для чтения. Книга “Против Вука” является прекрасным собранием источников по социальной и культурной истории Сербии конца XVIII – середины XIX в.

© 2006 г. *М.В. Белов*

Дирекция Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала “Славяноведение”, родные, близкие и коллеги благодарят всех, приславших соболезнования в связи с трагической гибелью выдающегося историка-слависта, члена-корреспондента РАН **Владимира Константиновича Волкова**. В том числе: министра культуры и массовых коммуникаций РФ А.С. Соколова, руководителя федерального агентства по культуре и кинематографии М.Е. Швыдкого, вице-президента РАН акад. Н.А. Платэ, директора Ин-та стран СНГ К. Затулина, посла Республики Болгария в РФ И. Василева, посла Республики Босния и Герцеговина в РФ Э. Халиловича, посла России в Македонии А.Н. Асатура, посла России в Сербии и Черногории А. Алексева, посла Республики Македонии в РФ Р. Никовски, ген. консула России в Подгорице В. Ваниева, директора Словацкого ин-та в Москве Ю. Калницкого, Академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН акад. А.П. Деревянко, уч. секретаря Отделения историко-филологических наук А.Е. Петрова, председателя Национального комитета российских историков акад. С.Л. Тихвинского, директора Ин-та российской истории РАН чл.-кор. РАН А.Н. Сахарова, и.о. директора Ин-та языкознания РАН М.Е. Алексева, Санкт-Петербургский Ин-т истории РАН, президента АН Албании Ю. Попу и вице-президента Л. Омари, директора Ин-та истории Польской АН С. Былину, директора Ин-та новейшей истории Чешской АН О. Тыму, советника Сербской Академии наук и искусств С. Терзича, директора Ин-та Новой истории Сербии М. Митровича, директора Ин-та современной истории (Белград) М. Павловича, Матицу сербскую, президента Восточноевропейского центра стратегического развития (Белград) Н. Поповича, вице-президента Черногорской Академии наук и искусств акад. М. Шарановича, Исторический ин-т Черногории, директора Ин-та истории Болгарской АН Г. Маркова, директора Ин-та балканистики Болгарской АН А. Гарабедяна, Ин-т фольклора Болгарской АН, директора Македонского научного ин-та (София) Д. Гоцева, директора Ин-та истории Румынской АН И. Скурту, директора Ин-та по изучению Юго-Восточной Европы Румынской АН П. Сталя, сопредседателя двусторонней Комиссии историков Румынии и России Ф. Константиину, декана филологического факультета МГУ М.Л. Ремневу и зав. кафедрой славянской филологии В.П. Гудкова, зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ Г.Ф. Матвеева, кафедру славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, кафедру славянской филологии СПбГУ, Уральский гос. университет, проректора Ивановского гос. университета Д.И. Польшванного, декана исторического факультета Софийского университета И. Илчева, кафедру теоретического славянского языкознания Белорусского гос. университета, ректора Гродненского гос. университета Е.А. Ровбу, руководство Союза друзей Болгарии в России, российский центр науки и культуры в Сербии и Черногории, академиком В.В. Алексева (Екатеринбург), В.Г. Кадышевского (Дубна), С. Живанова (Белград), М. Дашича (Подгорица), проф. В. Иваноски (Скопье) и многих других.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Iskenderov P.A.</i> (Moscow). The Albanian Question: from Balkan Wars to the First World War ...	3
<i>Vishnjakov Ya.V.</i> (Moscow). Extra-Constitution Factors in Development of the Serbian Statehood	15
<i>Jambaev M.L.</i> (Moscow). Chets of the Internal Macedonian Revolutionary Organization at the Initial Stage of the Activity	22
<i>Mihutina I.V.</i> (Moscow). The Western-Ukrainian National Republic	29
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). The Historical Novel in the Slovene Literature of the Inter-War period. Genesis of a Genre	39
<i>Semenova A.V.</i> (Moscow). About Compiling the Ideographic Phraseological Dialect Dictionary (Based on Phraseology of the Koczewian and Kaszubian Dialects of the Polish Language)	50

COMMUNICATIONS

<i>Vinokurov V.S.</i> (Moscow). Serbian Officers' Political Activity in the Beginning of XX Century ..	65
<i>Komissarova E.V.</i> (St. Petersburg). Problems of the Alphabetic Norm in Slavic book Publishing in XIX–XX Centuries (Based on Materials of the Russian Academy of Sciences Library).....	72
<i>Ivanova E.J.</i> (St. Petersburg). The Article Marking of a Predicative Noun Group in the Bulgarian Sentence: Grammar and Semantics.....	86

PUBLICATIONS

<i>Sokolovskaja O.V.</i> (Moscow). First Rank Captain M.Yu. Garshin's Letters to the Queen of Hellenes Olga Konstantinovna Romanov During the First World War	92
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Zadorozhnyuk I.E.</i> А. де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество	120
<i>Belov M.V.</i> М. Јовановић. Језик и друштвена историја. Друштвеноисторијски оквири полемике о српском књижевном језику.....	122
From the Administration of the Institute for Slavic Studies, RAS and the Editorial Board and Editorial Staff of the journal "Slavic Studies"	127

Сдано в набор 07.10.2005 Подписано в печать 30.11.2005 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,7 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 534 экз. Зак. 901

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН
Издатель – Научно-производственное объединение «Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jusrlav@rambler.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»
Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

Славяноведение, 2006, № 1

ISSN 0132-1366